

Жестокий век

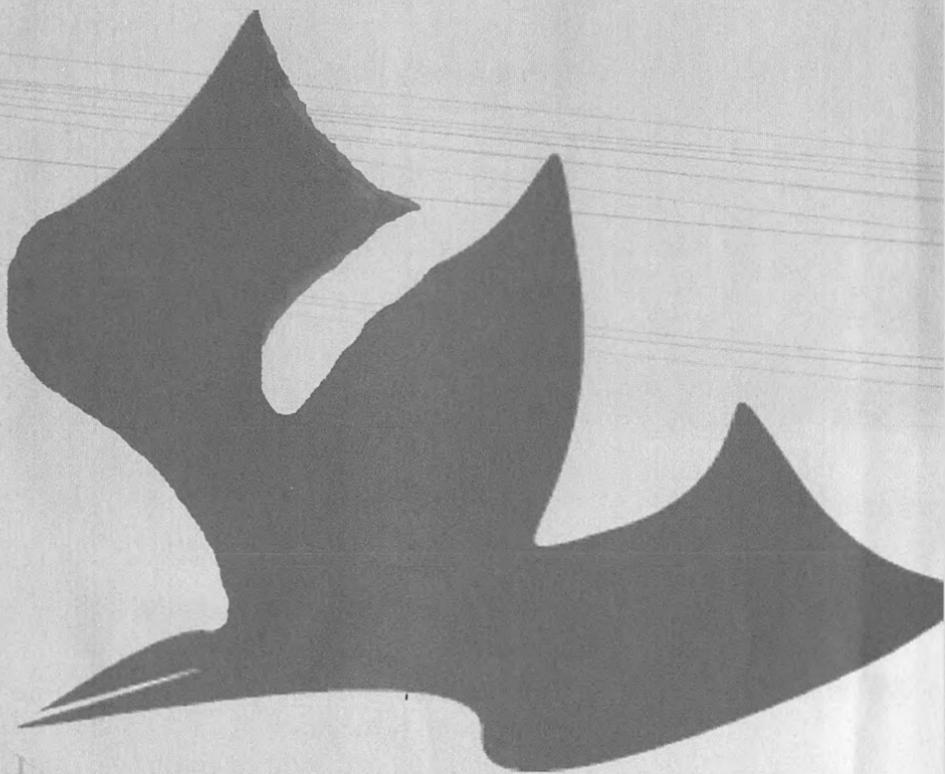
Жестокий век

Жестокий
век

Жестокий век

Специальный выпуск
альманаха
«Волшебный фонарь»

Дизайнер Р.Б. Гершзон

Редактор В.П. Ерохин

Жестокый
век

Внутренняя тюрьма возникла из-за согласия на зло революции у дедов, из-за сотрудничества с режимом – у отцов и у нас самих, эта внутренняя тюрьма, в которую мы вогнали свою душу, потому что иначе надо было идти на Голгофу.

Все думали о том, что вот – упала внешняя стена и теперь начнётся новая жизнь, нормальная, год-два – и всё изменится, и раскроется та старая Россия, которую мы потеряли, и, раскрывшись, она пойдёт дальше.

«Россия в обвале» – это великая скорбь о том, что же сделал народ с собой, не слыша призывов к покаянию, к изменению ума, но закоснев, заткнув уши, закрыв глаза, став «народом жестоковейным», который не желал слышать того, что он наделал, и даже то, что с ним наделали.

Жестокий век

Москва
Волшебный фонарь
2014

Георгий Вомпе

Вомпе Георгий Александрович, 1939.

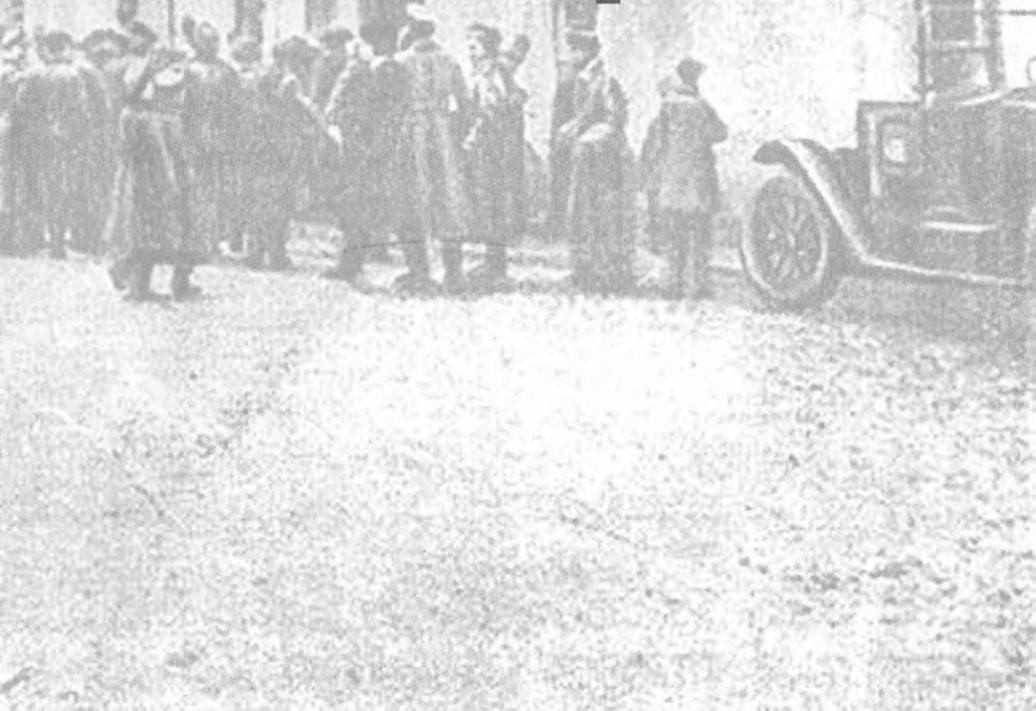
Окончил физический факультет МГУ. Исследовал кинетику высокотемпературных газовых реакций (1960–1970 годы), прочность строительных конструкций (1970–1980 годы), сейчас на пенсии.

Наиболее фундаментальное впечатление: встреча с вернувшимся населением Архипелага. В детстве: старушка, мать учителя моего отца. Она говорила: «Сын в секретной командировке, обязательно вернётся». Не дождалась, конечно.

Второе фундаментальное впечатление возникло при знакомстве с творчеством Петра Старчика, одарённого способностью открытия музыкальной оболочки для поэтических произведений. Слово «романс» как-то не подходит к его жанру, но несомненно: его музыкальные открытия создают как бы «второй ключ» к поэтическому произведению. Можно также уточнить, что объём музыкального охвата простирается у него от Сумарокова до Шаламова...

Утешения: создание фотокомпозиций по произведениям Цветаевой и Волошина (1960–1980 гг.); собрание семейного архива; издание произведений друзей и редких книг.

Русская Голгофа

Зачем нам ещё одни воспоминания о Гражданской войне?
И так всё ясно: народ белых не поддержал.

Теперь, в начале следующего века, оказалось, что лозунги революции так и остались пустыми, а вот страна с перебитым хребтом ещё надеется как-то выжить. На авось это не получится; значит, надо обернуться и ещё раз проверить, «хороши ли наши идеалы».

Идеалы воплощаются в людях, и одно только сравнение личностей с обеих сторон может прояснить картину.

Естественно возражение, что с обеих сторон находились мерзавцы, но такой вопрос решается не по низшим образцам. Пусть с нашей стороны такой подход покажется «романтическим», но чем он хуже других? Посмотрим, что может получиться.

Издательство «Волшебный фонарь» опубликовало книгу с дотоле неизвестными воспоминаниями Николая Авенариуса. Писались они очевидцем событий революции в 70–80-е годы прошлого века.

Несколько слов о роде Авенариусов. Представительница этого рода, добывшая рукопись воспоминаний, Ирина Георгиевна, знакомясь со мной, после моего нелепого вопроса, не имеет ли она какое-то отношение к знаменитому Авенариусу, с которым полемизировал Ленин, неожиданно и как-то даже радостно ответила, что имеет, т. к. «все мы, Авенариусы, — родственники!»

Родовая её приверженность выразилась в том, что я увидел у неё дома книгу «Наша семейная летопись» 1872 года издания и узнал о поездке (может быть, не одной?) на регулярные авенариусовские съезды в Праге, откуда почти пять веков назад вышел первый Авенариус (1516–1576). Не место распространяться об этом славном роде, для «патриотов» заметим только, что этот род дал из разряда людей, известных России:

— полкового командира в войне 1812 г. (Андрей Юрьевич, 1748–?);

— физика (Михаил, 1835–1895);

— автора исторических романов (Василий, 1839–1923);

— археолога (Иван, 1862–1918);

— киноведа (Георгий Александрович, 1912–1958).

Итак, именно авенариусовские съезды стали источником рукописи воспоминаний Николая, т. к. две первые главы воспоминаний Николая Александровича Авенариуса опубликованы в переводе на немецкий язык в периодическом издании (журнале) Familienverband AVENARIUS Familien-zeitschrift heft nr. 13, Dezember 2003, 459–502. Перевод заканчивается октябрём 1917 г. и фразой: «На другой день Москва начала жить по-новому и с новым правительством».

Заметим, что Николай Авенариус предвосхитил обращение Александра Солженицына, призвавшего современников к написанию таких воспоминаний:

«Весь этот опыт почти неизвестен населению нашей страны и будет представлять величайший интерес — чем позже, тем больше. Я призываю моих соотечественников теперь же сесть писать такие воспоминания, чтобы горе наше не ушло вместе с ними бесследно, но сохранилось бы для русской памяти, остерегая на будущее».

Содержание воспоминаний можно изложить, примерно так подразделяя повествование на крупные этапы:

«Бесхитростный рассказ о том,
как русский мальчик Коля Авенариус
возрос на берегах Мологи и матушки Волги,
учился в Московском императорском
высшем техническом училище,
добровольно пошёл защищать Отечество
в Первую мировую войну,
с оружием вышел против большевиков в Москве
(октябрь 1917),
бежал в Бессарабию через большевистские кордоны,
полтора года сражался в Добровольческой армии в Крыму,
покинул Россию с войсками генерала Врангеля,
бедствовал в Турции — Константинополе, затем в Румынии,
получил высокое покровительство двух королей —
голландской и румынской,
правдами и неправдами добрался до Чехословакии,
милостью этого народа и государства
получил образование и работу, создал семью,
ввязался в словацкое антинемецкое восстание,
был вознаграждён внуками Александром и Анной,
побывал снова в Москве
и записал эту необыкновенную историю».

Что же можно сказать о личности автора? — вопрос, поставленный в самом начале этого очерка. Для этого воспользуемся тремя эпизодами из воспоминаний.

Влюблённости украшают любую жизнь, так что Авенариус не исключение. После его бегства из Москвы, несмотря на уже принятое решение примкнуть к Добровольческой армии, ему требовалось побывать в Бессарабии, куда ранее прибыли его родители. Обстоятельства на некоторое время задержали его там. Затем последовало исполнение намеченного плана вступления в Добровольческую армию. С большим трудом ему удалось снова добраться до Бессарабии после того, как вместе с армией Врангеля он очутился в Турции и Константинополе. После этого надо было включиться в обычную жизнь и находить средства к существованию. Здесь он снова встретился с русской девушкой, с которой познакомился ещё в период предыдущего пребывания в Бессарабии. Ещё тогда он мог объясниться с ней, но отложил, вероятно, считая, что в России вполне возможна его гибель. Теперь оба они работали в одном хозяйстве и часто встречались, — самое время для решительного объяснения. Но девушка (беженка из Киева), ему ответила:

— Как, Николай Александрович, я уже два года люблю другого, а он меня. Разве вы не догадались об этом?

Но отец семейства, откуда происходил её возлюбленный, не допускал брака сына с какой-то там беженкой, да ещё православной. Хозяйство было не маленькое, был там и винокуренный завод, так что проблем с алкоголем не было. Николай запил с горя, но быстро опомнился и вскоре устроил не свой брак, а брак влюблённой Галочки с румыном-католиком, по католическому обряду. Был семейный скандал, но и самому Николаю это далось нелегко. Найдётся ли подобный сюжет у Тургенева или Гончарова? Заметим, что брак именно с русской девушкой был мечтой Николая (создать русскую семью), но мечта так и осталась мечтой.

Эпизод второй.

С весны 1920 года Авенариус воевал на артиллерийской батарее, защищавшей Перекоп. В октябре того же года он снова оказался на Перекопе. Увидев новенькие укрепления на этом рубеже, он подумал, что здесь батарея перезимует и даже можно будет подучить математику (на батарее были и другие студенты). Но во время боя тем же вечером пришёл приказ на отступление и известие: фронт прорван. Последовали три или четыре дня непрерывного передвижения к пунктам эвакуации. Кстати, красные преследовали батарею только первое время. К моменту, когда Николай прибыл на пристань Севастополя, он увидел транс-

порт «Саратов», готовый отчалить, и толпу, потому что никто уже не допускался на борт парохода. На мостик корабля вышел генерал Кутепов и через мегафон объявил толпе, что капитан запретил принять ещё хотя бы одного человека, т. к. транспорт уже перегружен, а он отвечает за безопасность перехода.

Лет через пять произошла другая встреча Авенариуса и Кутепова в Братиславе, где генерал посетил галлиполийское землячество, в которое вошёл и Николай, стремившийся всегда к контактам с земляками. Кутепов обходил небольшой строй, расспрашивал каждого о жизни, успехах, пожимал руку. Тогда (или, может быть, позже) Николай подумал: «вот человек, приказ которого обрекал меня и ещё сотню других на смерть».

Обдумывая ситуацию, он всё-таки нашёл оправдания для Кутепова, своего высшего непосредственного командира в Крыму. На войне это обычная ситуация, когда командующий оставляет за отступающей армией арьергард практически на верную гибель, чтобы сохранить основные силы. «Приняв это во внимание, я освободил свои чувства от неприязни».

Оглянись, любезный читатель: приходилось ли тебе освобождать свои чувства от неприязни?

Эпизод третий. 1944 год.

Авенариус (с семьёй) ожидает вступления Красной армии в словацкий городок, где они проживают. Трудный выбор снова стоит перед ним:

«Смущала нас неизвестность, как пришедшие войска отнесутся к нам. Не только „смущала“ — это слишком мягкое слово, неизвестность приводила нас в ужас, вывела совсем из нормальной колеи. Как отнесутся к нашему прошлому, когда мы с оружием в руках боролись с новыми идеями советской власти? Быть сосланным на принудительные работы на Дальний Север, оставив семью без средств к существованию? Как это получилось с эмигрантами в Польше? Снова эмигрировать куда-то в далёкие неизвестные страны? Снова искать нового убежища? Ломать уже налаженную жизнь?»

Большинство из нас были уже семейные, были и дети, у меня, например, трёхлетний мальчишка. Кошмарные дни переживали мы — ведь брали ответственность не за себя, как это было в 1920 году, а за семью. Если мы и не считали Словакию нашей второй родиной, считали жизнь здесь лишь временной, живя постоянной надеждой, что вернёмся домой, но не насильственным способом...»

Решение было принято:

«Бежать дальше с отходящими немцами, которых я, например, ненавидел? Яра очень боялась за меня, и мне не стоило бы большого труда уговорить её уехать. У Яры все родственники (родители, два брата, две сестры) были здесь. Если бы что со мной случилось (например, увезли бы в СССР), она с малым Сашком не пропала б. А с отъездом все беды, перенесённые мною в первые годы эмиграции, не минули бы и теперь, но уже с семьёй. Оставшись, я рисковал стопроцентно лишь сам, а уезжая, я рисковал тремя головами».

Николай остался.

Все три эпизода объединяет одно: встречая проблему, Николай всегда готов решать её «за свой счёт», вплоть до отказа от жизни.

Здесь мы видим воплощение любимой идеи Ивана Ильина, утверждавшего, что жить надо тем, что дороже жизни.

Так сложилось (Господь хранил?), что судьба Николая оказалась в общем счастливой, по советской песне: «если смерти, то мгновенной, если раны — небольшой». Рана действительно оказалась небольшая, но заполненная вшами, — недосуг было посмотреть, пока не оказался на транспорте «Саратов».

Ситуаций и случаев оплатить упорство ценой жизни было более, чем можно себе представить. Обычно, когда наступает спокойная жизнь, люди любят рассказывать о критических моментах, делиться воспоминаниями с собеседником. При этом Авенариусу пришлось услышать о себе:

«Вы любитель авантюристических переживаний».

«Нет, это не так, — возражает он. — Авантюристы имеют всегда на первом месте себя, свои личные выгоды, хотя бы и в далёком будущем. Я их не имел. Нет, я был легкомысленным, был непоседлив, не любил плыть по течению, всегда искал чего-то своего и часто очень неудачно. Но эгоистичным не был».

Так исполнилась молитва его дальней прабабушки (за четыре поколения) Анны Гризилии: «Боже! Сохрани нас и детей наших от роскоши, богатства и скупости», — заканчивала она обыкновенно вечернюю молитву.

Судьба Авенариуса — точное исполнение молитвы. На турецкий берег он вышел почти без документов, даже без шин-

ли (по формуле: гол как сокол, в преддверии зимы); наверно, немаловажным было сознание поражения.

Обидна карикатура, нарисованная М. Булгаковым в пьесе «Бег», но это уже другая история.

Здесь мы подошли к главной оценке жизни автора воспоминаний. Такая оценка предполагает точку зрения с высоты птичьего полёта (нам бы надо сказать: с высоты ангельского полёта).

Автор не философствует в своих воспоминаниях, у него даже есть строки: «Исписал по этому поводу две страницы рассуждений, но потом убрал их. Я пишу воспоминания, а не рассуждения».

Изредка прорывается главное, оно и вынесено почти на книжный титул: «Что же я такого сделал? Не хотел видеть, как уничтожают всё старое, в котором были и недостатки, как при каждом режиме, но уничтожать всё, что *создали отцы*, — было ни чем иным, как варварством, против которого надо было встать».

Слова «создали отцы» — ключевые. Только нужно уточнить что же это за отцы и что они создали.

Пожалуй, не скажу ничего особенно нового, но в том-то и дело, что наша жизнь стремительно теряет богатства, созданные отцами.

Мне видится основоположником «в стане отцов» Ф.М. Достоевский, который в набросках к роману «Бесы» изобразил диалог революционера, прибывшего из Швейцарии в Россию, с аристократом, которого революционер хочет распрогандировать. Аристократ возражает:

«— Вы предлагаете счастье. Если предположить даже, что вы совершенно правы в окончательной цели стремления,.. то уже из одной прокламации вашей видно, до какой степени незрелы, ничтожны, легкомысленны ваши умы, а стало быть, до какой степени и не годятся они для достижения вашей же цели. Неужели вы не видите, что подобное перерождение человека, какое вы предлагаете, невозможно? Вы говорите, что всё совершится топором и грабежом, а чтоб человек отказался от Бога, от любви к Христу, от любви и обязанностей к своим детям, от своей личности и от её обеспечения — для этого мало веков. Это веками принимается,.. а вы хотите в несколько дней, из этого видна ваша глупость. И всякий, видя эту глупость, за вами не пойдёт... народ не станет драться, не

зная за что. Жечь и грабить <будет> куча потаённых злодеев. Ведь народ не может же принять вашу программу: уничтожение собственности, личности, Бога и семейства... Народ если и увлечётся бунтом и грабежом, то... устроит что-нибудь другое, по-своему, пожалуй, ещё гораздо худшее.

— Пусть; но уж то хорошо, что один мир погибнет. Настанет другой, хоть и с ошибками, устроенный народом, но уж наверно капельку получше. Когда увидят ошибки, мы или последователи наши его опять ниспровергнем, и так далее до тех пор, пока примется наша программа целиком. Но уже и при первом опыте мы цели достигнем уж тем одним, что принят будет принцип топора и революций.

— Но почему вы так уверены, что программа ваша непогрешима? Что если это только вздор и совершенно нелепейшее незнание природы человеческой, во-первых, и русского народа — в особенности? Ведь вы ничем доказать этого не можете, кроме того что так вам кажется? Но ведь вы, может быть, глупы, — оттого вам так и кажется. Так не всем же нарочно дураками делаться, чтобы за вами идти. Но вы вот и рассуждать отказываетесь. Вы говорите: кто не за нас, тот против нас, и всех с противоположными убеждениями обрекаете смерти, забывая, что спор есть во всяком случае развитие дела. А уж с какой злобой не признаете тех, кто даже действовать будет против вас, будучи не согласен с вашими убеждениями!

— Всё это вздор и тонкости!

— Но если вы не знаете наверно, что программа ваша истинна, каким образом вы берёте на свою совесть злодейство разрушения?

— Мы верим, что программа наша истинна и что всякий, принявший её, будет счастлив. Вот почему и решаемся на кровь, потому что кровью купится счастье».

Во второй половине XIX века, задумываясь о роли науки и просвещения, Достоевский высказывается пессимистически:

«Люди» просто боятся как какого-то обычая, какого-то принятого на веру правила, почти-что предрассудка, что если б кто-нибудь из людей „компетентных“ хоть чуть-чуть „доказал“, что сдирать иногда с иной спины кожу выйдет даже и для общего блага полезно, и что если оно и отвратительно, то всё же „цель оправдывает сред-

ства «... то, поверьте, тотчас же явились бы исполнители, да ещё из самых весёлых, О, пусть, пусть это смешнейший мой парадокс! — я первый подписываюсь под этим определением обеими руками, но тем не менее уверяю вас, что это точь-в-точь так бы и было».

Уже в XX веке С.Н. Булгаков написал работу «Карл Маркс как религиозный тип». Заметим, что дело не в очернении Маркса (хотя и это достойная цель), а в более глубокой точке зрения на мировой процесс и духовный путь человечества. (Со всем недавно пришлось увидеть на книжном прилавке свежую книгу «Почему прав К. Маркс?»...) Итак, Сергей Булгаков:

«Вся доктрина Маркса, как она вытекла из основного его религиозного мотива — из его воинствующего атеизма: и экономический материализм, и проповедь классово-вражды,.. и отрицание общечеловеческих ценностей и общеобязательных норм за пределами классового интереса, наконец, учение о непроходимой пропасти, разделяющей два мира — облечённый высшей миссией пролетариат и „общую реакционную массу“ его угнетателей, — все эти учения могли действовать... только в том направлении, чтоб огрубить, оземлянить, придать более прозаический и экономический характер социалистическому движению, сделать в нём слышнее ноты классовой ненависти, чем ноты всечеловеческой любви. Мы отнюдь не приписываем внесение этого оттенка* в движение влиянию только одного Маркса... это духовное искушение и без него слишком велико и, конечно, нашло и находит много путей распространения и раньше и теперь (и у нас в России), но Маркс был могущественным его орудием. Личное влияние Маркса в социалистическом движении отразилось всего более именно усилением той антирелигиозной, богоборческой стихии, которая в нём бушует, как и во всей нашей культуре...

С великой мудростью и глубоким пониманием истинного характера антирелигиозной стихии, стремящейся овладеть социалистическим движением и обольстить его, Владимир Соловьёв в повести об Антихристе рисует его, между прочим, и социальным реформатором, социалистом.

* Если бы оттенок, реально это — главный окрас.

И в социализме, как и во всей нашей культуре, идёт борьба Христа и антихриста...

Социалистическая деятельность Маркса как одного из вождей движения, направленного к защите обездоленных в капиталистическом обществе и к преобразованию общественного строя на началах справедливости, равенства и свободы, по объективным своим целям, казалось бы, должна быть признана работой для созидания Царствия Божия. Но то обстоятельство, что он хотел сделать это движение средством для разрушения святыни в человеке и поставления на место её самого себя и этой целью руководился в своей деятельности, с религиозной точки зрения должно получить отрицательную оценку; здесь мы имеем именно тот тонкий и самый опасный соблазн, когда добро и зло различаются не снаружи, а изнутри. Что здесь перевешивает — плюс или минус, — мы узнаем это только тогда, когда подведён будет и наш собственный баланс, а сами должны оставить вопрос открытым.*»

К чести Авенариуса скажем, что в воспоминаниях он рассказывает о чтении подпольной литературы в гимназические времена, в том числе «Капитала», однако он замечает, что не был готов к этому чтению и что «оно только засорило мозги».

Слово нашему современнику Андрею Zubову:

«Архипелаг ГУЛАГ» сломал советскую систему потому, что демонстрация правды — самое страшное дело для сатаны. Режим был — режим «зверя с именами богохульниками», того самого красного апокалиптического дракона. Однако, сломав этот режим предъявлением правды, этот великий труд Солженицына не вызвал раскаяния в наших душах. Для большинства «Архипелаг» остался фактом культуры, остался фактом исторической прозы, но не фактом исправления общественного сознания в тех масштабах, которые требовались для исцеления России.

Писатель предполагает: если народ не способен ужаснуться тому, что сотворили советские люди, значит, само это «советское» — порождение чего-то досоветско-

* Теперь видим пропасть, в которой оказалась Россия к концу XX века.

го. И с честностью гражданина он обращается к более глубокому пласту отечественной истории в «Красном колесе».

Теперь он старается понять причину общего предательства всего народа, его высших и низших слоёв — от царя до последнего рабочего и деревенского мужика, от священника до философа. И этот, может быть, особенно трагический роман не только не осознан, а даже не прочитан нашим обществом.

А потом произошло то, что, собственно, и должно было произойти. Все думали о том, что вот — упала внешняя стена и теперь начнётся новая жизнь, нормальная, год-два — и всё изменится, и раскроется та старая Россия, которую мы потеряли, и, раскрывшись, она пойдёт дальше. Потому что великие слова Спасителя: „Царство Божие внутри вас есть“ обращены в две стороны. Не только Царство Божие, но и царство сатанино „внутри нас есть“. И внутренняя тюрьма, которая возникла из-за согласия на зло революции у дедов, из-за сотрудничества с режимом — у отцов и у нас самих, эта внутренняя тюрьма, в которую мы вогнали свою душу, потому что иначе надо было идти на Голгофу (а на Голгофу большинству идти совсем не хотелось, даже большинство жертв тащили на Голгофу, единицы шли добровольно*), вот эта внутренняя тюрьма выстояла.

«Россия в обвале» — это великая скорбь о том, что же сделал народ с собой, не слыша призывов к покаянию, к изменению ума, но закоснев, заткнув уши, закрыв глаза, став «народом жестоковыйным», который не желал слышать того, что он наделал и даже то — что с ним наделали. И поэтому всё, на что так уповал Александр Исаевич как гражданин, как политический мыслитель — самоуправление, земство, построенный снизу от земли конус демократии, восходящий наверх — всё это оказалось химерой. Этого нет. Потому что все эти формы самоуправления, в конечном счёте, предполагают самоуправляющуюся волю, ответственную волю, а коли её нет, коли она пленена соглашением со злом и с той ложью, жить не по которой призывал писатель, конечно, ничего не будет.

Для меня, как для профессионального историка, важнейшим моментом всего творчества Александра

* Как Николай Авенариус.

Исаевича, — начиная с его художественных романов, является нравственное прочтение им истории. В истории для Солженицына нет детерминирующего внешнего закона развития формаций, смены народов, рас, времён, но в ней есть внутренняя пружина ответа на добро и зло.

И когда народ выбирает зло, с ним совершается зло. Вот это умение нравственно прочесть историю, умение увидеть в ней личный выбор, выбор личной воли — это, может быть, главный вклад Александра Исаевича в русскую культуру, в европейскую культуру XX века, страшного века, который всеми своими идеологиями как раз уводит человека от нравственного выбора. Он сказал замечательные слова, которые могут быть эпиграфом ко всему его творчеству: «Так всегда трудны или смешны в истории те пути самоотвержений и самоограничений, которые одни только и могут спасти человечество». И эти пути, к которым всем своим творчеством призывает Солженицын, — пути покаяния. Но его слова не приняты, не поняты, отвергнуты, осмеяны, ошельмованы.

То, к чему призывал Александр Исаевич, он сам исполнил, вступив на трудный путь, приведший его к отверженности очень и очень многими. И всё же мне хотелось бы надеяться, что рано или поздно его слова будут услышаны, ибо иначе у России нет будущего.

Кажется, что Александр Исаевич и автор воспоминаний — единомышленники, по крайней мере люди сходного темперамента и поведения:

Я, когда вырвался из отрезанной от России Бессарабии, считал своей гражданской повинностью присоединиться к Добровольческой армии во главе с Деникиным. С этими мыслями я и направился в военную комендатуру Одессы. И здесь я встретил массу военных всех возрастов и чинов, неразбериху и с трудом нашёл одного офицера из дежурных по комендатуре. Он мне на моё желание вступить в Добровольческую армию ответил приблизительно так: «Одесса — это далёкий тыл. Тыловые военные части переполнены. Правда, организуются боевые формации при штабах старых полков, но недостаток военного снаряжения и вооружения задерживает их отправку на фронт».

Он посоветовал мне пробраться в Харьков, где была генеральная квартира Добровольческой армии и где

меня сразу могут назначить в маршевую роту, отходящую на фронт. За эту мысль я и ухватился...

Авенариус не мыслитель, поэтому для прояснения его позиции и действий процитируем строки Ивана Ильина, который высказал самое существо чувств таких людей, как Авенариус, и ещё тысяч погибших, не оставивших нам никаких воспоминаний.

Далее приводятся отрывки из откликов И. Ильина на события октября–ноября 1917 г. (статьи «Молитва перед решением», «Ушедшим победителям», «Из записок убитого друга, 8 ноября 1917»).

Эту ночь перед решением я не забуду никогда. Мне ясно было, что Россия стоит перед пропастью, что народ не сумеет ни разобраться, ни противостоять соблазну, что нас, трезвых и верных, немного и мы обязаны бороться до конца.

Народ наш доверчив, как малое дитя, и страстен, как невоспитанный взрослый. Вижу соблазны, вижу надвигающийся позор и неминуемое крушение — и сердце рвётся от любви и скорби. Но не могу не видеть, что борьба будет беспощадная и кровавая, что в борьбе понадобится коварство и жестокость — и сердце содрогается от ужаса и отвращения.

И невозможно сказать: „Возьми от меня силу моего духа, который есть живое подобие Духа Твоего. Сними с меня служение и ответственность и бремя жизни...“ — это была бы молитва слабости, робости и бегства. Это была бы молитва об угашении человеческого достоинства и богоподобия: возьми от меня Твой благодатный огонь духовности, ибо я не могу и не хочу носить его...

Надо встать, самому взять «одр» своего расслабления и идти...

Не из классовой или личной корысти, не судорожным, тёмным мятежом, пробуждённым силою голода, страха или жадности; не велением честолюбца встали вы. Без уговоров и заговоров, с малым оружием, слабые числом и лишённые вождя, вы встали, потому что не признали похитителей власти, которых нельзя признать, не став рабом добровольно. Вы предпочли смерть новому игу. Вы не колеблясь поставили чувство собственного достоинства выше жизни; родину — выше класса; право — выше силы; свободу — выше смерти.

Неужели мы, оглядываясь на прошлое и зная бесконечно больше, чем те, кто выступил против революции или написал цитированные строки, скажем, что всё это «вздор и тонкости»?

Послушаем нашего современника Андрея Буровского:

Защитники большевиков чаще всего ссылаются на то, что «все были такими же». Это самый частый и самый лживый аргумент. Заметим: в программах НИ ОДНОЙ ДРУГОЙ партии, кроме партии большевиков, нет идей антагонистических противоречий, неизбежности классовой борьбы, войны между классами, диктатуры. Нет у кадетов, у эсеров и анархистов. Нет у меньшевиков и польских социал-демократов. У большевиков эти идеи есть. И потому давайте не будем врать, что «все были такими».

Любая партия, вообще любая политическая сила может оказаться в состоянии гражданской войны с противниками. Но далеко не всякая партия ПЛАНИРУЕТ гражданскую войну и закономерно готовится к истреблению целых общественных классов.

Карл Маркс планировал гражданскую войну в Европе и пропагандировал диктатуру пролетариата. Ленин, утверждая право своей партии на власть, писал: «Марксизм как единственно правильную революционную теорию Россия выстрадала...»

Придя к власти, предстояло ещё разрушать существующее общество и строить выдуманное в кабинетах утопистов.

В наше время Владимир Максимов избрал для своего романа название «Заглянуть в бездну». Бездну разглядел Иван Ильин буквально на пороге событий:

Скажем же наконец открыто и определительно: человеческая история не видела ещё ничего подобного по злодейской обнажённости искушения, всепроникающей планомерности, бешеному напору, объёму действия, организованности и длительности — захват 1/6 части земной поверхности — сразу и надолго. Мир не видел ещё подобного по бесстыдству, глубине, сознательной организованности искушения, где видимость научной доказательности так соединялась бы с планомерной ложью, где слагались бы в единую систему своекорыстие с такой злобой, такой подкуп с таким террором, такие биржевые

затеи с проповедью общности имущества, лицемерие с цинизмом, упоённое кощунство с посягательством на мировую власть, чтобы превратить Россию в пороховой погреб и взорвать из него мир.

Посмотрим же: кто противостоял Николаю Авенариусу и его соратникам. Далеко ходить не надо. В воспоминаниях упомянуты, например, Павел Дыбенко и Бела Кун.

Первого, по своей неосведомлённости, Авенариус считает героем Кронштадского восстания. На самом деле это был каратель — палач народного сопротивления большевикам. Именно Дыбенко впервые в истории применил заградотряды, которые выстрелами поперх голов первых наступающих цепей красноармейцев подгоняли их на штурм Кронштадта.

Второму «герою» была поручена зачистка Крыма после ухода Белой армии. Кажется, это понадобилось Троцкому, который не хотел ступить на эту землю, «пока её топчет хотя бы один белогвардеец». Свидетельств массового уничтожения пленных и мирного населения (по классовому признаку) более чем достаточно.

И что же? Их имена украшают ныне улицу и площадь в Москве. Планируется ввести новую автостраду Санкт-Петербург—Москва направив её в улицу Дыбенко (узнал из выступления Е. Чириковой). Продолжением улицы Дыбенко является ул. Лавочкина, которая буквально «продавливает» поперечную ей улицу Кронштадский бульвар. Так география откликается на прошлое, только мешает ни в чём не повинный Лавочкин.

Ещё в далёком детстве я не мог читать ни «Тихий Дон», ни «Железный поток». Ужасы этих произведений подавляли. Ужас одновременно есть бессмыслица. Что может быть достигнуто насилеием? Временное подчинение, а дальше циклическое насилеие, от которого может избавить мужество или чудо?

Из ужаса рождается ностальгия по прошлому у временно уцелевших. Тут мы вступаем в царство лирики и эстетики. Все, конечно, знают стихотворение Саши Чёрного:

Прокуроров было слишком много!
 Кто грехов твоих не осуждал?..
 А теперь, когда темна дорога
 И гудит-ревёт девятый вал,
 О тебе, волнуясь, вспоминаем —
 Это всё, что мы здесь сберегли...
 И встает бывшее светлым раем,
 Словно детство в солнечной пыли...

У Авенариуса подобное настроение чувствуется, когда он вспоминает концерт Надежды Плевицкой в Праге. Из другого источника известно, что зал был потрясён исполнением песни «Замело тебя снегом, Россия». А нам тут чудится уже лёд Колымы.

Интересно, что лирика почему-то предвосхитила Колю Авенариуса. Флюиды будущего достигли Пушкина, и он написал «Капитанскую дочку». Странные предчувствия посетили Александра Сергеевича. Петрушу Гринёва он направляет на спасение невесты в самое логово врага. Вот уж настоящая бессмыслица — ехать туда, где первый встречный минимум отведёт тебя на самосуд, а скорее всего — расправится сам.

Коля Авенариус покидает возможную невесту, чтобы погибнуть за идеалы отцов, как мы выяснили ранее.

По благополучному исполнению задуманного, Петруша оказывается арестованным по подозрению в измене. Точно то же самое происходит с Колей, которого румынская сигуранца подозревает в качестве большевистского шпиона.

Обоих выручают царствующие особы. А если бы выручители замешкались в бюрократических препонах? Монархические режимы являют более высокую эффективность в отпращивании правосудия.

Итог эстетическому достоинству «Капитанской дочки» подвёл Михаил Пришвин (дневники за 1930 годы):

Прочитал Пушкина «Историю Пугачёвского бунта» и «Капитанскую дочку». Наконец-то дожил до понимания «Капитанской дочки» и себя: откуда я пришёл в литературу.

В ней он увидел:

Утверждение мира в гармонической простоте («мечты и существенное» — сходятся). Пушкин отсылает своего Онегина и вообще «героя нашего времени» к Пугачёву (Швабрин) и оставляет себе то простое, что есть в «Капитанской дочке». И теперь читаешь, и как будто у себя на родине... именно это родина: моя родина не Елец, где я родился, не Петербург, где наладился жить, — то и другое для меня теперь археология; моя родина, непревзойдённая в простой красоте и, что всего удивительней, органически сочетающейся с ней добротой и мудростью человеческой, — эта моя родина есть повесть Пушкина «Капитанская дочка».

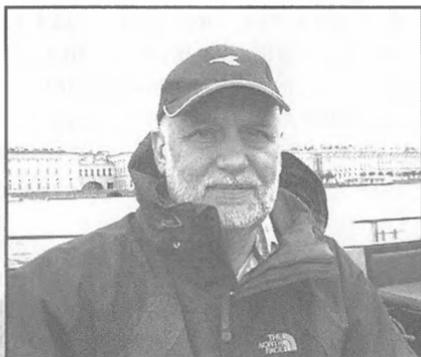
Прагматика обычно скептически возражает, что зло непобедимо, что сказки Пушкина ничего не значат, как и конкретная история какого-то случайно выжившего студента. Важен итог: Гражданскую войну белые проиграли...

Ответ таким равнодушным давно известен, и для нас всегда звучит негромкий голос Учителя: *блажени изгнани правды ради...*

На такие размышления наводит книга воспоминаний Авенариуса. Печально, что вместо усилий для решения проблем будущего нам требуется оглядываться назад и вязнуть в проблемах, на которые указывали отцы наши, а то и прадеды...

Но они же нас воодушевляют: ещё не всё проиграно.

Сергей Бычков

Я никогда не был монархистом. И даже не предполагал, что когда-либо буду заниматься этой непростой проблемой. Я вырос в простой советской семье. Отец был лётчиком, участвовал в Великой Отечественной войне, его самолёт был сбит, но он сумел выжить, хотя был ранен. Войну окончил в чине капитана. Мать не сумела закончить педагогическое образование, поскольку перед войной Сталин сделал высшее образование платным. Коммунистическая идеология в нашей семье не занимала сколь-нибудь заметного места. Отец искренне ненавидел коммунистов, ограбивших его после войны, когда Сталин провёл денежную реформу и все его сбережения сгорели. В то же время я не представлял, что может быть иной государственный строй, кроме того, при котором я родился и вырос. И только перебравшись в Москву в конце 60-х годов и познакомившись с отцом Александром Менем и его прихожанами, я понял, в каких ненормальных условиях нам приходится жить.

В начале 70-х годов с друзьями поэтами — Вадимом Перельмутером и Евгением Витковским мы начали издавать эмигрантских поэтов в придуманной нами серии Библиотека для поэта. Сокращённо — БДП. Нам удалось собрать и издать в самиздате собрание стихов Георгия Иванова в двух томиках. Они до сих

Царя ли вашего
распну?

пор хранятся у меня на полке. Его стихи, которые он сам назвал «секретными» и не опубликовал при жизни, были близки мне:

Слава, императорские троны, —
 Все, о них грустящие тайком,
 Задаётся вы на макароны,
 Говоря вульгарным языком.

Что мечтать-то: отшумели годы,
 Всё исчезло, сгнили мертвецы,
 Но, пожалуй, рыцари свободы —
 Те ещё отчаянней глупцы.

Мнится им — из пустоты вселенской
 Заново, и сладко на душе,
 Выгарцует этакий Керенский
 На кобыле из папье-маше,

Чтобы снова головы бараньи
 Ожидали бы наверняка,
 В новом Учредительном собрание
 Плети нового Железняка.

Тем не менее мне было суждено стать ярим поборником не только погребения последней царской семьи, но и подлинности обнаруженных Г. Рябовым и А. Авдониным останков. На протяжении 14 лет я неоднократно обращался к этой теме. Меня поражают нынешние правители России, которые до сих пор не могут похоронить последних Романовых, а также растлителя страны и их убийцу — Владимира Ульянова–Ленина. Каким-то непостижимым образом эти покойники мистически связаны друг с другом. Мне кажется, что только их совместное захоронение вкупе со всенародным покаянием может исцелить Россию.

Странно, что этому процессу противится высший епископат РПЦ. Впрочем, подробнее об этом — в моих воспоминаниях.

Николай II был не только олицетворением варвара-помещика, этого невежды, тупицы и кровожадного дикаря. В нём текла и «благородная» кровь английских королей и германских императоров. С двух сторон он был связан с империализмом разбойничьих государств Европы. Там будут плакать о нём. У русских рабочих и крестьян возникнет только одно желание: вбить хороший осиновый кол в эту проклятую людьми могилу.

Из передовицы газеты «Правда»
от 19 июля 1918 года.

Автора передовицы в «Правде» пророком не назовёшь. Именно могила, в которой были погребены изуродованные останки царской семьи, таинственно исчезла.

Даже если бы русские рабочие и крестьяне захотели вбить в неё осиновый кол, то вряд ли бы они смогли исполнить своё желание. Могилу сразу же засекретили, да так надёжно, что колчаковский следователь Н.А. Соколов, в течение года искавший её, не смог найти и только спустя 70 лет, в 1979 году два российских исследователя — Александр Авдонин и Гелий Рябов на свой страх и риск сумели найти и вскрыть её посреди старой Коптяковской дороги под Екатеринбургом.

Но извлечённые ими черепа не удалось исследовать, так как малейшая утечка информации привела бы к аресту исследователей и в лучшем случае тюремному сроку. В худшем им грозило бы пожизненное заключение в психиатрической спецбольнице.

Не то, чтобы местонахождение могилы царской семьи совсем не было никому не известно. Яков Юровский, комендант Дома особого назначения, руководивший расстрелом и погребением последних Романовых и их слуг, оставил перед войной две записки. Одну с его слов записал марксистский историк М.Н. Покровский. Другая — стенограмма его выступления перед старыми большевиками Екатеринбурга. Сохранились воспоминания и других расстрельщиков. Но они были собраны

лишь в середине 60-х годов по указанию тогдашнего члена ЦК КПСС Александра Яковлева, к которому с письмом обратился сын одного из расстрельщиков, огорчённый тем, что подвиг его отца забыт и никому не известен.

В начале 90-х годов

Гелий Рябов и Александр Авдонин обратились к новому российскому правительству с просьбой вскрыть найденное ими захоронение и провести необходимые исторические и генетические исследования, которые могли бы подтвердить или опровергнуть подлинность царских останков.

В 1993 году

была создана Правительственная комиссия, в которую вошли наряду с учёными и историками представители российской интеллигенции и даже Русской Церкви.

На протяжении второй половины 1997 года, когда все исследования близились к завершению, я вёл тему погребения останков последней императорской семьи в «Московском комсомольце». Подружился с прокурором Владимиром Соловьёвым, который, не будучи членом Правительственной комиссии, вёл экспертные исследования.

А весной 1998 года

познакомился с директором Государственного архива Российской Федерации, членом Правительственной комиссии Сергеем Мироненко. И был чрезвычайно удивлён, что он читает мои статьи в «МК» и ценит их. Мы познакомились на презентации его книги «Николай и Александра. Любовь и жизнь», которую он написал совместно с Андреем Мейлунасом. Презентация проходила в здании ИТАР-ТАСС. Я получил в подарок роскошно изданный экземпляр книги и предложение более тесного сотрудничества. Работа Правительственной комиссии приближалась к завершению. Мироненко помог мне получить доступ к воспоминаниям расстрельщиков царской семьи. Когда я показал материалы и фотографии расстрельщиков главному редактору Павлу Гусеву, тот настолько увлёкся, что велел срочно готовить публикацию.

Правительственная комиссия работала в течение пяти лет. В её состав входил постоянный член Священного Синода митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий (Поярков).

В 1997 году Ярова на посту председателя правительственной комиссии сменил первый вице-премьер, молодой и энер-

гичный Борис Немцов. Его советник Виктор Аксючиц активно взялся за работу. Оказалось, что к началу 1998 года Правительственная комиссия завершила основные работы по идентификации останков царской семьи. Сомнений больше не оставалось — под Екатеринбургом на самом деле были обнаружены останки последних Романовых.

Инициативу проявил президент Борис Ельцин: он позвонил патриарху Алексею II и попросил принять членов Правительственной комиссии.

28 января 1998 года

эта встреча состоялась в резиденции патриарха в Чистом переулке. К патриарху прибыли четыре человека: председатель Правительственной комиссии, вице-премьер правительства России Борис Немцов, его советник Виктор Аксючиц, помощник Аксючица Александр Шубин и старший советник юстиции, прокурор-криминалист Генеральной прокуратуры Владимир Соловьёв. Он был единственным из гостей патриарха, кто не входил в состав Правительственной комиссии, желая сохранить полную независимость в проводимых криминалистических экспертизах.

Позже я услышал два рассказа о прошедшей встрече от двух её участников: Виктора Аксючица и Владимира Соловьёва. Соловьёв передал Патриарху официальный ответ Генеральной прокуратуры на десять вопросов, которые поставил перед Правительственной комиссией Священный Синод в 1995 году. Патриарх принялся расспрашивать гостей о результатах многочисленных экспертиз. Он искренне хотел докопаться до истины.

На Архиерейском Соборе в феврале 1997 года митрополит Ювеналий, глава Синодальной комиссии по канонизации, вынес на обсуждение Собора проблему причисления к лику святых императорской семьи, доктора Боткина, а также слуг, которые были расстреляны вместе с ними. Мнения на Соборе разделились, что явилось полной неожиданностью для митрополита Ювеналия. Против канонизации вполне аргументировано выступил митрополит Нижегородский и Арзамасский Николай (Кутепов), с мнением которого считались не только епископы, но и патриарх. Владыку Николая поддержала часть епископата. Аргументация митрополита Николая сводилась к тому, что император Николай II притеснял Русскую Церковь,

не сдержал данного обещания в 1905 году созвать Поместный Собор, находился под сильным влиянием Григория Распутина и отрёкся от престола в самый тяжёлый для России момент, ввергнув страну в пучину бедствий. Инициатива митрополита Ювеналия на этот раз не нашла поддержки среди членов Собора. Было принято решение, что вопрос о причислении к лику святых императорской семьи должен решаться Поместным Собором, который рассчитывали созвать летом 2000 года.

Именно поэтому патриарх столь дотошно расспрашивал своих гостей об экспертизах, о найденных записках расстрельщиков. Основная тяжесть расспросов легла на плечи Соловьёва, он оказался наиболее подготовленным ко всем вопросам патриарха. Немало ему помогали Борис Немцов и Виктор Аксючиц. Расспросы длились около двух часов. Наконец патриарх прервал вопросы и сказал, положив руку на записку Генеральной прокуратуры:

— Достаточно. Вы меня убедили. Останки на самом деле подлинные — это императорская семья. С этим вопросом всё ясно. Остаётся решить — когда и где необходимо произвести захоронение.

Немцов предложил, чтобы церемония состоялась в восьмидесятую годовщину расстрела царской семьи, то есть 18 июля 1998 года. Патриарх сначала предложил:

— Захоронение необходимо провести в первую неделю поста.

На том и расстались. Члены Правительственной комиссии уходили вполне удовлетворёнными: патриарх обещал содействие. Оставалось срочно готовить церемонию погребения.

Накануне Великого поста состоялось очередное заседание Священного Синода, который вынес решение о том, что Русская Церковь сомневается в подлинности «екатеринбургских останков».

Очередное заседание Священного Синода Русской Православной Церкви прошло накануне годовщины расстрела царской семьи. На нём вторично обсуждался вопрос об участии Московского патриархата в церемонии погребения останков императорской семьи Романовых, расстрелянных в ночь с 17 на 18 июля 1918 года.

На заседании было принято «соломоново» решение: ни патриарх, ни митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский

Владимир (Котляров) не примут участия в погребении императорской семьи. Но патриарх в этот день в Троице-Сергиевой лавре вместе с великой княгиней Леонидой Георгиевной и её отпрысками будет молиться об упокоении душ убиенных Романовых.

Страсти, вызванные решением Правительственной комиссии 28 января о захоронении останков царской семьи, продолжали бушевать. Особенно после того, как президент Ельцин утвердил решение Правительственной комиссии.

Члены Союза православных братств утверждали, что Александр Авдонин и Гелий Рябов, в 1979 году первыми обнаружившие могилу Романовых, — агенты КГБ. Рискаю жизнью, эти два человека вскрыли часть могилы, извлекли три черепа и попытались в те страшные времена провести самостоятельное исследование. Когда же поняли, что не в состоянии этого сделать, вновь захоронили там же, у знаменитого мостика у старой Коптяковской дороги, в деревянных коробках, найденные черепа.

Находке Рябова и Авдонина предшествовала долгая кропотливая работа: ими были опрошены оставшиеся в живых участники расстрела, подняты архивные документы. Рябов встречался с детьми Якова Юровского, организатора расстрела. От них Рябов получил копию «Записки Юровского», в которой тот подробно описывал, как проходил расстрел.

Те, кто в страшные советские годы боялись даже шёпотом обсуждать проблему расстрела царской семьи, теперь обвиняли Рябова и Авдонина, что они действовали по указке КГБ, который решил ввести в заблуждение не только православных патриотов, но и честных зарубежных исследователей.

К честным зарубежным исследователям они относили в первую очередь ныне покойного митрополита Виталия (Устинова), которому тогда исполнилось около 90 лет, главу Русской Православной Церкви за рубежом. Он был одним из инициаторов причисления к лику святых в 1981 году императорской семьи, а также всех российских новомучеников. Он утверждал, что прав был колчаковский следователь Н.А. Соколов, которому не удалось обнаружить останки Романовых. Будто бы Соколов предполагал, что трупы были сожжены большевиками, а головы императора и его жены были заспиртованы и увезены в Кремль для тайных радений жидомасонов Ленина и Свердлова, которые умело

конспирировались под большевиков. Соколов якобы вывез за рубеж некий таинственный ларец, в котором, по утверждению престарелого митрополита, содержались останки земли смешанной с пеплом сожжённых Романовых. Митрополит Виталий был единственным, кто утверждал, что таинственный ларец был замурован в стену православного храма во имя праведного Иова в Брюсселе, который был заложен в 1936 году. Это утверждение выглядит весьма странно, если учесть, что на Руси никогда не было столь странных захоронений (не считая Кремлёвской стены, которую большевики превратили в братскую могилу своих коллег). Мучеников или их останки хоронили не в алтарных стенах, а под престолом! Этот обычай был унаследован от первых христиан.

Лучшие генетики Англии, России и США трудились несколько лет, применяя новейшие технологии, и доказали, что под Екатеринбургом найдены останки Романовых. А вот русский «учёный» Беляев посмотрел на кости и без всяких сомнений уверил: «Не Романовы!» И митрополит Ювеналий поверил. И не только поверил сам, но сумел убедить в этом весь Священный Синод! И те второпях отшили правительство, которое почему-то решило, что последних Романовых будут погребать по православному обычаю! Нет! Не будут! Не заслужили!

Прошло два месяца. Президент утвердил решение правительства. Во все концы вселенной полетели приглашения потомкам Романовых и царствующим особам. Их ждали на церемониал погребения несчастной царской семьи.

А как же Русская Церковь? Неужели она откажет царственным страдальцам в последней чести, как каким-нибудь отверженным самоубийцам? Решение Синода большинству россиян казалось головоломной загадкой. Захоронение царских останков в Петропавловском соборе сразу же бы разрушило досужие домыслы, что останки находятся в Брюсселе, вмурованные в стену храма.

Митрополит Ювеналий ещё в 1997 году на Архиерейском Соборе пытался причислить к лику святых всех Романовых. Архиерейский Собор в феврале 1997 года не счёл доводы митрополита достаточными для канонизации. Но год спустя митрополит Ювеналий изменил позицию, назвав останки семьи последних Романовых загадочно «екатеринбургскими останками». Он-то прекрасно понимал, что когда останки Романовых после долгих и бессмысленных страданий всё же будут захоро-

нены в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга, никто потом не позволит вскрывать склепы и переносить их. Поэтому Синод предлагал Правительственной комиссии захоронить останки в какой-нибудь «символической могиле», чтобы потом их можно было извлечь и захоронить где угодно.

Любой епископ, не принадлежащий Русской Церкви, пошёл бы за честь отпеть императорскую семью. Это мог бы сделать и любой священник. Но в этом случае получилось бы, что священноначалие Русской Церкви противопоставило себя не только власти и лично президенту, но и желанию народа.

«МК» накануне захоронения провёл опрос, который доказал, что большинство россиян в 1998 году решительно высказались за то, чтобы политическая пляска вокруг костей завершилась раз и навсегда!

19 мая 1998 года

поздно вечером закончилось очередное и, по-видимому, последнее заседание Правительственной комиссии, посвящённое погребению останков последней императорской семьи. На нём рассматривалась процедура, разработанная Государственной герольдией при Президенте Российской Федерации. Её глава Георгий Виллинбахов на основе погребальных процедур российских императоров предоставил на рассмотрение комиссии тщательно разработанный церемониал. Знакомясь с его текстом, я вспомнил последние строки «Гамлета», рисующие погребальную процедуру. О ней говорит Фортинбрас, заставший бойню в Эльсиноре:

Пусть Гамлета поднимут на помост,
Как воина, четыре капитана,
Будь призван он, пример бы он явил
Высокоцарственный, и в час отхода
Пусть музыка и бранные обряды
Гремят о нём...

Со времен средневековья ритуал погребения царственных особ изменился незначительно. Поэтому Государственная герольдия остановилась на изучении обстоятельств последнего погребения в России, когда в 1894 году из Ливадии в Санкт-Петербург везли гроб с останками императора Александра III.

Деревянная часовня на месте снесённого дома инженера Ипатьева. Екатеринбург. 1998.

Гробы с останками семьи последних Романовых и их слуг в Бюро судебно-медицинской экспертизы. Екатеринбург. 1998.

Почетный караул у гробов с останками Романовых в Бюро судебно-медицинской экспертизы. Екатеринбург. 1998.

Почетный караул выносит гробы с останками Романовых из здания Бюро судебно-медицинской экспертизы.

В 1998 году 15 июля в 14.00

останки каждого из расстрелянных в присутствии членов Правительственной комиссии по идентификации останков, сотрудников Генпрокуратуры РФ и Свердловской области, а также траурной службы были наконец помещены в гробы. Они были опломбированы и после этого все члены комиссии подписали протокол, в котором было указано место, время и окончание процедуры. После этого гробы и протокол были переданы специально уполномоченному лицу траурной службы – церемониймейстеру, который должен сопровождать останки из Екатеринбурга в Санкт-Петербург. Затем сотрудники траурной службы первым из Бюро судебно-медицинской экспертизы, где в течение пяти лет находились все останки, вынесли гроб с останками лакея Труппа и передали его офицерам, которые водрузили его на катафалк. Последними из Бюро вынесли гробы с останками императора и императрицы. При выносе гробов с останками императрицы Александры Фёдоровны и императора Николая II офицеры почётного караула накрыли их императорскими штандартами, которые находились на гробах до момента погребения. Прекрасно помню этот момент: из скромного здания Бюро судебно-медицинской экспертизы выносят гробы, как вдруг разражается гроза, и на головы всех обрушивается мощный ливень. Журналисты и гости прижались к стенам Бюро. Раскаты грома и ливень всеми воспринимались как небесное знамение: прихода скорбит вместе с россиянами.

Промчалась гроза, и траурный кортеж направился ко храму Вознесения на Комсомольской площади Екатеринбурга. Во главе колонны находились катафалки с останками слуг: лакея Труппа, повара Харитонова, горничной Демидовой. Потом княжон: Анастасии, Татьяны, Ольги. Завершали погребальную колонну катафалки с останками императрицы и императора.

Процессию встретили колокольным звоном. В тот момент, когда процессия остановилась перед собором, небо вновь почернело и вновь хлынул проливной дождь. В этот день прибыли многие члены Правительственной комиссии и Дмитрий Романов, почитаемый старшим среди потомков царского дома. Среди них видна была представительная фигура министра культуры Натальи Дементьевой и не менее представительная – директора Государственного архива Российской Федерации Сергея Мироненко. Ливень промчался так же внезапно, как и первый. Гробы внесли в собор и установили их на специально подготовленные постаменты. Дома, стоящие по маршруту следования погребальной процессии были украшены государственными флагами Российской Федерации с траурными лентами. Все увеселительные и развлекательные программы радио, телевидения, во всех театрах и концертных залах Екатеринбурга с 15 по 17 июля были прекращены.

Я приехал в Екатеринбург за несколько дней до начала церемонии, чтобы неспешно разобраться во всех хитросплетениях, о которых я знал понаслышке. Мне хотелось узнать о позиции губернатора Свердловской области Эдуарда Росселя, который не хотел, чтобы останки царской семьи покидали Екатеринбург. Успел побывать в Бюро судебной экспертизы, где следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры Владимир Соловьёв в последний раз перед тем, как останки были уложены в гробы, ещё раз отснял их на фотоплётку.

Я также сделал несколько снимков в Бюро. Тщетно пытался дозвониться до епископа Екатеринбургского и Верхотурского Никона (Миронова), которого хорошо знал ещё по Воронежу, где он был секретарём митрополита Воронежского и Липецкого Мефодия (Немцова). Мне хотелось знать – примет ли он участие в отпевании императорской семьи. Но всякий раз на мой очередной звонок мне объясняли, что владыки нет в городе и неизвестно, когда он вернётся.

Гробы с останками последних Романовых в Вознесенском соборе Екатеринбурга.

Аэропорт Екатеринбурга. Самолёт Ил-76, в который погрузили гробы с останками.

15 июля в 17.00

в соборе началась заупокойная всенощная. Всё было пронизано зловещей символикой: напротив собора когда-то располагался дом Ипатьева, в котором томилась последние месяцы императорская семья и в подвале которого она была расстреляна. После того, как был снесён дом Ипатьева, там был пустырь. А в описываемое мною время высилась рубленая часовня, обнесённая забором, и стоял памятный камень. Служил всенощную даже не настоятель храма, а второй священник. После неё все гости и сопровождающие лица покинули храм. Парные караулы стояли у дверей собора до утра 16 июля.

16 июля в 11.00

прозвучали три оружейных выстрела. Духовенство начало служение панихиды. После окончания панихиды гробы в том же порядке, как они были внесены, были вынесены из храма и водружены на катаfalки. Траурная процессия направилась в аэропорт. На подъезде к аэропорту вновь разразилась, уже в третий раз, небывалая гроза. Думаю, что даже закоренелых скептиков такое совпадение поколебало. Трижды гроза на-

крывала траурную процессию. Словно высшие силы подтверждали правоту и глубинный смысл происходящего.

Глава компании «Аэрофлот» Валерий Окулов выделил два самолёта — один пассажирский для гостей, другой — Ил-76, грузовой, для останков. Соловьёв решил лететь в Санкт-Петербург вместе с останками на грузовом самолёте. Когда вместе с многочисленными гостями (ещё не было ясно, прибудет ли на погребение президент, но уже было понятно, что патриарха не будет) я поднимался по трапу, раздался звонок из редакции.

Тогда ещё мобильные телефоны были редкостью, но, к счастью, накануне поездки в Екатеринбург я обзавёлся им. Звонил мой заведующий Вадим Поэгли. Он сообщил, что президент России Борис Ельцин принял решение принять участие в погребении последних Романовых. Я поделился этой последней новостью, которая вызвала всеобщий восторг, с гостями.

16 июля в 14.00

самолёт с останками первым вылетел в Санкт-Петербург. Вслед за ним во втором самолёте из Екатеринбурга вылетели гости и журналисты. Как только мы набрали высоту, очаровательные стюардессы начали обслуживать нас. Подняли бокалы с шампанским. Как-то неожиданно участие в последних событиях сроднило нас.

Из кабины вышел командир корабля и признался, что был ошеломлён. Оказалось, что в момент взлёта он увидел огромную чёрную тучу, которая перегородила нам путь. Он понимал, что миновать её никак не удастся. И вдруг, по мере приближения самолёта, она стала уходить в сторону, освобождая путь.

Воцарилась радостная атмосфера — обычно она воцаряется после удачно завершённого дела. Словно был прорван некий чёрный заколдованный круг, и теперь можно было вздохнуть свободно, полной грудью. Эта атмосфера проникла и в кабину пилотов. Они раскрыли двери, и мы могли входить в кабину и видеть бегущий навстречу горизонт.

16 июля в 17.00

самолёты прибыли в Санкт-Петербург в Пулковский аэропорт. Главный герольдмейстер при Президенте Российской Федерации Георгий Виллинбахов и возглавляемые им службы оказались на высоте. Церемониал был не только продуман до мелочей, но столь же чётко исполнен.

К самолёту был подан трап, от которого развернута тридцатиметровая ковровая дорожка. Справа от трапа встали 72 старших офицера Вооружённых сил России. Справа, посредине дорожки, рота почётного караула. Слева — родственники, официальные лица, гости и журналисты.

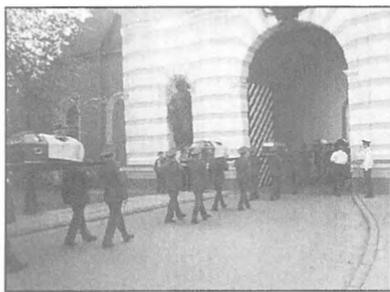
Среди приглашённых — родственники Романовых со всех концов света. Предполагалось, что их будет девяносто один человек. Близких родственников уже не осталось. Самые близкие — только третьей степени родства. Княгиня Леонида Георгиевна, наиболее известная в России, принадлежит лишь к пятой степени

Аэропорт Санкт-Петербурга.

Вынос гробов с останками Романовых в аэропорту Санкт-Петербурга.

Почётный караул вносит гробы в Петропавловскую крепость Санкт-Петербурга.

родства, так же, как и её дочь княжна Мария Владимировна.

Из самолёта выгрузили гробы: первым лакея Труппа. Офицеры пронесли гроб к специальной автомашине. В момент вынесения гроба из самолёта рота почётного караула выполнила команду «на-караул» и осталась в этом положении до момента погрузки на автокатафалк последнего гроба. Барабанщики и флейтисты оркестра в момент выноса первого гроба начали играть похоронный марш, согласно строевому уставу 1908 года. Оркестр играл без перерыва до того момента, пока не отъехал автокатафалк с гробом великой княжны Ольги.

Как только появился на трапе самолёта гроб с останками императрицы Александры, оркестр начал исполнять «Коль славен наш Господь в Сионе». Эта музыка продолжала звучать до момента отъезда автокатафалка с останками императора Николая. После этого траурный кортеж с аэродрома направился в город. Впереди торжественно шли автокатафалки с гробами, а вслед за ними в огромных экскурсионных автобусах ехали родственники и гости. Этот момент оказался самым неожиданным и трогательным.

Из-за разногласий, возникших между патриархом и президентом, до самого последнего дня не было понятно, прибудет ли президент на погребение в Санкт-Петербург. Поэтому СМИ освещали происходившие в Екатеринбурге события очень сдержанно. Простые граждане питались в основном слухами. Каково же было наше потрясение, когда погребальная процессия въехала в город, и мы увидели людей с цветами и иконами, плотно стоявших по обе стороны проспек-

та. Ясно было, что этих людей никто не призывал, как в коммунистические времена, выйти на улицы — это был единый сердечный порыв, стремление, пусть и не до конца осознанное, смыть с себя позор, которым покрыла себя Россия 80 лет назад. Многие из нас, увидевши простых петербуржцев, которые махали цветами или молча стояли с иконами, прослезились. И это мы наблюдали не только в момент, когда процессия въехала в город. На всём протяжении пути, вплоть до Петропавловской крепости, нас встречали выстроившиеся вдоль траурного маршрута петербуржцы.

По мере приближения к Петропавловской крепости горожан сменили курсанты. На Адмиралтейской и Дворцовой набережных от Медного всадника до Троицкого моста в двухшереножном строю стояли слушатели военных академий и курсанты военных училищ Санкт-Петербурга в парадной форме. В момент проезда процессии знамёна с траурными лентами склонялись, и барабанщики исполняли траурный марш.

При въезде кортежа на Троицкую площадь начался звон на колокольне Святых Петра и Павла Петропавловской крепости. На Троицкой площади также стояли слушатели военных академий и курсанты военных училищ в парадной форме. Как только кортеж съехал с Троицкого моста, знамёна с траурными лентами склонились, барабанщики исполнили похоронный марш. Автокатафалки остановились у Иоанновского моста, который был украшен гирляндами из кипариса и листьями иммортеля. Все ворота Петропавловской крепости были украшены государственными флагами Российской Федерации с траурными лентами и городскими флагами Санкт-Петербурга.

В этот момент доступ в Петропавловскую крепость для посторонних был закрыт. Начался вынос гробов. Рота почётного караула выстроилась на Иоанновском мосту. Офицеры в четырёхшереножном строю выстроились вдоль набережной Кронверкского протока. Гробы были сняты офицерами с автокатафалков в том же порядке, начиная с гроба лакея Труппа.

Траурная процессия — гробы несут офицеры на плечах — направилась к собору святых Петра и Павла. Двери собора были уже открыты, и около них стояли парные часовые. В соборе приготовлены постаменты для девяти гробов. Офицеры поочередно установили гробы на постаменты, и возле них встал почётный караул с оружием и в головных уборах. Все приглашённые вошли в собор.

Гробы с останками семьи Романовых подносят к собору святых Петра и Павла.

Собор святых Петра и Павла. Усыпальница Дома Романовых.

Отпевание в соборе святых Петра и Павла. Слева – Президент России Борис Ельцин, справа – губернатор Санкт-Петербурга Владимир Яковлев.

ния литургии, поскольку доступ в него был строго ограничен. Важно было почувствовать настроение людей. Передо мной открылась довольно пестрая картина. Я увидел многих моих коллег-журналистов, которые прибыли в последний момент в Санкт-Петербург. Особняком стоял в окружении нескольких людей Александр Лебедь. Я подошёл и не сразу узнал его — раньше

Правящий епископ Санкт-Петербурга митрополит Владимир (Котляров) накануне церемонии предусмотрительно покинул город и отдал распоряжение, чтобы отпевание совершал рядовой священник. И гости, и родственники Романовых были шокированы этим проявлением церковной дипломатии. Отстранение Церкви от участия в погребении выглядело более чем странно. Хотя приподнятого настроения и ощущения, что все мы являемся участниками важного исторического события в жизни России, это не испортило.

В 18.00

началась всенощная. После её окончания все, кроме караула, покинули собор. Караул у гробов и у дверей собора остался до следующего дня, сменяясь каждый час.

Ночь мы провели в гостинице, продолжая знакомиться с прибывающими гостями. Из-за рубежа прилетел Никита Михалков, работавший над съёмками очередного фильма.

Когда утром следующего дня наш автобус подъехал к Петропавловской крепости, я не пошёл вместе со всеми в собор. Мне хотелось послушать людей, собравшихся на площади перед собором и не имевших возможности проникнуть в собор во время служе-

я видел его только по телевидению и воспринимал как человека рослого. Передо мной стоял невысокий широкоплечий человек, радушно ответивший на моё рукопожатие. Я спросил его, что привело его сюда. Он, как всегда, резко и отрывисто ответил:

— Все русские люди сегодня должны быть здесь.

В стороне в экзотических одеяниях стоял «епископ» Богородичного центра Иоанн, а поодаль от него не менее экзотически одетый «епископ» какой-то ветви «катакомбной Церкви».

17 июля

началось служение литургии. Церемониал, разработанный главным герольдмейстером, предполагал, что в это время с амвона прозвучит проповедь о необходимости всенародного покаяния. Предполагаемое обращение Святейшего патриарха Московского и всея Руси Алексия II так и не прозвучало. А вот обращение Президента РФ Б.Н. Ельцина к российскому народу никого не оставило равнодушным. Позже я узнал от одного из спичрайтеров президента Наташи Кривовой, что в администрации началась паника, когда все узнали, что Борис Ельцин всё же примет участие в церемонии погребения.

Вплоть до 17 июля шли тайные переговоры с патриархом, которые не увенчались успехом. После того, как к Б.Н. Ельцину обратился с письмом академик Д.С. Лихачёв, в котором он призвал его не упустить исторический шанс, президент всё же решил лететь в Санкт-Петербург.

Требовалось срочно написать обращение. Как обычно происходит в таких случаях, коллеги указали на Наташу, которая

Губернатор Красноярского края Александр Лебедь в Петропавловской крепости.

Президент России Борис Ельцин в момент отпевания.

Академик Дмитрий Лихачев во время поминального обеда.

к тому времени защитила докторскую диссертацию по изъятию церковных ценностей и была, как говорится, в теме. Наташа не уклонилась, села, сознавая важность и историчность момента, и выдала текст. Он оказался предельно кратким и ёмким. Наташин текст был принят почти без помарок. В устах президента он прозвучал как подлинное покаяние потомков за кровавые грехи предков.

18 июля в 11 часов утра

начался доступ в собор святых Петра и Павла. Возлагались цветы к постаментам, на которых стояли гробы.

Ровно в 12 часов

прозвучали три одиночных орудийных выстрела. Началась панихида по убиенным. После панихиды гробы были перенесены в придел святой Екатерины. Офицеры сняли императорские штандарты с гробов императора Николая II и императрицы Александры и передали их сотрудникам Государственного музея. Каждый гроб был поднят восемью офицерами, перенесён к приделу и передан сотрудникам траурной службы, которые опустили их в захоронение.

В момент опускания гроба императора Николая II орудийной батареей был произведён салют из 19 залпов. Затем началась процедура предания земле. После этого общее захоронение было накрыто плитами. Родственники и гости после этого покинули собор. Почётный караул выстроился у дверей Петропавловского собора.

В 17.00

все приглашённые, родственники, рабочая группа направились на поминальную трапезу, которая проходила в зале памяти императора Александра III в Музее этнографии народов России.

Среди гостей (как известно, по-русскому обычаю на поминки людей не приглашают) были представители царствующих домов Европы, многие из которых являются родственниками убиенных Романовых.

Во главе стола сидели Н.Н. Романов, академик Д.С. Лихачёв, губернатор Санкт-Петербурга Анатолий Яковлев, вице-премьер Борис Немцов.

На поминальной трапезе я в последний раз увиделся с Дмитрием Сергеевичем Лихачёвым, с которым меня связывало

десятилетие совместных трудов в подготовке и издании древнерусских текстов, а также книг и статей мыслителей русского религиозного ренессанса. Он был очень слаб – сказывались возраст и годы пережитых им испытаний.

После первого тоста поминальная трапеза утратила торжественный характер. Многие вставали, покидая свои места, чтобы неформально пообщаться с друзьями.

Письмо Д.С. Лихачёва, которое он направил президенту России Б.Н. Ельцину накануне погребения, сыграло решающую роль в его приезде в Санкт-Петербург. Это был мужественный поступок, как, впрочем, и вся его жизнь.

Ещё в середине 90-х годов, когда шли споры о возможной канонизации Николая II, Александры Фёдоровны и царских детей, Д.С. Лихачёв как-то в разговоре со мной заметил, что есть веками освящённая традиция и чего копыя ломать. Он напомнил о причислении к лику святых князей Бориса и Глеба, которые были убиты почти в детском возрасте. Их канонизация как страстотерпцев не вызвала никаких споров. Поэтому он предложил причислить к лику святых царских детей, которые бесспорно пострадали невинно. А канонизацию императора и его супруги отложить до лучших времён, когда страсти поутихнут и можно будет спокойно и взвешенно исследовать их жизнь.*

Во время трапезы я много фотографировал, понимая, что фотографии могут составить летопись этого важного в жизни современной России события. Самый животрепещущий вопрос, который задавали тогда многие: «Почему Правительственная комиссия не рассмотрела вопрос о погребении тела Ульянова–Ленина?» Ведь он был одним из инициаторов расстрела Романовых, и погребение его останков могло бы поставить точку в вековой распре «белых» и «красных». А главное, очистило бы столицу России и саму страну от трупа, который продолжает царить, как мрачный символ прошедших времён, в мавзолее на Красной площади.

* На Архиерейском Соборе 2000 года митрополит Ювеналий поставил в повестку дня Собора канонизацию императорской семьи и сумел протащить её, несмотря на то, что Архиерейский Собор 1997 года вынес постановление, что проблема канонизации императорской семьи должна рассматриваться Поместным Собором. При этом совершенно непонятно, были ли причислены к лику святых слуги императорской семьи, добровольно пошедшие на смерть вместе с Романовыми. А если нет, то почему?

Разъезжаясь из Санкт-Петербурга, многие из нас испытали чувство облегчения: тогда казалось, что перейдён некий исторический рубеж. Из уст президента России прозвучали слова покаяния не только перед невинно расстрелянными царскими детьми и слугами Романовых, но и перед миллионами наших отцов и дедов, погибших в сталинских лагерях.

Вряд ли кто тогда представлял, что и в последующие 10 лет спекуляции вокруг императорской семьи не прекратятся. В урочище Ганина Яма вырос монастырь во имя царственных мучеников. Хотя было доказано, что в шахте близ этого урочища царские останки пробыли только одну ночь. А поскольку РПЦ так и не признала подлинность останков последних Романовых, то ни в монастыре, ни в помпезном, богато изукрашенном храме, выстроенном на месте расстрела в Екатеринбурге, нет ни частицы мощей императорской семьи. Перед храмом высится очередная скульптурная композиция Зураба Церетели, которую при всём желании трудно отнести к святыне.

Сегодня, спустя 16 лет после этого исторического события, можно сказать, что слова покаяния, прозвучавшие тогда в Петропавловской крепости, были лишь первой ласточкой. Эти слова не проникли в глубины народной души, не стали теми слезами всенародного покаяния, которые на самом деле могли омыть страшные преступления, совершённые нашими предками.

Самое печальное – Русская Церковь, которая до сих пор занимает ту же непонятную позицию по отношению к останкам царской семьи. Как в феврале 1917 года Святейший Синод, а вслед за ним практически поголовно весь российский епископат и духовенство поспешили забыть о царской семье, принеся присягу Временному правительству.*

Исследования доктора исторических наук Михаила Бабкина чрезвычайно актуальны, поскольку беспристрастно свидетельствуют о том, что тогдашний епископат РПЦ с радостью воспринял отречение императора Николая II.

* См. М.А. Бабкин «Духовенство Русской Православной Церкви и свержение монархии (начало XX в. – конец 1917 г.). М., 2007, а также подготовленный им сборник документов «Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. Материалы и архивные документы по истории Русской Православной Церкви», выпущенный издательством «Индрик» в 2006 году, а затем, значительно дополненный, переизданный в 2007 году.

Только несколько провинциальных епископов робко протестовали против скоропалительного решения Святейшего Синода изъять из церковного обихода моление о царе. Хотя, как справедливо отмечает историк, ещё не было принято решение о том, какой путь государственного правления изберёт Россия.

Так и в 1998 году Священный Синод отрёкся от царской семьи. В царской усыпальнице в Петропавловском соборе оставлено место для двух царских детей, останки которых не были найдены в 90-е годы: цесаревны Марии и царевича Алексея. Летом 2007 года поисковики всё же нашли место неподалёку от старой Коптяковской дороги, где большевики сожгли тела цесаревны Марии и царевича Алексея. Нашли не только пожарище, но и чудом сохранившиеся немногочисленные останки, которые были бережно собраны и переданы учёным-генетикам для исследований. В течение года работы были успешно завершены и найденные останки идентифицированы. На самом деле они принадлежат двум царским детям.

Вновь нам, россиянам, даётся исторический шанс переосмыслить трагедию 1917 года, принести всенародное покаяние, чтобы всё-таки начать строить новую Россию, свободную от родимых пятен коммунизма.

Этот шанс даётся и Русской Церкви, и её епископату. Пока же Русская Церковь отменяет всякие попытки напомнить о её историческом грехе. Поднимет ли кто-нибудь из епископов голос в защиту расстрелянных Романовых и их слуг?

Заговорит ли о необходимости всенародного покаяния?

Примет ли патриарх участие в захоронении останков цесаревны Марии и царевича Алексея?

Лишь в 2012 году началось некоторое движение в правительственных верхах. Всё-таки принято решение изъять останки царских детей Марии и Алексея из Государственного архива Российской Федерации, куда они были переданы следователем по особо важным государственным преступлениям Следственного комитета РФ Владимиром Соловьёвым, и провести торжественное захоронение в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга.

Московский обыватель Николай Окунев, узнав о расстреле царской семьи из передовицы в газете «Правда», записал в своём дневнике 19 июля 1918 года:

А по моему простодушному мнению, на могиле Царя-мученика не осина будет расти, а прекрасные цветы. И насадят их не руки человеческие, а совесть народная, которая выявит себя, если не в ближайшем будущем, то по прошествии времени, когда пройдёт этот чад, угар, когда забряцают лиры и заговорят поэты. Родится и вырастет другой Пушкин, «прольёт слезу над ранней урной» и возведёт печальный образ несчастного Царя на благородную высоту, на которую он взлетел, свергаясь с царственной высоты в тундры сибирские... Мне думается, что я не ошибаюсь, применяя к нему шекспировские слова: «В жизни высшее он званье человека — заслужил. В его предках было больше „царя“, чем человека, а в нём больше „человека“, чем царя».

И никто не помешает мне молиться за упокой его души... Вечная ему память и милость Божия на Суде Его Великом!*

По моей просьбе свои воспоминания о работе Правительственной комиссии и о своей встрече с патриархом Алексием II в феврале 1998 года предоставил Виктор Аксютин, бывший в то время советником вице-премьера и председателя Правительственной комиссии по захоронению царских останков Бориса Немцова.

Старший советник юстиции, следователь по особо важным государственным преступлениям Генеральной прокуратуры РФ Владимир Соловьёв, с которым мне посчастливилось работать, начиная с февраля 1998 года и по сей день, любезно предоставил мне копии писем, которые он в разное время отсылал обоим патриархам РПЦ — Алексию II и Кириллу, митрополиту Крутицкому и Коломенскому Ювеналию (Пояркову), а также предстоятелю Русской Зарубежной Церкви, митрополиту Восточно-Американскому и Нью-Йоркскому Илариону (Капралу).

Воспоминания расстрельщиков царской семьи хранятся в Государственном архиве Российской Федерации. Особая благодарность за возможность работать с ними — директору ГА РФ доктору исторических наук С.В. Мироненко.

* Окунев Н.П. Дневник москвича. 1917–1920. М.: Военное издательство, 1997. С. 202–203.

Как хоронили последнего императора. Чьи амбиции тревожат прах расстрелянных?

Последние находки под Екатеринбургом останков цесаревича Алексея и великой княжны Марии вновь привлекли внимание россиян к проблеме идентификации останков царской семьи.

Мы обратились к Виктору Аксютину, советнику первого вице-премьера правительства РФ Бориса Немцова. Он в 1997–1998 годах возглавлял правительственную Комиссию по идентификации останков и захоронению императора Николая II и членов его семьи. На Виктора Аксютинца была возложена обязанность вести переговоры с патриархией и предоставлять прессе результаты работы Комиссии.

К 1995 году были закончены все работы по идентификации останков императорской семьи. Священный Синод Русской Церкви поставил перед Комиссией дополнительно 10 вопросов. Предлагалось провести стоматологическую экспертизу, исследовать проблему со шрамом на голове императора Николая II от удара саблей во время его поездки в Японию, провести дополнительные антропологические исследования. Синод просил создать подробное описание хода работы учёных, дабы сохранить научный материал для исследований в будущем. Проведённые по просьбе Синода исследования ещё раз подтвердили идентичность найденных останков царской семьи.

Вопросы синодалов касались развенчания распространённых мифов: что голова Николая II была отчленена и хранилась в кремлёвском кабинете Ленина, что останки царской семьи были сожжены и убийство носило ритуальный характер. Комиссия дала исчерпывающие ответы на все вопросы.

Председатель Комиссии решил лично встретиться со Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II.

Подготовка этой встречи была возложена на меня.

Днём 15 января 1998 года Борис Немцов, председатель правительственной Комиссии по идентификации останков императорской семьи, Владимир Соловьёв, старший прокурор-криминалист Генеральной прокуратуры, руководитель следственной бригады по идентификации останков, Александр Шубин, советник первого вице-премьера и я встретились с Патриархом в его резиденции в Чистом переулке.

Встреча длилась около двух часов. Соловьёв передал официальный ответ Генеральной прокуратуры на 10 вопросов.

Патриарх внимательно прочитал записку и с присущей ему основательностью начал задавать уточняющие вопросы. Отвечали в основном Борис Немцов и Владимир Соловьёв. Затем Патриарх отодвинул папку с материалами в сторону, положил на неё руку и сказал:

— Вы меня убедили. Этот вопрос можно считать решённым. Обсудим место и время захоронения.

Он предложил совершить захоронение останков царской семьи в первую или последнюю неделю Великого поста, ибо считал, что затягивать этот процесс не имеет смысла.

Первый вице-премьер сказал, что СМИ могут обвинить Комиссию в спешке, поэтому лучше назначить захоронение на 17 июля, когда была расстреляна царская семья.

После длительного обсуждения сошлись на предложении Немцова.

Затем Патриарх поведал о важной церковной проблеме. Папу Римского приглашал в нашу страну президент СССР Михаил Горбачёв. Так как Папа Римский является не только главой государства Ватикан, но и главой Католической Церкви, то приглашение его в Россию должно исходить и от главы Русской Православной Церкви. Патриарх сказал, что в настоящее время приглашение со стороны РПЦ невозможно из-за прозелитизма католиков на канонической территории РПЦ, а также из-за агрессивной политики Греко-католической церкви на Украине. Немцов с пониманием отнёсся к просьбе Патриарха и взялся донести её до президента. Мы расстались с полным убеждением, что достигнуто полное взаимопонимание и никаких проблем с руководством РПЦ не будет.

Через неделю состоялось очередное заседание Священного Синода. Член Правительственной комиссии по идентификации останков императорской семьи, митрополит Крутицкий

и Коломенский Ювеналий (Поярков) докладывал постоянным членам Синода о работе, проделанной учёными и экспертами. Во время заключительного заседания Комиссии, когда голосовали все её члены, митрополит Ювеналий вместе со всеми голосовал за то, что найденные под Екатеринбургом останки на самом деле принадлежат царской семье.

Синод в своём решении отметил, что не дело Церкви решать проблему идентификации. А заключение государственной Комиссии об идентификации найденных под Екатеринбургом останков, как принадлежащих семье императора Николая II, будто бы вызывает серьёзные сомнения и даже противостояния в Церкви и в обществе.

Поэтому Синод рекомендовал захоронить их в символической могиле-памятнике. В этом мудром решении Синода не указано, как можно захоронить реальные останки людей в «символической могиле». Хотя официальный представитель РПЦ в Комиссии митрополит Ювеналий на последнем её заседании огласил заявление, в котором в частности сказано:

«В настоящее время не нахожу оснований не отнестись с доверием к изложенной позиции Генеральной прокуратуры и судмедэкспертов... Если потребуется моя подпись под официальным решением Комиссии, то я буду готов её поставить при условии, если к подписываемому документу будет приложено настоящее заявление в качестве его неотъемлемой части».

Это заявление опубликовано в сборнике документов Комиссии. Все участники Комиссии проголосовали за её решение единогласно, включая и тех двоих, которые впоследствии выступили против её решений.

Один из них, князь Голицын, представлявший в Комиссии Российское Дворянское собрание, несколько лет назад участвовал вместе со мной в телевизионной передаче. Он утверждал, что так называемая «грузинская княжна» является чудом выжившей Анастасией Романовой. И будто бы российские власти ведут с ней переговоры об её признании, чтобы вернуть в Россию «царские миллиарды долларов». После этой передачи мы узнали, что «княжна» умерла года за два до этого. Таковы аргументы оппонентов, которые ссылаются на мнение Церкви.

Нет ни решения Священного Синода, в котором опровергались бы выводы Комиссии и утверждалось бы, что захороненные в Петербурге останки не принадлежат последним Романовым. Заявления иерархов или священников, отрицающих подлинность останков, являются частным мнением.

Торжественному захоронению царских останков 18 июля 1998 года предшествовало письмо президенту председателя Комиссии. В нём подробно обосновывались достоверность выводов Комиссии, необходимость и историческая значимость присутствия на захоронении президента. Поддержка академика Дмитрия Лихачёва, который также лично от себя направил письмо президенту, оказалась решающей.

Сегодня членов Комиссии обвиняют в фальсификации и в отсутствии публичности. Критики недобросовестны, ибо учёные Комиссии неоднократно выступали в СМИ, на научных конференциях, публиковали материалы исследований в авторитетных научных журналах в России и за рубежом. После захоронения был издан сборник материалов Комиссии «Покаяние».

Когда результаты генетической экспертизы останков, проведённой в наиболее известных лабораториях Англии и США, были поставлены под сомнение некоторыми учёными, прокурор-криминалист Соловьёв предложил представителю РПЦ профессору Е.И. Рогаеву провести независимую генетическую экспертизу. Его исследования полностью подтвердили подлинность останков.

Проблема идентификации останков используется в идеологической или политической борьбе. Одним хочется дискредитировать «младореформаторов», другим – удружить коммунистам, которые, по их мнению, вернуться к власти. Два года назад Владимир Соловьёв обратился к Патриарху с частным письмом, в котором он выразил свою личную позицию. Он обратил внимание на то, что многие шарлатаны, которые ссылаются на новые исследования, отрицающие выводы Комиссии, выступают от имени РПЦ или ссылаются на её позицию.

Соловьёв предложил создать круглый стол (например, при Синодальной комиссии по канонизации), в работе которого могли бы принять участие заинтересованные стороны и рассмотреть имеющиеся документы. В рамках круглого стола можно было бы организовать работу квалифицированных специалистов, с участием учёных, выступающих от имени РПЦ.

Ответа на это письмо не последовало. И сейчас участники раскопок под Екатеринбургом стремятся к максимальной открытости. Думаю, что созыв круглого стола ещё более актуален.

Я не разделяю политических взглядов Бориса Немцова, но как руководитель Комиссии он проявил профессионализм и принципиальность. Работы по идентификации были закончены за два года до его прихода. Но ни один руководитель Комиссии не решался оформить её выводы и завершить работу, ибо понимал, что вызовет на себя шквал агрессии. Расстрел царской семьи и попытка уничтожения её останков до сих пор острая проблема.

Три года назад я подал заявление в Комиссию при Президенте России по реабилитации жертв политических репрессий с предложением реабилитировать императорскую семью. Решив вопрос о её захоронении, российские власти не решили вопрос о реабилитации других членов царской семьи, а также их родственников, их окружения. А ведь их убивали не бандиты с большой дороги, а представители советской власти.

Решение о расстреле в Ипатьевском доме принимал Уралсовет 16 июля 1918 года с одобрения или по указанию центральной власти. Российская Федерация в соответствии с существующим законодательством является правопреемницей Советской России и СССР.

Сложилась парадоксальная ситуация, когда глава Российского государства принёс покаяние за кровавую расправу над царской семьёй, учинённую представителями власти. Но в то же время они могут рассматриваться как «преступники», поскольку были казнены как «враги» власти.

В Перми без следствия и суда был расстрелян великий князь Михаил Александрович.

В июле 1918 г. были казнены (сброшены в шахту в окрестностях г. Алапаевска) великая княгиня Елизавета Фёдоровна и ещё шесть представителей царской фамилии.

В январе 1919 г. в Петропавловской крепости Петрограда по решению Петроградской Чрезвычайной комиссии как зложники были расстреляны четыре великих князя.

Факт расстрела царской семьи и слуг в доме Ипатьевых общеизвестен. Но мало кто знает, что вместе с семьёй бывшего императора репрессиям подверглись ни в чём неповинные

люди из числа слуг и лиц, добровольно последовавших за царской семьёй в ссылку.

Большая часть из них была расстреляна в двадцатые и тридцатые годы. К сожалению, судьбы многих сейчас неизвестны, но это не лишает их права на реабилитацию, не лишает права потомков гордиться своими предками.

Три года назад в своём заявлении в Комиссию при Президенте по реабилитации (её тогда возглавлял Александр Яковлев) я просил принять меры к восстановлению исторической справедливости и подлинной правопреемственности Российского государства, реабилитировать всех репрессированных в этой связи.

Было расстреляно и репрессировано 42 человека по так называемому «царскому делу». Помимо этого было подвергнуто репрессиям 38 человек.

После подачи заявления мне позвонил сотрудник Комиссии и сказал, что в Генеральной прокуратуре находится заявление представителя великой княгини Марии (из семьи Гогенцоллернов) на реабилитацию императорской семьи, расстрелянной в доме Ипатьевых в Екатеринбурге. Он предложил решить сначала этот вопрос, а затем приступить к рассмотрению моего заявления. Я считаю это необоснованным, ибо реабилитировать нужно не по сословному признаку, а всех, репрессированных в связи с императорской семьёй.

К тому же политическое решение о реабилитации должны принять либо Государственная Дума, либо президент, ибо Генеральная прокуратура руководствуется буквой закона о реабилитации, в котором не предусмотрена возможность решения столь сложных проблем.

Официального ответа на мой запрос не последовало, но я не теряю надежды, что здравый смысл возобладает.

Виктор Аксютин

Святейшему Патриарху
Московскому и всея Руси
Алексию II
20 марта 2006 г.

Ваше Святейшество, Всемилолюбивейший Архипастырь!

Зная Вашу занятость, долго не решался обратиться с письмом. В то же время, с большой благодарностью вспоминая неоднократные встречи с Вами, то внимание и заинтересованность, которые Вы проявили к судьбе Царственных страстотерпцев, надеюсь, что Вы сочтёте возможным вновь вернуться к этой теме.

Моё нынешнее обращение — это обращение православного христианина к Пастырю. Оно не является официальным письмом работника прокуратуры, хотя я с 1991 по 1998 гг. занимался вопросами, связанными с установлением подлинности захоронения, вскрытого в 1991 г. на Старой Коптяковской дороге близ Екатеринбурга и идентификацией останков. В 1993 г. мной было вынесено постановление о возбуждении уголовного дела по факту обнаружения останков, и в июле 1998 г. дело я прекратил в связи с установлением всех обстоятельств уголовного дела и имён погибших. С этого момента по закону я не могу добавить к материалам уголовного дела ни одной буквы, несмотря на то, что появились новые данные по обстоятельствам гибели и захоронения Государя Императора Николая II, членов Его Семьи и Их приближённых. Как крещённый православный верующий не могу жить спокойно, когда вижу, что Святые Мощи подвергаются опасности уничтожения. Работаю, как и прежде, старшим прокурором-криминалистом управления криминалистики Генеральной прокуратуры России.

С 1993 г. работа Правительственной комиссии и моя работа как следователя по данному делу постоянно подвергаются сомнениям. По несколько раз в год в прессе появляются «сенсационные» сообщения о том, что очередные исследователи опровергли «миф» о «так называемых екатеринбургских останках» и в очередной раз «установили», что в Петропавловском соборе захоронены «лже-мощи». Появляются всё новые и новые «чудесно воскресшие» члены Царской Семьи. Прошедший год не был исключением. Американские биологи вместе с российским генетиком Л.А. Животовским, исследовав палец, принадлежавший, по их мнению, Великой Княгине Елизавете Фёдоровне, подвергли сомнению достоверность экспертизы,

утверждавшей, что под Екатеринбургом найдены останки её племянниц и сестры — Александры Фёдоровны. На противоположном краю Земли японец Т. Нагаи заявил о том, что в захоронении на Копятковской дороге отсутствовали Святые Мощи Государя.

Я бы отнёсся к этим «сенсациям» спокойно, поскольку в период следствия подобные возражения проверялись и перепроверялись, но меня волнует то, что эти заявления, будоражащие общество, пресса всегда связывает с Церковью и Вашим именем, а возражений не поступает. Православный человек, не знающий всех тонкостей расследования и выводов экспертиз, всё больше отдаляется от истины. С 1989 года, когда впервые православная общественность узнала о возможном захоронении Царской Семьи, в обществе не утихают споры и растёт разномыслие. Меня и экспертов, которые работали по уголовному делу, постоянно обвиняют в фальсификации исследований, создании «ложных мощей», сатанизме, введении православных людей в искушение. Побывав в последние годы в Екатеринбурге в дни празднования памяти Святых Царственных страстотерпцев, я много раз присутствовал на церковных службах, где обличалась моя работа, слышал беседы священнослужителей и верующих, с негодованием относившимся к захоронению в Петропавловской крепости.

Что случилось, то случилось. Останки девяти человек захоронены в Санкт-Петербурге и, хотя видные представители Православной Церкви говорят о своей «нейтральности», «сомнениях» относительно захоронения, «осторожной позиции, которая не должна разделить общество», на деле получается совсем иное. Если в Петропавловском соборе захоронена не Царская Семья, то где гарантии того, что в могиле находятся православные граждане России, расстрелянные большевиками? Если исходить из этой логики, в могиле могут находиться атеисты и богоборцы, расстрелянные «колчаковскими карателями» или активные большевики, погибшие в период сталинских репрессий. В том случае, если захоронена Царская Семья, (а она действительно там захоронена!), представители Церкви, занимая «нейтральную» позицию, подобно известному историческому персонажу просто «умывают руки»...

Труд моих соратников и мой труд по восстановлению исторической памяти, участие в обретении Святых Мощей Государя вызвали у представителей Церкви только порицание и отторжение.

Праведный о. Иоанн Кронштадтский увидел сон, где Государь сказал ему: «Могилы моей не ищите». Я долго обдумывал смысл

этого видения. Николаю II — набожному человеку, по законам российским возглавлявшему Русскую Церковь, невозможно было предположить, что церковным иерархам запретят участвовать в Его захоронении, а несчастные Его кости, прах жены и детей сначала 7 лет будут держать в морге во «втором ипатьевском заточении», а потом по указанию Священного Синода хоронить как «бомжа», имя которого знает только Господь. Когда представители Церкви гордо заявляют в телевизионных интервью о том, что при захоронении «екатеринбургских останков» не произносилось имя Государя, я с грустью вспоминаю тяжкий сон Иоанна Кронштадтского. После этих слов в голову приходит мысль: сколько же времени такие хулители потратили на брань, а сколько на вдумчивое изучение материалов, связанных с гибелью Царя...

Прессу интересуют только скандалы. Поводы для этих скандалов православные оппоненты изыскивают регулярно. Прокуратура дело закончила. Правительственная комиссия разошлась по домам в 1998 году. Её председатель Борис Немцов давно не у дел. Первый российский президент — на пенсии. Скоро 7 лет, как произошло захоронение в Петропавловском соборе. Речь идёт о русском Царе и Православных Святых, но Священный Синод, к сожалению, и маленького шажка не сделал к тому, чтобы внимательно изучить хотя бы те документы, которыми мы сегодня располагаем. С момента захоронения останков Царственных страстотерпцев не было ни одного обращения к тем, кто активно работал в составе Правительственной комиссии, и располагает обширными подлинными материалами, связанными с гибелью Царской Семьи.

Приведу пример. На месте «Открытой шахты» построен огромный монастырь, при этом полностью уничтожен первоначальный рельеф местности. В том районе, где в 1919 г. занимался осмотром следователь Н.А. Соколов, в 1998 г. под руководством А.Н. Авдонины проведены археологические раскопки, во время которых обнаружено большое число вещей, безусловно принадлежавших Царской Семье. За прошедшие 7 лет церковнослужители, зная об этих бесценных реликвиях — свидетелях казни, даже не поинтересовались ими. Я понимаю, Церковь не может допустить, чтобы поклонение совершалось не Святым Мощам, но лже-мощам, однако для того, чтобы увериться в подлинности или отвергнуть негодное, необходимо хоть что-нибудь сделать. Представители Церкви занимают «нейтральную позицию» и ждут, когда за них кто-то и что-то сделает. На местах духовенство принимает молчание «сверху» как

призыв к борьбе с добросовестными экспертами и представителям следствия. Я уже не говорю о многолетней травле людей, обнаруживших Святые Мощи — Александре Николаевиче Авдонине и Гелии Трофимовиче Рябове. Слишком агрессивен этот «нейтралитет», например, в Екатеринбурге и он не защищает Святые Мощи от поругания.

В 1917 году в момент отречения Государя, решая свои внутренние проблемы Церковные иерархи, а за ними и многие рядовые священнослужители уже занимали «нейтральную» позицию и «дистанцировалась» от Царской Семьи. Ни одного священнослужителя мы не видим в числе лиц, сопровождавших бывшего Императора в ссылку. Чем это кончилось как для Императора, так и для Церкви, мы знаем из истории.

Пятнадцать лет, с 1989 г. Священный Синод занимает «нейтральную позицию» по отношению к «коптяковскому могильнику», а на самом деле — могиле Государя. Результат — в окрестностях Екатеринбурга устраиваются шабашки над Мощами и одновременно фарисейски возносятся хвалы Царю. Много раз безнаказанно уничтожались кресты, возведённые над захоронением. На само место* после негласного запрещения не приходит ни один священнослужитель.

Воздавая внешние знаки почитания, некоторые православные не заботятся о сохранении исторической памяти. При раскопках бывшего дома Ипатьева во время строительства Храма было уничтожено и растащено большое число реликвий. Говорят, что строители неправильно определили настоящее место «расстрельной комнаты» и сместили алтарь к северу. Мемориальный сад с сохранившимися деревьями, под которыми прогуливалась Царская Семья, сначала несколько лет использовался в качестве помойки при временном храме, а при строительстве Храма на Крови он был полностью уничтожен вместе с частью холма.

С молчаливого бездействия, если не сказать согласия Церкви бездоказательно, шутовски искажаются факты, связанные с идентификацией Царской Семьи. Группа жуликов и некомпетентных людей манипулирует паствой, подрывая авторитет Церкви.

Приведу несколько примеров. Судебно-медицинским экспертом В.Л. Поповым были незаконно, без оформления документов

* Напомню, что для исследования из неё были взяты кости, а тела остались в земле.

изъяты, то есть украдены, части трупа Великого Князя Георгия Александровича. Затем, таким же образом, им были изъяты фрагменты одежды Николая II, находящиеся на хранении в Екатерининском дворце Царского Села. Все эти исторические ценности без оформления документов, контрабандным путём переправлены в Японию, причём грубейшим образом нарушены правила международных перевозок трупного материала (Георгий Александрович, как известно, умер от туберкулеза).

С 2001 г. Попов В.Л. и японский генетик Т. Нагаи громогласно заявляют во всех мировых агентствах о так называемой «экспертизе», опровергшей данные официального следствия. В то же время, никаких данных эти горе-эксперты ни в Правительство России, ни в Генеральную прокуратуру не представили.

Не знаю, представлены ли эти данные руководству РПЦ?

Если да, то их необходимо сделать достоянием общественности и представителей российского государства. Если таковые данные не представлены, то не следует Патриархии публично подтверждать их якобы достоверность. Отсутствуют документы, подтверждающие заявления В.Л. Попова и Т. Нагаи о том, что исследовались именно те образцы, о которых они говорят. В одном из последних интервью Попов В.Л. заявил о том, что он «нашёл якобы „забытые“ в морге Военно-медицинской академии останки Великого Князя».

Японская «экспертиза» не прошла апробации ни в одном из серьёзных научных учреждений. Руководство РПЦ «на ура» приняло Т. Нагаи и фальсификатора исторических документов «профессора» В. Винера.*

Патриархия активно использовала непроверенные доводы в прессе. Во многих средствах массовой информации прошли непроверенные заявления В. Винера о том, что работа В.Л. Попова и Т. Нагаи проводилась под «покровительством» Святейшего Патриарха и Японского Императора, об официальной встрече с Вами. Любопытно звучит всё это. Люди воруют кости Императорской Семьи, контрабандой перевозят их за границу, не думая возвращать в Россию, а им «покровительствуют» и — кто?

* В. Винер фальсифицировал дневник одного из участников расстрела матроса Ваганова, в котором, якобы имелись сведения о том, что в «коптяковском захоронении были похоронены останки «дублёров» — купеческой семьи из Екатеринбургa — близких родственников В.И. Ленина.

7 декабря 2004 г. в здании Московской Патриархии епископ Дмитровский Александр, викарий Московской епархии торжественно принимает Тацуо Нагаи. Во всех мировых агентствах прошла информация о том, что по словам заместителя председателя отдела внешних церковных связей Патриархии протоиерея Всеволода Чаплина, ранее церковная комиссия по канонизации святых не получила ответов на целый ряд принципиальных вопросов, поставленных перед Государственной комиссией в 1995 году.

Ваше Святейшество, я прекрасно помню встречу с Вами, когда в январе 1998 г. Б. Немцов по поручению президента обсуждал возможные варианты захоронения Царской Семьи. Вам был вручён официальный ответ Государственной комиссии на десять вопросов, поставленных Священным Синодом в 1995 году. Кроме того, Священному Синоду были представлены многочисленные документы по вопросам истории расстрела и идентификации останков в двух томах. Насколько я помню, Вас полностью удовлетворили качество и полнота информации, представленной Государственной комиссией, и Вы просили передать президенту, что будете лично участвовать в процедуре захоронения. Не знаю, какие новые научные данные появились с января по февраль 1998 г., заставившие изменить Ваше мнение на противоположное?

Вернусь к последним работам учёных. Что касается экспертизы пальца якобы принадлежавшего Великой Княгине Елизавете Фёдоровны, то американское исследование, проведённое при участии Животовского, неполноценно. Генетики не смогли выделить генотип одного человека, результаты исследования крайне неубедительны.

Бог им судья, этим винерам, сироткиным, поповым и животовским, но они постоянно ссылаются на поддержку церковных кругов. С лёгкой руки Ваших помощников даже в Ваших выступлениях имеются ссылки на этих специалистов. Не думаю, что они посвящали Церковь в механизм своих махинаций, но их действия нанесли очередной удар по Её авторитету. Ваши консультанты упорно не замечают того, что эксперты с мировым именем, приглашённые для расследования дела по согласованию с Церковью в 1995 г., дали категорическое заключение об идентификации останков.

Не замечают они и того, что авторитетнейшей государственной организацией — Федеральным центром судебных экспертиз была проведена судебно-техническая и почерковедческая экспертиза так называемой «записки Юровского». Эта экспертиза доказала подлинность этого документа. Забывают и о том, что в Президентском

архиве имеется ещё один экземпляр воспоминаний, подписанный Я.М. Юровским. Многочисленные заявления историка академика РАН Алексева В.В., доктора исторических наук Владлена Сироткина о наличии неких исторических документов, подрывающих выводы Государственной комиссии не нашли подтверждения, как не нашли подтверждения заявления церковного археолога С.А. Беляева об огромном количестве медицинских документов, пригодных для идентификации.

Постоянно игнорируется категорически установленный факт о том, что в захоронении обнаружена семейная группа, где мать и три девушки находятся в кровном родстве с английским королевским домом, а отец этих девушек, представленный скелетом № 4 — кровный родственник представителей датского королевского дома. Генотип трёх девушек, как это доказано, содержит признаки, принадлежащие сразу двум королевским домам. Тем не менее, «главный церковный консультант» по генетике Животовский регулярно забывает не только этот факт, но и последние исследования генетика Е.И. Рогаева, включённого в расследование с согласия Церкви.

Доктор медицинских наук В.Н. Звягин, подвергший серьёзной критике первоначальное заключение об идентификации останков, с согласия Церкви был включён в экспертную комиссию и возглавил одно из основных направлений работы. Его подпись стоит под категорическим заключением об идентификации.

Я уже не говорю о том, что регулярно подрывается авторитет Генеральной прокуратуры, «специалисты» от оппозиции постоянно придумывают несуществующие процессуальные правила и обвиняют в нарушении действующих. Как пример недобросовестного подхода прессы, приведу одну цитату:

Неправомерным считает Алексей II-й и тот факт, что эксгумация останков великого князя Георгия Михайловича* в Петропавловской крепости была проведена под покровом ночи в присутствии одного только следователя.

* Так в тексте. Корреспондент даже не удосужился узнать имя Великого Князя. На самом деле следует читать «Георгия Александровича». Останки Великого князя Георгия Михайловича, расстрелянного в 1919 г., до настоящего времени не найдены. Цитируется по книге «Царь Николай II и новые мученики: пророчества, чудеса, открытия, молитвы. Документы». Издание «Общества свт. Василия Великого». 2000. С. 852.

«Ясно, что такое следствие должно быть проведено скрупулезно и ответственно», — подчеркнул патриарх.*

Как обычный обыватель воспримет такого следователя? Ночью, без понятия забрался в склеп. Вурдалак какой-то...

Напомню, что эксгумация состоялась 13 июля 1994 г. в день Святых Петра и Павла. Она была согласована с Вами и митрополитом Иоанном. Вами, специально для участия в этой печальной церемонии, был направлен церковный археолог С.А. Беляев (по непонятным причинам до окончания работ он уехал из Санкт-Петербурга). Эксгумация проводилась с участием настоятеля о. Николая и сестёр певчих монастырского храма ставропигиального подворья Свято-Иоановского монастыря на Карповке. Сразу после окончания эксгумации мне удалось встретиться с Вами в Петропавловской крепости и подробно рассказать о результатах вскрытия погребения Георгия Александровича. Никаких опровержений в прессе об этом, якобы Вашем заявлении, до сих пор не было. Могу привести сотни подобных цитат из писаний лживых и недобросовестных православных авторов.

Я стараюсь подавить в себе гордыню, но настолько устал от травли, что иногда возникает соблазн «научить» некоторых «журналистов» порядочности — подать в суды иски о защите своей чести и достоинства. Я прощаю агрессивных журналистов, но не уверен, что многие эксперты, проводившие исследования останков Царственных Страстотерпцев и обвинённые в мошенничестве, не потребуют защиты своего личного и профессионального достоинства.

У меня сейчас нет поддержки государства, я не могу организовать дополнительные экспертизы. Сознавая правоту своей позиции, я не знаю, что мне делать и как защитить Святые Мощи, частицы которых, по согласованию с Вами, были взяты в 1997 г. для возможных будущих исследований.

К сожалению, сегодня я вижу только то, что Мощи лишены защиты представителей духовенства, а многие священники активно защищают мифические «лже-мощи» — скотские кости, объедки от трапезы большевиков, которые были найдены следователем Н.А. Соколовым возле «Открытой шахты». Здесь об экспертизах речь не идёт! Даже в книгах, вышедших под Вашим благословением, поддерживается эта идея. Алтарь Храма стоит на месте обнаружения скотских костей!

* ИТАР-ТАСС. Православие 2000. / Православное слово. № 16. 2000. С. 2.; / Русский вестник. № 31–32. 2000. С. 10.

В это же время, в архиве прокуратуры томятся без должного поклонения подлинные частицы Мощей Святых Страстотерпцев, которым, конечно же, не место в прокурорском сейфе. Лишённый покровительства священнослужителей, я вынужден в настоящее время вести переговоры о передаче Святых Мощей для хранения в Музеи Московского Кремля. Государство своё слово об идентификации Святых Царственных Страстотерпцев сказало. В адрес Церкви, президента и правительства постоянно направляются в то же время призывы к тому, чтобы «выбросить „нечестивые“ кости „коптяковского могильника“ из Петропавловского собора».

Увы, враги Православной веры сильны и они могут добиться своего. Нельзя допустить «второго убийства» Русского Царя. Раз речь идёт о Русских Святых, видимо, «устранение сомнений» переместилось из сферы государственной в сферу деятельности Русской Православной Церкви. Её святое дело – защитить Святые Мощи. Уверен, что не погубить.

Я верю в то, что руководство Православной Церкви действительно стремиться к Истине, и не связано половинчатыми заявлениями иерархов. Прошу Вас дать мне возможность встретиться лично с Вами или Вашими помощниками и обсудить возможные пути выхода из создавшегося кризиса.*

Складывается парадоксальная ситуация, когда от имени руководства РПЦ регулярно оглашаются всякого рода сомнительные факты, в то время как результаты работы Правительственной Комиссии, а также результаты проведённых после 1998 года исследований и раскопок не только не рассматриваются, но и не имеются в распоряжении Патриархии. Учитывая то, что речь идёт о Православных Святых, позвольте внести следующие предложения:

1. Священному Синоду запросить в Правительстве России все официальные результаты работы Правительственной Комиссии по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков Российского Императора Николая II и членов его семьи.**

2. Создать круглый стол (может быть при Комиссии РПЦ по канонизации), в работе которого могли бы принять участие все заинтересованные стороны и рассмотреть все имеющиеся документы.

* Однажды Вы согласились на подобную встречу, но представители Вашего секретариата отказали мне.

** Вместе с письмом я передаю постановление о прекращении уголовного дела.

В рамках круглого стола можно было бы организовать работу квалифицированных специалистов, которые выскажут свои мнения «за» и «против» проведённых исследований и выработают тактику дальнейшего решения вопроса.

Весьма желательно участие в «круглом столе» церковного археолога С.А. Беляева, судебно-медицинского эксперта В.Л. Попова, генетика Л.А. Животовского, историка Боханова А.Н., историка Лыковой Л.А., длительное время работавшей с умершим Ю.А. Бурановым, а ныне занимающей его пост, директора Государственного архива Российской Федерации С.В. Мироненко и других лиц по Вашему выбору. Неоценимую помощь в выработке решений мог бы оказать митрополит Ювеналий, мудрый и знающий священнослужитель, представлявший позицию Церкви в Правительственной комиссии.

3. Прошу поручить Вашим помощникам провести предварительную встречу со мной с целью определить круг возможных проблем по идентификации останков Царской Семьи.

С искренним уважением *В.Н. Соловьёв*

Приложения

1. Постановление Генеральной прокуратуры о прекращении уголовного дела.

2. Книга «Покаяние». Материалы Правительственной Комиссии по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков Российского Императора Николая II и членов его семьи.

Патриарх Алексий II и следователь Владимир Соловьёв.

Его Высокопреосвященству
Ювеналию
Митрополиту Крутицкому
и Коломенскому

Ваше Высокопреосвященство!

29 июля 2007 г. в районе Старой Коптяковской дороги обнаружены останки двух человек. Сегодня рассматривается версия о том, что они могут принадлежать детям Императора Николая II Цесаревичу Алексею Николаевичу и Великой княжне Марии Николаевне.

Находка эта не случайна. С лета 1991 года и до настоящего времени в окрестностях Ганиной Ямы и в районе старой Коптяковской дороги велись поиски и раскопки, связанные с посмертной судьбой Царственных мучеников.

С 1992 по 1996 год раскопки в районе обнаружения останков девяти человек проводил Институт истории и археологии Урала. Ничего существенного найдено не было, исключая фрагмент кости Великой княжны Анастасии, вывернутый из захоронения кабелеукладчиком ещё до 1991 г.

Колчаковский следователь Н.А. Соколов летом 1919 г. проводил широкое обследование района примыкающего к пруду — Ганиной Яме. Особое его внимание привлекла шахта № 7 — «Открытая шахта». Именно в ней сделаны основные находки. При промывке грунта со дна шахты нашли отчленённый палец, вставную челюсть доктора Боткина, полусожжённые фрагменты одежды и обуви, труп собачки, так называемые «салоподобные массы», а также пули и разрубленные кости. Несмотря на важность для расследования обнаруженных в шахте объектов, Н.А. Соколов был вынужден прервать раскопки. Войска Красной армии приближались к Екатеринбург и дальнейшее проведение работ стало невозможным.

Полагая, что в районе Ганиной Ямы можно найти какие-нибудь предметы, связанные с расстрелом и захоронением Царской Семьи, Александр Николаевич Авдонин в 1998–1999 годах организовал там археологические раскопки, которые осуществлялись под руководством главного археолога Московского Кремля Т.А. Пановой. Судебно-медицинскому эксперту С.А. Никитину посчастливилось найти непромытую часть грунта, извлечённого Соколовым из «Открытой шахты». В ней обнаружили части одежды и обуви, золотое украшение, изумруд, бусинки из горного хрусталя, 7 револьверных

пуль и 64 фрагмента костей. Сравнение обнаруженных объектов с тем, что нашёл Н.А. Соколов, свидетельствовало об общности этих вещей. Н.А. Соколов, полагавший, что найденные им кости принадлежат членам Царской Семьи и слугам, к сожалению, не проводил каких-либо специальных исследований. Однажды он показал кости врачу А.И. Белогородскому, но тот ответил, что не является специалистом в области сравнительной анатомии и предположил, что кости принадлежали крупным млекопитающим, возможно, человеку.

По находкам, сделанным в отвале грунта у «Открытой шахты» 1998–1999 гг. проведено полноценное исследование. Итогом работы отдела по идентификации личности Федерального центра судебных экспертиз с подключением специалистов по сравнительной морфологии животных явилось определение принадлежности костей. Оказалось, что это кости птиц, коров и свиней. Все кости были сначала выварены в воде, а потом обожжены в костре. Признаков высокотемпературного действия пламени на костях не обнаружено. Можно предположить, что мясо с костями использовалось для варки супа, а потом кости выбросили в костёр. Скорее всего, кости, которые нашёл Соколов, были из того же котла. Фрагменты одежды и обуви, найденные Н.А. Соколовым свидетельствуют о том, что костры были невелики (кстати, это зафиксировано в протоколе осмотра у Н.А. Соколова и показаниях крестьян), продолжительность и температура горения незначительны. Таким образом, подтверждаются данные, приведённые в «Записке» Юровского о том, что костры использовались для сжигания одежды и обуви, а не для сжигания тел.

Очень жаль, что Церковь не проявила интереса к этим раскопкам, ведь были найдены подлинные вещи, принадлежавшие Царственным мученикам, которым, на мой взгляд, место в храме...

Предпоследние значительные по объёму раскопки в районе Старой Коптяковской дороги, в организации которых мне довелось принять участие, проводились в 2004 году, и только четырёх метров не хватило участникам работ для того, чтобы дойти до захоронения, обнаруженного этим летом.

Инициаторами последних раскопок стали уральские краеведы Шитов В.В. и Неуймин Н.Б. Они на протяжении долгих лет занимались историей Урала. Шитов В.В. — единственный человек, который сфотографировал разрушение Дома Ипатьева, в этом же доме он много лет работал. Шитов и Неуймин изучили все уральские материалы, относящиеся к гибели Царской Семьи, и пришли к выводу о том, что захоронение Цесаревича Алексея Николаевича и Великой княжны

Марии Николаевны должно находиться на сухом возвышенном месте в пределах прямой видимости от основного захоронения.

Летом 2006 г. они определились с возможным участком раскопок. К работе по обнаружению захоронения Шитов и Неуймин привлекли Григорьева А.Е. — заместителя генерального директора НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры Свердловской области. В этой организации имеется археологическая служба, возглавляемая Погореловым С.Н.

По просьбе Шитова, Неуймина и Григорьева организацией раскопок занялся Авдонин А.Н. В июле 2007 г. разрешение на проведение раскопок было получено и к работе привлекли поисковиков из патриотического клуба «Горный щит», имеющих большой опыт работы по обнаружению останков российских военнослужащих на местах боёв. Все работы осуществлялись бесплатно в свободное от работы время.

29 июля 2007 г. поисковик Вохмяков Л.Г. обнаружил захоронение двух человек в 29 метрах от тропы и примерно в 70 метрах к югу от места раскопок останков 9 человек в 1991 году. Всего было найдено 44 костных фрагмента, из них 7 зубов. Место захоронения представляло собой ямку глубиной около 60 см и такую же в диаметре. В ней находились крупные фрагменты костей и зубы, там же обнаружили три пули и фрагменты керамики, внешне напоминающие керамику из захоронения 9 человек. Поверх костей насыпана земля, а под дёрном находилось кострище из полусгоревших веток. Непосредственно к этой яме примыкала другая, размерами 150 на 60 см и глубиной около 20–30 см. На дне ямы обнаружили большое количество мелких косточек почти полностью уничтоженных пламенем. Можно предположить, что трупы сжигали в мелкой по глубине яме, затем обгоревшие кости сгребли и зарыли в другой, более глубокой, над которой разожгли костёр.

Информация об уничтожении трупов, приведённая в «Записке Юровского» полностью соответствует месту и картине захоронений, обнаруженных в 1991 и 2007 годах:

«Хотели сжечь А-я и А.Ф., но по ошибке вместо последней с А-ем сожгли фрейлину. Потом похоронили тут же, под костром, останки, и снова разложили костёр, что совершенно закрыло следы копанья. Тем временем выкопали братскую могилу для остальных. Часам к семи утра яма, аршина в 2 ½ глубины, 3 ½ в квадрате была готова. Трупы сложили в яму, облив лица и вообще все тела серной кислотой, как для неузнаваемости, так и для того, чтобы предотвратить

смад от разложения (яма была неглубока). Забросав землёй и хворостом, сверху наложили шпалы и несколько раз проехали — следов ямы и здесь не осталось. Секрет был сохранён вполне — этого места погребения белые не нашли».

После обнаружения останков археолог Погорелов С.Н. обратился к сёстрам Ново-Тихвинского женского монастыря и на месте захоронения ими были прочитаны заупокойные молитвы.

8 августа 2007 г. для проверки версии о возможной принадлежности останков двух человек к членам Семьи Романовых меня направили в Екатеринбург, где я изучил на месте все обстоятельства обнаружения тел.

21 августа 2007 г. Председателем Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации Бастрыкиным А.И. было возобновлено следствие по уголовному делу об обнаружении останков членов Царской Семьи и лиц из их окружения в 1991 г. Ведение следствия поручено мне.

Проведена работа по выяснению вопроса, не было ли в районе обнаружения захоронений расстрелов и тайного погребения жертв политических репрессий с 1917 по 1953 год. Таких данных не имеется. За последние 20 лет в Свердловской области не было случаев безвестного одновременного исчезновения женщины 17–20 лет и ребёнка 12–14 лет.

С 3 сентября 2007 г. по фрагментам костей и зубам проведён ряд экспертных исследований. Работа строится следующим образом. Первоначально запланированы антропологические исследования. Для этого две независимые группы антропологов и группа стоматологов провели исследования. По предварительному мнению экспертов, в захоронении находились останки двух человек: женщины в возрасте 17–19 лет и ребёнка в возрасте 12–14 лет. 7 зубов принадлежат ребёнку в возрасте 12–14 лет, по ряду признаков, это мальчик. Все кости сильно повреждены и имеют признаки воздействия высокотемпературного пламени. На костях одной черепной крышки обнаружены два повреждения похожих на пулевые. Одна пуля, найденная вместе с костями калибра 7,65 мм выстрелена из пистолета системы Браунинга образца 1900 г. Две другие калибра 9 мм — из пистолета системы Браунинга образца 1903 г. Все три пули имеют на себе признаки высокотемпературного воздействия (вытек свинец из сердечников).

В дальнейшем планируется привлечение к проведению генетических и иных исследований ведущих российских и зарубежных

учёных. Руководит работой главный судебно-медицинский эксперт Урала Николай Иванович Неволин.

Я счёл возможным обратиться к Вам только после того, как были проведены перечисленные исследования. Они не противоречат картине, описанной участниками уничтожения трупов.

Ваше Высокопреосвященство, мы находимся в самом начале исследования. Возникла счастливая ситуация, когда ещё раз можно вернуться к исследованию не только обстоятельств, связанных с захоронением, обнаруженным в этом году, но и к вопросам, вызывавшим сомнение при работе с захоронением 1991 г.

Наука шагнула вперёд, появились новые методы. Приведу пример. Сколько мучились учёные, когда решали вопрос, какому скелету какая мелкая косточка принадлежит. Сейчас неразрушающими методами с использованием тонких физических технологий мы смогли не только установить, животному или человеку принадлежат маленькие полусгоревшие фрагменты костей, но и разложить их по скелетам.

В настоящее время я передал в Екатеринбург для исследования частицы праха людей, обнаруженных в захоронении в 1991 г. Если окончательно подтвердится, что это мощи погибшей Царской Семьи и слуг, прошу Вас ходатайствовать о помещении их в Храме на Крови.

В предыдущем расследовании было допущено много ошибок. Следствие обвиняли в излишней закрытости. Не все наши действия были понятны православной общественности. Иногда я проявлял в полемике излишнюю горячность. Я очень надеюсь, что Вы разрешите мне встретиться с Вами, возможно, имеет смысл провести обсуждение о ходе расследования с православными оппонентами. Как я уже упоминал, мы находимся вначале пути. Сейчас можно решить вопрос о привлечении к исследованию православных учёных, обмениваться информацией. Надеюсь, в поисках истины мы будем едины и этот год счастливого объединения Церквей поможет нам найти истину о гибели и захоронении Царственных Страстотерпцев.

С уважением,

старший следователь по особо важным делам *В.Н. Соловьёв*

Протоиерею Всеволоду Чаплину.

Уважаемый отец Всеволод!

Возможно, моё письмо о строительстве кладбища в районе Мемориала Романовых было излишне эмоциональным, но тому были причины. Личная встреча с архиепископом Викентием показала, что он крайне отрицательно относится к идее признания останков, что ярко проявилось в его недопустимо грубом разговоре с археологом С. Погореловым.

Я всегда был сторонником того, чтобы территория, на которой расположен Мемориал Романовых находилась под покровительством Церкви. Этот участок вплотную прилегает к городским окраинам, и если у этой территории не будет разумных покровителей, она мгновенно может стать или захудалой промышленной зоной или окраиной кладбища.

Может быть, стоит поставить вопрос о передаче территории Мемориала Романовых Церкви, но с условием воздержания от любого строительства, в том числе и кладбищенского, на тот период пока не будет окончательно решен вопрос об останках. Мемориал Романовых идеально вписывается в паломнический маршрут к Ганиной Яме и строительство часовни, принадлежащей монастырю во имя Святых Царственных Страстотерпцев, могло значительно повысить авторитет Екатеринбургской епархии.

Сегодня ко мне обратились из Администрации Президента по поводу письма барона Фальц-Фейна о судьбе останков. По-видимому, целесообразно создание Правительственной комиссии, где Церковь могла бы поставить вопросы, касающиеся сомнений о полноте исследований.

Надеюсь, что наше сотрудничество будет плодотворным и неожиданный конфликт разрешится к моменту визита Святейшего Патриарха Кирилла в Екатеринбургскую епархию.

С уважением

Криминалист *В. Соловьёв*

28 декабря 2009 года

НЬЮ-ЙОРК: 14 декабря 2012 г.

Заявление Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей

На днях в российских СМИ появились сообщения о том, что Президент Российской Федерации В.В. Путин высказался в связи с вопросом о мавзолее и мумифицированном теле Ленина.

Архиерейский Синод Русской Православной Церкви заграницей никак не может согласиться с той формой, в которой ныне передаётся его мысль, и с выводами, выносимыми в броские заголовки. При кратких публикациях, где исчезает связь, мысль может даже полностью исказиться.

Согласно стенограмме, выставленной на сайте Президента РФ, В.В. Путин отвечал на одно из высказываний на встрече «доверенных лиц», в котором резко критиковалось телевидение в России. В.В. Путин признал, что проблема существует, и обозначил «утрату определённых ориентиров». Ожидая нападки «коллег левых взглядов» и называя «кодекс строителя коммунизма», он далее указал на то, что коммунисты немало заимствовали у «традиционных мировых религий»: «оттуда взято» — «традицию перехватили», причём «грамотно, в соответствии с потребностями того времени».

Время, как известно, было страшное, проливалась кровь.

В сущности, президент обозначил воровство и обман, которые соответствовали подходу коммунистов к человеческой жизни, и оценка подобного «перехватывания», по нашему мнению, здесь подразумевается. Однако отсутствие прямой оценки в атмосфере свободной беседы обернулось недостатком, открылась возможность оставить в стороне предполагаемые различия, и так недолжным образом сблизить совершенно различные, противоположные вещи — так появился повод утверждать, что В.В. Путин якобы «сравнил» нетленные мощи святых (а следовательно и их образ жизни) с мумифицированным телом главного «строителя коммунизма», преступная деятельность которого стоила народам бывшей Российской Империи миллионы жизней.

Через это также стала невнятной речь о том, что «нужно вернуться к корням» (каким?), «заняться воспитанием» и «в том числе воспитанием патриотизма на традиционной нашей почве». Какие конкретно «традиции», какой «патриотизм» имеются в виду? Это

вопросы, которые беспокоят многих соотечественников, не только в самой России, но и русских людей в Зарубежье, не в последнюю очередь наших верующих.

Ясна разница. И верующие, конечно, не ходят «посмотреть» на мощи Святых (тем более, что они под покровами), а молятся Богу, и В.В. Путину известно, что живое присутствие Святых в церковном сознании и общении имеет своё место, иное, чем в коммунистическом восприятии. Мы считаем невозможным приписывать Президенту РФ «сравнение» Киево-Печерских святых с Лениным.

Приходится сожалеть о том, к чему сейчас привело недостаточно ясное обозначение тех самых нравственных «ориентиров», о которых должна идти речь. Реакция частей общества, хотя и не точная, но всё же чуткая, в свою очередь поучительна. Именно: длительная, затяжная неясность в вопросе о подлинных русских духовных традициях, как видно, не проходит даром. Не хватает чёткой нравственной оценки режима, десятилетиями подавлявшего ценность человеческой личности. Это уже более двух десятилетий губительно сказывается на жизни народа, продолжает духовно уничтожать Русь. Не может быть подлинного обновления и возрождения народа и страны без честного осмысления прошлого.

Не может быть оправдано смешение Креста Господня и боготворческой красной звезды. Попытки удержать его не смогут вывести народ на светлый путь живого творчества. Поэтому, как один из малых шагов, мы недавно поддержали инициативу (запрос в Следственный Комитет РФ) для получения оценки деятельности Ленина. Необходимо глубокое осмысление истории России ради очищения её дальнейших путей от последствий лжи и подмен.

+ *Иларион*,
Митрополит Восточно-Американский и Нью-Йоркский,
Первоиерарх Русской Зарубежной Церкви.

+ *Марк*,
Архиепископ Берлинский и Германский,
Первый заместитель Председателя Архиерейского Синода.

+ *Кирилл*,
Архиепископ Сан-Францисский и Западно-Американский,
Второй заместитель Председателя Архиерейского Синода.
Секретарь Архиерейского Синода.

+ *Гавриил*,
 Архиепископ Монреальский и Канадский.
 + *Петр*,
 Епископ Кливлендский, Управляющий Средне-Американской
 епархией.

Временные члены:

+ *Георгий*,
 Епископ Мэйфильдский, викарий Восточно-Американской
 епархии.

+ *Иероним*,
 Епископ Манхэттенский, викарий Восточно-Американской
 епархии.

11 декабря 2012 г.

*Митрополит Иларион (Капрал) с А. Авдониным и Г. Рябовым
 на выставке в ГАРФ «Следствие длиною в век»
 (о том, как шло следствие по делу об убийстве царской семьи).*

Фото Сергея Бьчкова

Воспоминания коменданта
Дома особого назначения в Екатеринбурге
Я.М. Юровского о расстреле Николая II
и его семьи¹

16/7 была получена телеграмма из Перми на условном языке, содержащая приказ об истреблении Р-х².

16-го в 6 ч. веч. Филипп Г-н³ предписал привести приказ в исполнение. В 12 часов ночи должна была приехать машина для отвоза трупов.

В 6 часов увели мальчика (Седнева, поварёнка), что очень беспокоило Р-вых и их людей. Приходил д-р Боткин⁴ опросить, чем это вызвано. Было объяснено, что дядя, который был арестован, потом бежал, теперь опять вернулся и хочет увидеть племянника. Мальчик на следующий день был отправлен на родину /кажется в Тульскую губернию/⁵. Грузовик в 12 часов не пришёл, пришёл только

в 1/2 второго.

Это отсрочило приведение приказа в исполнение. Тем временем были сделаны все приготовления: отобрано 12 человек /в т. ч. 6 латышей/ с наганами, которые должны были привести приговор в исполнение. 2 из латышей отказались стрелять в девиц. Когда приехал автомобиль, все спали. Разбудили Боткина, а он всех остальных. Объяснение было дано такое: «ввиду того, что в городе неспокойно, необходимо перевести семью Р-х из верхнего этажа в нижний».

Одевались с 1/2 часа.

Внизу была выбрана комната с деревянной оштукатуренной перегородкой /чтобы избежать рикошетов/; из неё была вынесена вся мебель. Команда была наготове в соседней комнате. Р-вы ни о чём не догадывались. Ком. отправился за ними лично, один, и свёл их по лестнице в нижнюю комнату. Ник. нёс на руках А-я, остальные несли с собой подушечки и разные мелкие вещи.

Войдя в пустую комнату, А.Ф. спросила: «Что же, и стула нет? Разве и сесть нельзя?» Ком. велел внести два стула. Ник. посадил на один А-я, на другой села А.Ф. Остальным ком. велел стать в ряд. Когда стали, позвали команду. Когда вошла команда, ком. сказал Р-вым, что ввиду того, что их родственники продолжают наступление на советскую Россию, Урал-исполком постановил их расстрелять. Николай повернулся спиной к команде, лицом к семье, потом, как бы опомнившись, обернулся к коменданту, с вопросом: «что? что?» Ком. наскоро повторил и приказал команде готовиться. Команде заранее было указано, кому в кого стрелять, и приказано целить прямо в сердце, чтобы избежать большого количества крови и покончить скорее. Николай больше ничего не произнёс, опять обернувшись к семье, другие произнесли несколько несвязных восклицаний, всё длилось несколько секунд. Затем началась стрельба, продолжавшаяся

две-три минуты.

Ник. был убит самим ком-ом наповал, затем сразу же умерли А.Ф. и люди Р-х. Всего было расстреляно 12 человек⁶: Н-ай, А.Ф., четыре дочери, Татьяна, Ольга, Мария и Анастасия, д-р Боткин, лакей Трупп⁷, повар Тихомиров, ещё повар⁸ и фрейлина, фамилию к-ой ком. забыл⁹. А-й, три из его сестёр,¹⁰ фрейлина и Боткин были ещё живы. Их пришлось пристреливать. Это удивило ком-та, т. к. целили прямо в сердце, удивительно было и то, что пули наганов отскакивали от чего-то рикошетом и, как град, прыгали по комнате. Когда одну из девиц пытались доколоть штыком, то штык не мог пробить корсажа. Благодаря всему этому, вся процедура, считая «проверку» /щупанье пульса и т. д./,

заняла минут 20.

Потом стали выносить трупы и укладывать в автомобиль, он был выстлан сукном, чтобы не протекала кровь. Тут начались кражи; пришлось поставить 3 надёжных товарищей для охраны трупов, пока продолжалась переноска /трупы переносились по одному/. Под угрозой расстрела всё похищенное было возвращено /золотые часы, портсигар с бриллиантами и т. п./. Ком-ту было поручено только привести в исполнение приговор, удаление трупов и т. д. лежало на обязанности т. Ермакова /рабочий Верхне-Исетского завода, партийн. тов., б. каторжанин/¹¹ Он должен был приехать с автомобилем, и был впущен по условному паролю «трубочист». Опоздание /так!/ автомобиля внушило коменданту сомнение в аккуратности Е-ва, и ком. решил проверить сам лично всю операцию до конца.

Около 3 часов утра

выехали на место, которое должен был приготовить Е-в /за Верхне-Исетским заводом/. Сначала предполагалось ехать в автомобиле, а от известного пункта на лошадях, т.к. автомобиль дальше пройти не мог. Местом выбранным была брошенная шахта. Проехав Верхне-Исетский завод, верстах

в 5, наткнулись на целый табор — человек 25, верховых, в пролетках и т. д. Это были рабочие /члены совета, исполкома и т. д./, которых приготовил Е-в. Первое, что они закричали: «Что же вы их нам не живыми привезли?!»

Они думали, что казнь Романовых будет поручена им. Начали перегружать трупы на пролётки — тогда как нужны были телеги. Это было очень неудобно. Сейчас же начали счищать корманы /так!/ — пришлось и тут пригрозить расстрелом и поставить часовых. Тут же обнаружилось, что на Татьяне, Ольге и Анастасии были надеты какие-то особые корсеты. Решено было, прикрывая сукном, раздеть трупы до гола, но не здесь, а на месте погребения. Но выяснилось, что никто не знает, где намеченная для этого шахта. Светало. Комендант послал верховых разыскивать место, но никто ничего не нашёл. Выяснилось, что вообще ничего приготовлено не было, не было лопат и т. под. Так как машина застряла между 2 деревьев, то её бросили и двинулись поездом на пролётках, закрыв трупы сукном. Отвезли от Екатеринбурга на 16 1/2 вёрст и остановились в 9 верстах от деревни Коптяки;

это было 6-7 часов утра.

В лесу отыскали заброшенную старательскую шахту /добывали когда-то золото/ глубиною аршин 3 1/2. В шахте было на аршин воды. Ком. распорядился раздеть трупы и разложить костры, чтобы всё сжечь. Кругом были расставлены верховые, чтобы отгонять всех проезжающих. Когда стали раздевать одну из девиц, увидели корсет, местами разорванный пулями — в отверстие видны были бриллианты. У публики явно разгорелись глаза. Ком. решил сейчас же распустить всю артель, оставил на охране несколько верховых и 5 человек команды. Остальные разъехались. Команда приступила к раздеванию и сжиганию.

На А.Ф. оказался целый жемчужный пояс, сделанный из нескольких ожерелий, зашитых в полотно. Бриллианты тут

же выпарывались. Их набралось /т. е. бриллиантовых вещей/ около 1/2 пуда.

Это было похоронено на алапаевском заводе, в одном из домиков в подполье, в 19 г. откопано и привезено в Москву. Сложив всё ценное в сумки, остальное, найденное на трупах, сожгли, а самые трупы спустили в шахту. При этом кое-что из ценных вещей /чья-то брошь, вставная челюсть Боткина/ было обронено, а при попытке завалить шахту при помощи ручных гранат, очевидно, трупы были повреждены, и от них оторваны некоторые части — этим комендант объясняет нахождение на этом месте белыми /которые потом его открыли/ оторванного пальца и т. под. Но Р-х не предполагалось оставлять здесь — шахта заранее была предназначена стать лишь временным местом их погребения. Кончив операцию и оставив охрану, ком.

часов в 10-11 утра /17 уже июля/

поехал с докладом в Уралисполком, где нашёл Сафарова¹² и Белобородова¹³. Ком. рассказал, что найдено, и высказал им сожаление, что ему не позволили в своё время произвести у Р-вых обыск. От Чуцкаева¹⁴ /предс. горисполкома/ ком. узнал, что на 9-й версте по Московскому тракту имеются очень глубокие, заброшенные шахты, подходящие для погребения Р-х. Ком. отправился туда, но до места не сразу доехал из-за поломки машины; добрался до шахт уже пешком — нашёл, действительно, три шахты очень глубоких, заполненных водою, где и решил утопить трупы, привязав к ним камни. Так как там были сторожа, являвшиеся неудобными свидетелями, то решено было, что одновременно с грузовиком, который привезёт трупы, приедет автомобиль с чекистами, которые под предлогом обыска арестуют всю публику. Обратнo ком. пришлось добираться на случайно захваченной по дороге паре. Задерживавшие случайности продолжались и дальше — отправившись с одним из чекистов на место верхом, чтобы организовать всё дело, ком. упал

с лошади и сильно расшибся /а после также упал чекист/. На случай, если бы не удался план с шахтами, решено было трупы сжечь или похоронить в глинистых ямах, наполненных водой, предварительно обезобразив трупы до неузнаваемости серной кислотой. Вернувшись, наконец, в город уже

к 8 час. вечера /17-го

начали добывать всё необходимое – керосин, серную кислоту. Телеги с лошадьми без кучеров были взяты из тюрьмы. Рассчитывали выехать в 11 ч. вечера – но инцидент с чекистом задержал, и к шахтам с верёвками, чтобы вытаскивать трупы и т. д., отправились только

в 12 1/2 ч., ночью с 17 на 18-е.

Чтобы изолировать шахту /первую старательскую/ на время операции, объявили в деревне Коптяки, что в лесу скрываются чехи, лес будут обыскивать, чтобы никто из деревни не выезжал ни под каким видом. Было приказано, если кто ворвётся в район оцепления, расстрелять на месте. Между тем рассвело /это был уже третий день, 18-го/. Возникла мысль часть трупов похоронить тут же у шахты, стали копать яму и почти выкопали. Но тут к Ермакову подъехал его знакомый крестьянин – и выяснилось, что он мог видеть яму. Пришлось бросить дело. Решено было везти трупы на глубокие шахты. Так как телеги оказались непрочными, разваливались, ком. отправился в город за машинами /грузовик и две лёгких, одна для чекистов/.

Смогли отправиться в путь только в 9 час. вечера.

Пересекли линию жел. дор. в полуверсте, перегрузили трупы на грузовик. Ехали с трудом, выматывая опасные места шпалами, и всё-таки застревали несколько раз.

Около 4 1/2 утра 19-го

машина застряла окончательно; оставалось, не доезжая шахт, хоронить или жечь. Последнее обещал взять на себя

один товарищ, фамилию ком. забыл, но он уехал, не исполнив обещания.

Хотели сжечь А-я и А.Ф., но по ошибке вместо последней с А-ем сожгли фрейлину¹⁵. Потом похоронили тут же, под костром, останки, и снова разложили костёр, что совершенно закрыло следы копанья¹⁶. Тем временем выкопали братскую могилу для остальных.

Часам к 7 утра

яма, аршина в 2 1/2 глубины, 3 1/2 в квадрате была готова. Трупы сложили в яму, облив лица и вообще все тела серной кислотой, как для неузнаваемости, так и для того, чтобы предотвратить смрад от разложения /яма была неглубока/. Забросав землёй и хворостом, сверху наложили шпалы и несколько раз проехали — следов ямы и здесь не осталось. Секрет был сохранён вполне — этого места погребения белые не нашли.¹⁷

Телеги ломовые ранее машины понадобились, чтобы везти на глубокие шахты, причём до самого места временного погребения машины не могли пройти, поэтому телеги всё равно приходится использовать. Когда пришли машины, телеги уже двигались — машины встретились с ними на 1/2 версты ближе к Коптякам.¹⁸

Коптяки в 18 в. от Екатеринбурга к северо-западу. Линия ж. д. проходит на 9 версте, между Коптяками и верх-исетским заводом. От места пересечения жел. дор. погребены саж. во 100 ближе к В.-Исетскому заводу.¹⁹

¹ В историографии этот документ известен как «Записка Юровского».

² Романовых.

³ Ф.И. Голощёкин — военный комиссар Уральской области, представитель ВЦИК на Урале.

⁴ Е.С. Боткин — генерал-майор медицинской службы.

⁵ В Ярославскую губернию.

⁶ Я.М. Юровский здесь ошибся. Расстреляно было 11 человек.

⁷ А.Е. Трупп — лакей 1 разряда императора Николая.

⁸ Правильно — И.М. Харитонов.

⁹ А.С. Демидова.

¹⁰ Это были — Ольга, Татьяна и Анастасия, в одежде которых были зашиты драгоценности.

¹¹ П.З. Ермаков — военный комиссар Верх-Исетска.

¹² Г.И. Сафаров — председатель Уральского обкома РКП(б).

¹³ А.Г. Белобородов — председатель Уральского облсовета.

¹⁴ С.Е. Чуцкаев — заместитель председателя Уральской обл. ЧК.

¹⁵ Ошибка, правильно в. кн. Марию Николаевну.

¹⁶ Речь идёт о захоронении останков цесаревича Алексея и в. кн. Марии.

¹⁷ Речь идёт о сокрытии. 4 июля Я.М. Юровский был назначен комендантом 9-ти останков.

¹⁸ Приписка к машинописному тексту. Она отсутствует в других копиях данного документа, также и в рукописном варианте, принадлежащем М.Н. Покровскому. См.: РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 9. Л. 1–6.

¹⁹ Указание места захоронения останков сделано лишь в одном экземпляре, хранящимся в ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 27. Л. 34–36.

Юровский Я.М.

Воспоминания Сухорукова Григория Ивановича о расстреле и захоронении Романовых

Пятая сотня третьей уральской дружины сформирована полностью из рабочих Верхне-Туринского завода, в которой находился я после подавления дутовского восстания, влился в первый батальон седьмого Уральского полка, расформированного в городе Перми.

27 мая 1928 г.¹ ночью раздался тревожный сигнал трубы, спавшие красногвардейцы повскакали с коек... Вспыхнуло местное восстание. Вопрос разрешился иначе, оказалось, что восстали чехи, захватили Челябинск и угрожают дальнейшему продвижению на Урал.

Померившись силами с дутовскими казаками в Троицких степях под Верхне-Уральском и Чёрной речкой, испытав победы и поражения с полной уверенностью, что мы победим белоказачков, <батальон> 28 мая двинулся со станции Пермь 1-я, по прибытии занял позицию под Миньяром. В первые же дни мы приняли ряд боёв с переменным успехом.

Эти бои красочно и правдоподобно описаны Ив. Онуфриевым в своей книге «Гражданская война на Урале», где наш батальон фигурирует как Пермский отряд в тысячу штыков под командой тов. Полушина.

В данном случае нужно внести некоторые исправления: нашим отрядом командовал не тов. Полушин, хотя его правильная фамилия Павлушин, а Константин, фамилию которого я в данное время забыл, а тов. Павлушин был комиссаром нашего отряда...

Простояв на Кусьвинском заводе несколько дней, мы получили приказ выехать в г. Екатеринбург для формирования (...).

Из остатков нашего батальона отобрали приблизительно 35 для отряда при Уральской областной ЧК, куда попал и я, через несколько дней, приблизительно 18 или 19 июля² из отряда нас отбирают человек 12 и говорят: «Товарищи, вам ввернется тайна государственной важности, и с этой тайной вы должны умереть. Горе тому, кто не оправдает нашего доверия».

Председатель УралоблЧК, если не путаю, Лукиянов Фёдор говорит: «Сегодня мы должны ехать хоронить семью Николая Романова, она расстреляна...»

Ночью выехали в сторону Верх-Исетского завода. Ехали на экипажах. Точно не помню, сколько нас было человек, но многих помню: Юровский, комиссар города,
 наш комиссар Павлушин,
 из ЧК — Горин, Родзинский,
 потом не знаю фамилию мадьяра в сером костюме, впоследствии он его сжёг серной кислотой,
 Ермаков, из красноармейцев,
 Тягунов Фёдор, мой земляк, убитый на деникинском фронте,

лысьвенские рабочие: Боженев Алекс., Поспелов Никол. Влад., его брат Иван (они, кажется, сейчас в Перми), Самойлов Никол. (в Москве учится на красного професс.), Веселков Михаил (работает в Свердловском ГПУ),

эстонец Кют впоследствии был в моей команде ком. пул. взв. и попал в плен к Колчаку с пулем. заставой.

Кильзин тоже эстонец, тоже был в моей команде ком. пул. отд., убит под Новопаинском Оханск. уезда.

Пономарев Дм. — лысьвинский рабочий,

Гурьев — тоже оба попали в плен,

верхне-туринские рабочие: Петров, Рябков Алек., брат Рябковой, работающей в данное время, кажется, в ОблРКИ (по мужу, вероятно, у неё фамилия другая).

Яша, фамилию забыл, Рябкова его знает и я.

Приехали утром к шахтам, где были трупы, около шахты пепел, ни костра. Братва начала рыться, догадавшись, что здесь сжигали царскую одежду, кое-кому попало изрядно, например, Поспелов нашёл 2 крупных бриллианта, оправленных платиной, Сунегин нашёл бриллиантовое кольцо и т. д.

Время шло, работа ударная, нужно было приступить к извлечению трупов, кругом расставили конных и пеших патрулей и приступили к работе. Первым спустился в шахту с верёвкой в руке Сунегин Владимир и начал извлекать сначала дрова, цельными шлаками, потом работа показалась нудной и длинной, решили взяться прямо за трупы, но на подмогу Сунегину спустился я, и первая попавшая нога оказалась Николая последнего, который и благополучно был извлечён на свет божий, а за ним и все остальные. Для точности можно отметить, что все были голыми, за исключением наследника, который был в одной матроске нательной³, но без штанов.

По извлечении трупы сложили недалеко от шахт и накрыли палатками, приступили к обсуждению, куда девать. Сначала решили вырыть яму прямо на дороге, закопать и сильно снова заездить, но грунт оказался каменистым, и эту работу бросили, решили дожидаться автомобилей и с соответствующим грузом потом отвезти в В.-Исетский пруд.

Вечером⁴ пришли грузовые автомобили, трупы были уже погружены на повозки, и мы с повозок их снова перегрузили на автомобили и поехали. Недалеко была мочажина, настланная шпалами в виде моста, и здесь-то задний грузовик, почти проехавши, застрял, все наши усилия ни к чему не привели, и решили шпалы снять, выкопать яму, сложить трупы, залить серной кислотой, закопать и снова наложить шпалы⁵.

Так и было сделано. Для того, чтобы белые даже нашли эти трупы и не догадались по количеству, что это царская семья, мы решили шутки две сжечь на костре, что мы и сделали, на наш жертвенник попал первый наследник и вторым младшая дочь Анастасия. После того, как трупы были сожжены, мы разбросали костёр, на середине вырыли яму, всё оставшееся недогоревшее сгребли туда, и на том же месте снова развели огонь и тем закончили работу⁶.

Приехали в Екатеринбург на вторые сутки усталые и злые, ночью этого же дня я выехал старшим конвоя для сопровождения в Пермскую ЧК дочери короля сербского Елены, жены одного из великих князей, с ней сербская миссия, полковник Медичи, его холуй, и человек 20 свердловских буржуев, всю эту честную кампанию я доставил благополучно.

По приезде в Пермь я взял газету «Уральский рабочий», кажется за 22 июля и в ней прочитал о расстреле Николая II и его семьи.

Член ВКП(б) бил. № 1029612

Сухоруков (?) в Свердловске 3. 4. 29 г.

Сухоруков Григорий Иванович, уроженец Михайловского завода Уральской области, прож. г. Свердловск, Белинского, № 91.

¹ Так в тексте, правильно 1918 г.

² Команда для перевоза останков с рудника на другие шахты была сформирована Я. Юровским 17 июля и прибыла на рудник поздней ночью 18 июля.

Из воспоминаний участника расстрела царской семьи М.А. Медведева (Кудрина)

Вечером 16 июля н. ст. 1918 года в здании Уральской областной Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией (располагавшейся в американской гостинице г. Екатеринбург, ныне город Свердловск) заседал в неполном составе областной Совет Урала.

Когда меня — екатеринбургского чекиста — туда вызвали, я увидел в комнате знакомых мне товарищей: председателя Совета депутатов Александра Георгиевича Белобородова, председателя областного комитета партии большевиков Георгия Сафарова, военного комиссара Екатеринбурга Филиппа Голощёкина, члена Совета Петра Лазаревича Войкова, председателя областной ЧК Фёдора Лукоянова, моих друзей — членов коллегии Уральской областной ЧК Владимира Горина, Исая Иделевича (Ильича) Родзинского (ныне персональный пенсионер, живёт в Москве) и коменданта Дома особого назначения (дом Ипатьева) Якова Михайловича Юровского.

Когда я вошёл, присутствующие решали, что делать с бывшим царём Николаем II Романовым и его семьёй. Сообщение о поездке в Москву к Я.М. Свердлову делал Филипп Голощёкин. Санкции Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета на расстрел семьи Романовых Голощёкину получить не удалось.

Свердлов советовался с В.И. Лениным, который высказывался за привоз царской семьи в Москву и открытый суд над Николаем II и его женой Александрой Фёдоровной, предательство которой в годы Первой мировой войны дорого обошлось России.

— Именно всероссийский суд! — доказывал Ленин Свердлову, — с публикацией в газетах. Подсчитать, какой людской и материальный урон нанёс самодержец стране за годы царствования. Сколько повешено революционеров, сколько погибло на каторге, на никому не нужной войне! Чтобы ответил перед всем народом! Вы думаете, только тёмный мужичок верит у нас в «доброго» батюшку-царя? Не только, дорогой мой Яков Михайлович! Давно ли передовой наш питерский рабочий шёл к Зимнему с хоругвями? Всего каких-нибудь 13 лет назад! Вот

эту-то непостижимую «российскую» доверчивость и должен развеять в дым открытый процесс над Николаем Кровавым...

Я.М. Свердлов пытался приводить доводы Голощёкина об опасностях провоза поездом царской семьи через Россию, где то и дело вспыхивали контрреволюционные восстания в городах, о тяжёлом положении на фронтах под Екатеринбургом, но Ленин стоял на своём:

— Ну и что же, что фронт отходит? Москва теперь — глубокий тыл, вот и эвакуируйте их в тыл! А мы уж тут устроим суд на весь мир.

На прощание Свердлов сказал Голощёкину:

— Так и скажи, Филипп, товарищам — ВЦИК официальной санкции на расстрел не даёт.

После рассказа Голощёкина Сафаров спросил военкома, сколько дней, по его мнению, продержится Екатеринбург.

Голощёкин отвечал, что положение угрожающее — плохо вооружённые добровольческие отряды Красной Армии отступают, и через три, максимум через пять дней Екатеринбург падёт.

Воцарилось тягостное молчание. Каждый понимал, что эвакуировать царскую семью из города не только что в Москву, но и просто на Север означает дать монархистам давно желанную возможность для похищения царя.

Дом Ипатьева представлял до известной степени укреплённую точку: два высоких деревянных забора вокруг, система постов наружной и внутренней охраны из рабочих, пулемёты. Конечно, такой надёжной охраны мы не могли бы обеспечить движущемуся автомобилю или экипажу, тем более за чертой города.

Об оставлении царя Белой армии адмирала Колчака не могло быть и речи — такая «милость» ставила под реальную угрозу существование молодой Республики Советов, окружённой кольцом вражеских армий. Враждебно настроенный к большевикам, которых он после Брестского мира считал предателями интересов России, Николай II стал бы знаменем контрреволюционных сил вне и внутри Советской республики. Адмирал Колчак, используя вековую веру в добрые намерения царей, смог бы привлечь на свою сторону сибирское крестьянство, которое никогда не видело помещиков, не знало, что такое крепостное право, и поэтому не поддерживало Колчака, насаждавшего помещичьи законы на захваченной им (благодаря восстанию

Чехословацкого корпуса) территории. Весть о «спасении» царя удесятерила бы силы озлобленного кулачества в губерниях Советской России.

У нас, чекистов, были свежи в памяти попытки тобольского духовенства во главе с епископом Гермогеном освободить царскую семью из-под ареста. Только находчивость моего друга матроса Павла Хохрякова, вовремя арестовавшего Гермогена и перевезшего Романовых в Екатеринбург под охрану большевистского Совета, спасла положение. При глубокой религиозности народа в провинции нельзя было допускать оставления врагу даже останков царской династии, из которых немедленно были бы сфабрикованы духовенством «святые чудотворные мощи» — также неплохой флаг для армий адмирала Колчака.

Но была ещё одна причина, которая решила судьбу Романовых не так, как того хотел Владимир Ильич.

Относительно вольготная жизнь Романовых (особняк купца Ипатьева даже отдалённо не напоминал тюрьму) в столь тревожное время, когда враг был буквально у ворот города, вызывала понятное возмущение рабочих Екатеринбурга и его окрестностей. На собраниях и митингах на заводах Верх-Исетска рабочие прямо говорили:

«Чегой-то вы, большевики, с Николаем нянчитесь? Пора кончать, а то разнесём ваш Совет по щечочкам!» — такие настроения серьёзно затрудняли формирование частей Красной Армии, да и сама угроза расправы была нешуточной — рабочие были вооружены, и слово с делом у них не расходилось. Требовали немедленного расстрела Романовых и другие партии. Ещё в конце июня 1918 года члены Екатеринбургского Совета эсер Сакович и левый эсер Хотимский (позднее большевик-чекист, погиб в годы культа личности Сталина, посмертно реабилитирован) на заседании настаивали на скорейшей ликвидации Романовых и обвиняли большевиков в непоследовательности. Лидер же анархистов Жебенев кричал нам в Совете:

«Если вы не уничтожите Николая Кровавого, то это сделаем мы сами!»

Не имея санкции ВЦИКа на расстрел, мы не могли ничего сказать в ответ, а позиция оттягивания без объяснения причин ещё больше озлобляла рабочих. Дальше откладывать решение участи Романовых в военной обстановке означало ещё глубже подрывать доверие народа к нашей партии. Поэтому решить

наконец участь царской семьи в Екатеринбурге, Перми и Алапаевске (там жили братья царя) собралась именно большевистская часть областного Совета Урала. От нашего решения практически зависело, поведём ли мы рабочих на оборону города Екатеринбурга или поведут их анархисты и левые эсеры. Третьего пути не было.

Последние месяц-два к забору Дома особого назначения беспрерывно лезли какие-то «любопытные» — в основном тёмные личности, приехавшие, как правило, из Питера и Москвы. Они пытались передавать записки, продукты, слали письма по почте, которые мы перехватывали: во всех заверения преданности и предложение услуг. У нас, чекистов, создавалось впечатление, что в городе существует какая-то белогвардейская организации, упорно старающаяся войти в контакт с царём и царицей. Мы прекратили допуск в дом даже священников и монахинь, носивших продукты из ближайшего монастыря.

Но не только понаехавшие тайно в Екатеринбург монархисты рассчитывали при случае освободить пленного царя, — сама семья была готова к похищению в любой момент и не упускала ни одного случая связаться с волей. Екатеринбургские чекисты выяснили эту готовность довольно простым способом. Белобородовым, Войковым и чекистом Родзинским было составлено от имени русской офицерской организации письмо, в котором сообщалось о скором падении Екатеринбурга и предлагалось подготовиться к побегу ночью определённого дня. Записку, переведённую на французский язык Войковым и переписанную набело красными чернилами красивым почерком Исаия Родзинского, через одного из солдат охраны передали царице. Ответ не заставил себя ждать. Сочинили и послали второе письмо. Наблюдение за комнатами показало, что две или три ночи семья Романовых провела одетыми — готовность к побегу была полной. Юровский доложил об этом областному Совету Урала.

Обсудив все обстоятельства, мы принимаем решение: той же ночью нанести два удара: ликвидировать две монархические подпольные организации, могущие нанести удар в спину частям, обороняющим город, (на эту операцию выделяется чекист Исай Родзинский) и уничтожить царскую семью Романовых.

Яков Юровский предлагает сделать снисхождение для мальчика.

— Какого? Наследника? Я — против! — возражаю я.

— Да, нет, Михаил, кухонного мальчика Лёню Седнева нужно увести. Поварёнка-то за что... Он играл с Алексеем.

— А остальная прислуга? Мы с самого начала предлагали им покинуть Романовых. Часть ушла, а те, кто остался, заявили, что желают разделить участь монарха. Пусть и разделяют...

Постановили: спасти жизнь только Лёне Седневу. Затем стали думать, кого выделить на ликвидацию Романовых от Уральской областной Чрезвычайной комиссии. Белобородов спрашивает меня:

— Примешь участие?

— По указу Николая II я судился и сидел в тюрьме. Безусловно, приму.

— От Красной Армии ещё нужен представитель, — говорит Филипп Голощёкин. — Предлагаю Петра Захаровича Ермакова, военного комиссара Верх-Исетска.

— Принято. А от тебя, Яков, кто будет участвовать?

— Я и мой помощник Григорий Петрович Никулин, — отвечает Юровский.

Итак, четверо: Медведев, Ермаков, Никулин и я. Совещание закончилось. Юровский, Ермаков и я едем вместе в Дом особого назначения, поднялись на второй этаж в комендантскую комнату — здесь нас ждал Григорий Петрович Никулин (ныне персональный пенсионер, живёт в Москве). Закрыли дверь и долго сидели, не зная с чего начать. Нужно было как-то скрыть от Романовых, что их ведут на расстрел. Да и где расстреливать? Кроме того, нас всего четверо, а Романовых с лейб-медиком, поваром, лакеем и горничной — 11 человек!

Жарко, ничего не можем придумать. Может быть, когда уснут, забросать комнаты гранатами? Не годится — грохот на весь город, ещё подумают, что чехи ворвались в Екатеринбург. Юровский предложил второй вариант: зарезать всех кинжалами в постелях. Даже распределили, кому кого приканчивать. Ждём, когда уснут. Юровский несколько раз выходит к комнатам царя с царицей, великих княжон, прислуги, но все бодрствуют — кажется, они встревожены уводом поварёнка.

Перевалило за полночь, стало прохладнее. Наконец во всех комнатах царской семьи погас свет, видно, уснули. Юровский вернулся в комендантскую комнату и предложил третий вариант: посреди ночи разбудить Романовых и попросить их спуститься в комнату первого этажа под предлогом, что на дом го-

товится нападение анархистов и пули при перестрелке могут случайно залететь на второй этаж, где жили Романовы (царь с царицей и Алексеем — в угловой, а дочери — в соседней комнате с окнами на Вознесенский переулок). Реальной угрозы нападения анархистов в эту ночь уже не было, так как незадолго перед этим мы с Исаем Родзинским разогнали штаб анархистов в особняке инженера Железнова (бывшее коммерческое собрание) и разоружили анархистские дружины Петра Ивановича Жебенева.

Выбрали комнату в нижнем этаже рядом с кладовой: всего одно зарешёченное окно в сторону Вознесенского переулка (второе от угла дома), обычные полосатые обои, сводчатый потолок, тусклая электролампочка под потолком. Решаем поставить во дворе снаружи дома (двор образован внешним дополнительным забором со стороны проспекта и переулка) грузовик и перед расстрелом завести мотор, чтобы шумом заглушить выстрелы в комнате. Юровский уже предупредил наружную охрану, чтобы не беспокоились, если услышат выстрелы внутри дома, затем раздали наганы латышам внутренней охраны, — мы сочли разумным привлечь их к операции, чтобы не расстреливать одних членов семьи Романовых на глазах у других. Трое латышей отказались участвовать в расстреле. Начальник охраны Павел Спиридонович Медведев вернул их наганы в комендантскую комнату. В отряде осталось семь человек латышей.

Далеко за полночь Яков Михайлович проходит в комнаты доктора Боткина и царя, просит одеться, умыться и быть готовыми к спуску в полуподвальное укрытие. Примерно с час Романовы приводят себя в порядок после сна, наконец — около трёх часов ночи — они готовы. Юровский предлагает нам взять оставшиеся пять наганов. Пётр Ермаков берёт два нагана и засовывает их за пояс. По нагану берут Григорий Никулин и Павел Медведев. Я отказываюсь, так как у меня и так два пистолета: на поясе в кобуре американский «кольт», а за поясом бельгийский «браунинг» (оба исторических пистолета — «браунинг» № 389965 и «кольт» калибра 45, правительственная модель «С» № 78517 — я сохранил до сегодняшнего дня). Оставшийся револьвер берёт сначала Юровский (у него в кобуре десятизарядный «маузер»), но затем отдаёт его Ермакову, и тот затыкает себе за пояс третий наган. Все мы невольно улыбаемся, глядя на его воинственный вид.

Выходим на лестничную площадку второго этажа. Юровский уходит в царские покои, затем возвращается — следом за ним гуськом идут: Николай II (он несёт на руках Алексея; у мальчика несвёртывание крови, он ушиб где-то ногу и не может пока ходить сам; за царём идут, шурша юбками, затянутая в корсет царица, следом четыре дочери (из них в лицо я знаю только младшую полненькую Анастасию и — постарше — Татьяну, которую по кинжальному варианту Юровского поручали мне, пока я не выпорил себе от Ермакова самого царя), за девушками идут мужчины: доктор Боткин, повар, лакей, несёт белые подушки высокая горничная царицы. На лестничной площадке стоит чучело медведицы с двумя медвежатами. Почему-то все крестятся, проходя мимо чучела, перед спуском вниз. Вслед за процессией следуют по лестнице Павел Медведев, Гриша Никулин, семеро латышей (у двух из них за плечами винтовки с примкнутыми штыками), завершаем шествие мы с Ермаковым.

Когда все вошли в нижнюю комнату (в доме очень странное расположение ходов, поэтому нам пришлось сначала выйти во внутренний двор особняка, а затем опять войти в первый этаж), то оказалось, что комната очень маленькая. Юровский с Никулиным принесли три стула — последние троны приговорённой династии. На один из них, ближе к правой арке, на подушечку села царица, за ней стали три старшие дочери — Анастасия почему-то отошла к горничной, прислонившейся к косяку запертой двери в следующую комнату-кладовую. В середине комнаты поставили стул для наследника, правее сел на стул Николай II, за креслом Алексея встал доктор Боткин. Повар и лакей почтительно отошли к столбу арки в левом углу комнаты и стали у стенки. Свет лампочки настолько слаб, что стоящие у противоположной закрытой двери две женские фигуры временами кажутся силуэтами, и только в руках горничной отчётливо белеют две большие подушки.

Романовы совершенно спокойны — никаких подозрений. Николай II, царица и Боткин внимательно разглядывают меня с Ермаковым, как людей новых в этом доме.

Юровский отзывает Павла Медведева, и оба выходят в соседнюю комнату. Теперь слева от меня против царевича Алексея стоит Гриша Никулин, против меня — царь, справа от меня — Пётр Ермаков, за ним пустое пространство, где должен встать отряд латышей.

Стремительно входит Юровский и становится рядом со мной. Царь вопросительно смотрит на него. Слышу зычный голос Якова Михайловича:

— Попрошу всех встать!

Легко, по-военному встал Николай II, зло сверкнув глазами, нехотя поднялась со стула Александра Фёдоровна. В комнату вошёл и выстроился как раз против неё и дочерей отряд латышей: пять человек в первом ряду, и двое — с винтовками — во втором. Царица перекрестилась. Стало так тихо, что со двора через окно слышно, как тарахтит мотор грузовика.

Юровский на полшага выходит вперёд и обращается к царю:

— Николай Александрович! Попытки ваших единомышленников спасти вас не увенчались успехом! И вот, в тяжёлую годину для Советской республики... — Яков Михайлович повышает голос и рукой рубит воздух. — На нас возложена миссия покончить с Домом Романовых!

Женские крики:

— Боже мой! Ах! Ох! Что же это такое?!

— А вот что такое! — говорит Юровский, вынимая из кобуры «маузер».

— Так нас никуда не повезут? — спрашивает глухим голосом Боткин.

Юровский хочет ему что-то ответить, но я уже спускаю курок моего «браунинга» и всаживаю первую пулю в царя. Одновременно с моим вторым выстрелом раздаётся первый залп латышей и моих товарищей справа и слева. Юровский и Ермаков также стреляют в грудь Николая почти в упор. На моём пятом выстреле Николай II валится сном на спину. Женский визг и стоны, вижу, как падает Боткин, у стены оседает лакей и валится на колени повар. Белая подушка двинулась от двери в правый угол комнаты. В пороховом дыму от кричащей женской группы метнулась к закрытой двери женская фигура и тут же падает, сражённая выстрелами Ермакова, который палит уже из второго нагана. Слышно, как лязгают рикошетом пули от каменных столбов, летит известковая пыль. В комнате ничего не видно из-за дыма — стрельба идёт по еле видимым падающим силуэтам в правом углу. Затихли крики, но выстрелы ещё грохочут — Ермаков стреляет из третьего нагана. Слышим голос Юровского:

— Стой! Прекратить огонь!

Тишина. Звенит в ушах. Кого-то из красноармейцев ранило в палец руки и в шею — то ли рикошетом, то ли в пороховом тумане латыши из второго ряда из винтовок обожгли пулями. Редает пелена дыма и пыли. Яков Михайлович предлагает мне с Ермаковым, как представителям ЧК и Красной Армии, засвидетельствовать смерть каждого члена царской семьи. Вдруг из правого угла комнаты, где зашевелилась подушка, женский радостный крик:

— Слава Богу! Меня Бог спас!

Шатаясь, поднимается уцелевшая горничная — она прикрывалась подушками, в пуху которых увязли пули. У латышей уже расстреляны все патроны, тогда двое с винтовками подходят к ней через лежащие тела и штыками прикалывают горничную. От её предсмертного крика очнулся и часто застонал легко раненный Алексей — он лежит на стуле. К нему подходит Юровский и выпускает три последние пули из своего «маузера». Парень затих и медленно спускается на пол к ногам отца. Мы с Ермаковым щупаем пульс у Николая — он весь изрешечён пулями, мёртв. Осматриваем остальных и достреливаем из «кольта» и ермаковского нагана ещё живых Татьяну и Анастасию. Теперь все бездыханны.

К Юровскому подходит начальник охраны Павел Спиридонович Медведев и докладывает, что выстрелы были слышны во дворе дома. Он привёл красноармейцев внутренней охраны для переноски трупов и одеяла, на которых можно переносить до автомашины. Яков Михайлович поручает мне проследить за переносом трупов и погрузкой в автомобиль. Первого на одеяло укладываем лежащего в луже крови Николая II. Красноармейцы выносят останки императора во двор. Я иду за ними. В проходной вижу Павла Медведева — он смертельно бледен и его рвёт, спрашиваю, ранен ли он, но Павел молчит и машет рукой.

Около грузовика встречаю Филиппа Голощёкина.

— Ты где был? — спрашиваю его.

— Гулял по площади. Слушал выстрелы. Было слышно. — Нагнулся над царём. — Конец, говоришь, династия Романовых?!

Да... Красноармеец принёс на штыке комнатную собачонку Анастасии, когда мы шли мимо двери (на лестницу во второй этаж) из-за створок раздался последний жалобный вой — последний салют императору всероссийскому. Труп пёсика бросили рядом с царским.

— Собакам — собачья смерть! — презрительно сказал Голощёкин.

Я попросил Филиппа и шофёра постоять у машины, пока будут носить трупы. Кто-то приволок рулон солдатского сукна, одним концом расстелили его на опилки в кузове грузовика — на сукно начали укладывать расстрелянных.

Сопровождаю каждый труп: теперь уже сообразили из двух толстых палок и одеял связать какое-то подобие носилок. Замечаю, что в комнате во время укладки красноармейцы снимают с трупов кольца, брошки и прячут их в карманы. После того, как все уложены в кузов, советую Юровскому обыскать носильщиков.

— Сделаем проще, — говорит он и приказывает всем подняться на второй этаж к комендантской комнате. Выстраивает красноармейцев и говорит. — Предлагаю выложить на стол из карманов все драгоценности, снятые с Романовых. На размышление — полминуты. Затем обыщу каждого, у кого найду — расстрел на месте! Мародёрства я не допущу. Поняли все?

— Да мы просто так — взяли на память о событии, — смущённо шумят красногвардейцы. — Чтобы не пропало.

На столе в минуту вырастает горка золотых вещей, бриллиантовые брошки, жемчужные ожерелья, обручальные кольца, алмазные булавки, золотые карманные часы Николая II и доктора Боткина и другие предметы.

Солдаты ушли мыть полы в нижней комнате и смежной с ней.

Спускаюсь к грузовику, ещё раз пересчитываю трупы — все одиннадцать на месте — закрываю их свободным концом сукна. Ермаков садится к шофёру, в кузов залезает несколько человек из охраны с винтовками. Машина трогается с места, выезжает за досчатые ворота внешнего забора, поворачивает направо и по Вознесенскому переулку через спящий город везёт останки Романовых за город.

За Верх-Исетском в нескольких верстах от деревни Коптяки машина остановилась на большой поляне, на которой чернели какие-то заросшие ямы. Развели костёр, чтобы согреться, — ехавшие в кузове грузовика продрогли. Затем стали по очереди переносить трупы к заброшенной шахте, срывать с них одежду. Ермаков выслал красноармейцев на дорогу, чтобы никого не пропускали из близлежащей деревни. На верёвках

спустили расстрелянных в ствол шахты — сначала Романовых, затем прислугу. Уже выглянуло солнце, когда стали бросать в костёр окровавленную одежду... Вдруг из одного из дамских лифчиков брызнул алмазный ручеёк. Затаптали костёр, стали выбирать драгоценности из золы и с земли. Ещё в двух лифчиках в подкладке нашли зашитые бриллианты, жемчуг, какие-то цветные драгоценные камни.

На дороге затарахтела машина. Подъехал Юровский с Голощёкиным на легковой машине. Заглянули в шахту. Сначала хотели засыпать трупы песком, но затем Юровский сказал, что пусть утонут в воде на дне — всё равно никто не будет их искать здесь, так как это район заброшенных шахт и стволов здесь много. На всякий случай решили обрушить верхнюю часть клетки (Юровский привёз ящик гранат), но потом раздумали: взрывы будут слышны в деревне, да и свежие разрушения заметны. Просто закидали шахту старыми ветками, сучьями, найденными неподалёку, гнилыми досками. Грузовик Ермакова и автомобиль Юровского тронулись в обратный путь. Был жаркий день, все измучены до предела, с трудом боролись со сном, почти сутки никто ничего не ел.

На следующий день — 18 июля 1918 года — в Уральскую областную ЧК поступили сведения, что весь Верх-Исетск только и говорит о расстреле Николая II и о том, что трупы брошены в заброшенные шахты около деревни Коптяки. Вот-те и конспирация! Не иначе, как кто-то из участников захоронения рассказал под секретом жене, та — кумушке, и пошло по всему уезду.

Вызвали на коллегия ЧК Юровского. Постановили: этой же ночью отправить автомобиль с Юровским и Ермаковым к шахте, вытащить все трупы и сжечь. От Уральской областной ЧК на операцию назначили моего друга члена коллегии Исаю Иделевича Родзинского.

Итак, наступила ночь с 18 на 19 июля 1918 года. В полночь грузовик с чекистами Родзинским, Юровским, Ермаковым, матросом Вагановым, матросами и красноармейцами (всего человек шесть или семь) выехал в район заброшенных шахт. В кузове стояли бочки с бензином и ящики с концентрированной серной кислотой в бутылках для обезображивания трупов.

Всё, что я расскажу об операции повторного захоронения, я говорю со слов моих друзей: покойного Якова Юровского и ныне здравствующего Исаю Родзинского, подробные вос-

поминания которого должны быть непременно записаны для истории, так как Исай единственный человек, оставшийся в живых из участников этой операции, кто может опознать место, где похоронены останки Романовых. Также необходимо записать воспоминания моего друга Григория Петровича Никулина, знающего подробности ликвидации великих князей в Алапаевске и великого князя Михаила Александровича Романова — в Перми.

Подъехали к шахте, спустили на верёвках двух матросов — Ваганова и ещё одного на дно шахтного ствола, где была небольшая площадка-уступ. Когда все расстрелянные были вытаснены верёвками за ноги из воды на поверхность и уложены рядом на траве, а чекисты присели отдохнуть, то стало ясным, насколько легкомысленным было первое захоронение. Перед нами лежали готовые «чудотворные мощи»: ледяная вода шахты не только начисто смыла кровь, но и заморозила тела настолько, что они выглядели словно живые — на лицах царя, девушек и женщин даже проступил румянец. Несомненно, Романовы могли в таком отличном состоянии сохраниться в шахтном холодильнике не один месяц, а до падения Екатеринбурга, напоминая, оставались считанные дни.

Начинало светать. По дороге из деревни Коптяки потянулись телеги на верх-исетский базар. Высланные заставы из красноармейцев перекрыли дорогу с обоих концов, объясняя крестьянам, что проезд временно закрыт, так как из тюрьмы сбежали преступники, район этот оцеплен войсками и производится прочёсывание леса. Подводы заворачивали назад.

Готового плана перезахоронения у ребят не было, куда везти трупы, никто не знал, где их спрятать — также. Поэтому решили попробовать сжечь хотя бы часть расстрелянных, чтобы число их было меньше одиннадцати.

Отобрали тела Николая II, Алексея, царицы, доктора Боткина, облили их бензином и подожгли. Замороженные трупы дымилась, смердели, шипели, но никак не горели. Тогда решили останки Романовых где-нибудь закопать.

Сложили в кузов грузовика все одиннадцать тел (из них четыре обгорелых), выехали на коптяковскую дорогу и повернули в сторону Верх-Исетска. Недалеко от переезда (по-видимому, через Горно-Уральскую железную дорогу, — на карте место уточнить у И.И. Родзинского) в болотистой низине

машина забуксовала в грязи — ни вперёд, ни назад. Сколько ни бились — ни с места. От домика железнодорожного сторожа на переезде принесли доски и с трудом вытолкнули грузовик из образовавшейся болотистой ямы. И вдруг кому-то (Я.М. Юровский говорил мне в 1933 г., что — Родзинскому) пришла мысль: а ведь эта яма на самой дороге — идеальная тайная братская могила для последних Романовых!

Углубили яму лопатами до чёрной торфяной воды. Туда — в болотистую трясиину — спустили трупы, залили их серной кислотой, забросали землёй. Грузовик от переезда привёз с десятков старых пропитанных железнодорожных шпал — сделали из них над ямой настил, проехали по нему несколько раз на машине. Шпалы немного вдавились в землю, запачкались, будто бы они и всегда здесь лежали.

Так в случайной болотистой яме нашли достойное упокоение последние члены царской династии Романовых, династии, которая тиранила Россию триста пять лет!

Новая революционная власть не сделала исключения для коронованных разбойников земли Русской: они похоронены так, как издревле хоронили на Руси разбойников с большой дороги — без креста и надгробного камня, чтобы не останавливала взгляд идущих по этой дороге к новой жизни.

В тот же день через Пермь выехали в Москву к В.И. Ленину и Я.М. Свердлову с докладом о ликвидации Романовых Я.М. Юровский и Г.П. Никулин. Кроме мешка бриллиантов и прочих драгоценностей, они везли все найденные в доме Ипатьева дневники и переписку царской семьи, фотоальбомы пребывания царской семьи в Тобольске (царь был страстный фотолюбитель), а также два письма красными чернилами, которые были составлены Белобородовым и Войковым для выяснения настроений царской семьи.

По мысли Белобородова, теперь эти два документа должны были доказать ВЦИК существование офицерской организации, поставившей целью похищение царской семьи. Александр опасался, что В.И. Ленин привлечёт его к ответственности за самоуправство с расстрелом Романовых без санкции ВЦИКа.

Кроме того, Юровский и Никулин должны были лично рассказать Я.М. Свердлову обстановку в Екатеринбурге и те обстоятельства, которые вынудили Уральский областной Совет принять решение о ликвидации Романовых.

Одновременно Белобородов, Сафаров и Голощёкин решили объявить о расстреле только одного Николая, прибавив, что семья увезена и спрятана в надлежащем месте.

Вечером 20 июля 1918 года видел Белобородова, и он рассказал мне, что получил телеграмму от Я.М. Свердловца:

«Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет в заседании 18 июля постановил: считать решение Уральского областного Совета о ликвидации Романовых правильным».

Мы обнялись с Александром и поздравили друг друга, — значит, в Москве поняли сложность обстановки, следовательно, Ленин одобрил наши действия. В тот же вечер Филипп Голощёкин впервые публично объявил на заседании областного Совета Урала о расстреле Николая II. Ликованию слушателей не было конца, у рабочих поднялось настроение.

Через день или два в екатеринбургских газетах появилось сообщение, что Николай расстрелян по приговору народа, а царская семья вывезена из города и укрыта в надёжном месте. Я не знаю истинных целей такого манёвра Белобородова, но предполагаю, что областной Совет Урала не хотел сообщать населению города о расстреле женщин и детей. Возможно, были и какие-то другие соображения, но ни мне, ни Юровскому (с которым я часто встречался в Москве в начале 1930-х годов, и мы с ним много говорили о романовской истории) они не были известны. Так или иначе, это заведомо ложное сообщение в печати породило в народе живущие по сей день слухи о спасении царских детей, бегстве за границу дочери царя Анастасии и прочие легенды.

Так закончилась секретная операция по избавлению России от династии Романовых. Она прошла настолько успешно, что донныне не раскрыта ни тайна дома Ипатьева, ни место захоронения царской семьи.

Декабрь 1963

Ф. 558. Оп. 3. Д. 12. Л. 1-58. Подлинник

Леонид Воронин

Сколько жизней прожил я? Разве что память подсказет, как в стихах поэта:

Память, ты рукою великанши
Жизнь ведёшь, как под уздцы коня,
Ты расскажешь мне о тех, что раньше
В этом теле жили до меня.

Но не буду вглядываться в тех, кто жил до меня, предшествовал мне, сегодняшнему, — в лица школьного учителя, журналиста, книжного редактора...

Наверное, интереснее проследить, как созрел интерес к герою моей нынешней работы — последнему белогвардейскому Главнокомандующему — генералу Врангелю. Врагу? Или вызывающему симпатию мужественному человеку?

И вот первая ступенька такого интереса: давний 1956 год, когда вышел фильм Григория Чухрая

Ныне
отпущаеши...

«Сорок первый» (по рассказу Бориса Лавренёва) — и на экране появился Олег Стриженов в облике ироничного, бесстрашного белогвардейца — гвардии поручика Говорухи-Отрока. Такого привлекательного, обаятельного, что захотелось самому примерить его белогвардейский мундир.

А совсем недавно узнал, что автор рассказа «Сорок первый» Борис Лавренёв в Гражданскую войну поначалу был офицером Добровольческой армии, а уж потом перешёл в Красную. Быть может, потому и оказался таким привлекательным герой его рассказа.

Говоруха-Отрок, сообщает рассказчик «Сорок первого», «уполномочен правительством верховного правителя России адмирала Колчака представлять особу его при Закаспийском правительстве генерала Деникина».

А ведь здесь — ниточка к генералу Врангелю, который сменил Деникина на посту Главнокомандующего Белой русской армией.

И новая, уже не литературная ступенька. В доме моей давней знакомой, самых что ни на есть голубых кровей, приблизился к Врангелю и врангелевцам. Помню первую страницу газеты «Одесский листок» 1912 или 1913 года (ещё до Первой мировой войны) и на ней крупная фотография её родственника — красивого гусара на фоне его скульптурной работы. Так и запомнилось: гусар-скульптор. И его автограф — надпись над газетной фотографией тёмными, не выцветшими (словно бы не подвластными времени) чернилами: «Ура! Я еду в Петербург!»

И комментарий моей знакомой: судьба этого гусара-скульптора невнятна, расплывается в дымке времени. В Гражданскую был в рядах белых, вместе с врангелевцами защищал Крым. Погиб там? Или оказался в эмиграции? Никаких вестей...

И вот уже сегодняшнее время, высвечивающее в панораме прожитого сокровенное и прежде утаённое...

Удивительная судьба у этого произведения — «Патетической оратории» Георгия Васильевича Свиридова (1915–1998). Широко известное в советское время, отмеченное высшей премией тех лет — Ленинской, оно замалчивалось уже в иные, постсоветские годы. И снова заставляет говорить о себе в наши, 2000-е — пусть с приглядками и с оговорками.

А как обойтись без них, когда в прямом соседстве с воинственным атеизмом революционных маршей звучат в свиридовской оратории молитвы за уходящую Россию?

В самом деле, странное соседство, и его надо как-то объяснить. И вот как объясняли в декабре 2000-го на страницах «Известий»:

«Патетическая оратория» — произведение редкостно талантливое и непростое: Свиридову удалось протащить туда и образ Врангеля, написанный весьма сочувственно, и православную молитву...»*

Слово-то какое: «протащить»! Будто с оглядкой, исподтишка... Прямо как обвинение на некоем суде истории. Хотя и с оговоркой: «произведение непростое». Но всё равно, как ни относиться, — обвинение.

И не обойтись без суда истории, на котором слово своё скажет сам автор — композитор Георгий Свиридов. Выступит первый исполнитель «Патетической» — «золотой бас России» Александр Ведерников, с которым я встретился и обстоятельно побеседовал.

Инеожиданный свидетель защиты — Марина Цветаева. С неё как раз и стоило бы начать. С её работы (начала 1930-х годов), заглавием которой стала ёмкая, настойчиво полемическая

* *Поспелов Пётр.* Саду цвеств. Юбилейные концерты федосеевского оркестра вернули к жизни Патетическую ораторию Свиридова. // Известия. 2000. 19 декабря.

и потому накрепко запоминающаяся формула — «Искусство при свете совести». Её вдохновенно вывела Марина Цветаева, размышляя о «состоянии творчества», его уроках в поэзии, сразу же пояснив: «речь моя обращена исключительно к тем, для кого Бог — грех — святость — есть».

Сколько же неожиданного открыла для меня Цветаева. И среди этих неожиданностей — её взгляд на Маяковского, автора поэмы «Хорошо!», точнее — фрагмента о Врангеле:

Вот Маяковский поэт в себе не превозмог, и получился революционнейшим из поэтов воздвигнутый памятник добровольческому вождю. <...> Нельзя не отметить лукавства тех или иных сил, выбирающих себе глашатая именно из врагов. Нужно же, чтобы тот последний Крым был дан — именно Маяковским!

* * *

Но что было — то было. В самом начале 60-х годов появилась у меня пластинка, вложенная в конверт с изображением памятника Маяковскому. Это была не очередная запись с чтением его стихов. Нет, музыкальное произведение на его стихи — «Патетическая оратория» Георгия Васильевича Свиридова.

Я слушал её с каким-то необыкновенным, проникающим в глубь услышанного вниманием, и прежде всего — вторую часть Оратории — «Рассказ о бегстве генерала Врангеля». Она поразила меня, заставила вновь и вновь ставить пластинку на проигрыватель и слушать, вслушиваться... Звучит церковный хор — поначалу как бы издали, глухо, так что не всегда различаешь слова молитвы. Но важнее всего для меня было само звучание церковного хора. Это в те времена, когда Никита Хрущёв, тогдашний глава государства, не устал заявлять: «Мы продолжаем быть атеистами». И пояснял в том самом 1959 году, когда «Патетическая» была завершена и вышла к слушателям: «...Распространение научных знаний и изучение законов природы не оставят места для веры в Бога». О каком Боге могла идти речь, когда вот-вот будет построен рай на земле — коммунизм, о скором приближении которого говорил тогда Хрущёв, и при этом обещал: «Через двадцать лет я покажу вам по телевизору последнего советского попа!»

Мог ли автор «Патетической» всерьёз относиться к таким безапелляционным заявлениям? Конечно же, нет. Хотя текстом для либретто в его оратории стали стихи «агитатора, горлана-главаря», который совсем в духе той эпохи представлял как поэт-безбожник.

Безбожник? Но не Маяковский ли в поэме «Про это» (1923) глядывался в приближающегося человека и видел в нём Спасителя: «Вид Иисуса. Спокойный и добрый, венчанный в луне». Даже не верится, что эти добрые строки вырвались у поэта, уже написавшего сатирическую «Мистерию-буфф». Нет, всё не так просто.

Маяковский, замечает Свиридов в одной из дневниковых записей, — «сложная и очень противоречивая фигура». Вот именно: противоречивая. Свиридов хорошо понимал это. И писал ораторию на стихи Маяковского — вспомним Цветаеву — при свете совести. Подтверждение тому — признание композитора:

В «Патетической оратории» я хотел выразить *сокровенное* тех людей, кто воспринимал Революцию как истинное обновление мира. Маяковский был одним из таких людей, но я не имел в виду именно его, и герой моего сочинения Поэт — личность собирательная, идеальная.

Это — не публичное оправдание автора оратории, а его объяснение самому себе — в дневниковой записи, сделанной в январе 1972 года. Записи не для какого-то интервью или официального выступления, а для себя. Как всё, что он писал в своём дневнике.

Недаром же возвращается он в дневнике к впечатлениям детства, вспоминая о том, какое «сильное впечатление производила» на него «вся церковная служба, храм, всегдашняя чистота его, запах воска и ладана, благовоние кадила... картины на стенах, высота храма, лики святых. Пение хора входило составной частью в службу, довершая необычность обстановки, возвышенность и значительность происходящего».

С юных лет проникся Свиридов глубоким религиозным чувством и пронёс его сквозь всю жизнь, выверяя им всё пережитое, всё, что тревожило и порождало сомнения.

Вот одна из дневниковых заметок композитора (конца 1970-х):

Революция — выражение атеизма. Правда, Блок в конце своей поэмы («Двенадцать») даёт Христа, идущего впереди, но революционеры его не видят и даже не подозревают о нём. Увидят ли его будущие люди и примут ли?» —

вопрос, возникающий у Свиридова в те, уже отдалённые, атеистические времена. И тем примечательнее его признание в дневнике, когда он скажет о «Патетической оратории»: «Это сочинение было для меня спасением, иначе не назову».

Именно спасением, потому что оно помогло ему передать то духовное состояние, когда, по слову поэта, «приближается звук. И, покорна щемящему звуку, молодеет душа». Молодеет, обретает творческое бесстрашие, которое и помогло автору «Патетической» выразить сокровенное в своём восприятии мира.

С особой выразительностью, искренностью оно как раз и прорвалось во Второй части Оратории — в рассказе о Врангеле...

Вслушиваюсь в начало Второй части оратории и вздрагиваю, когда в звучание церковного хора врывается напряжённый и взволнованный голос рассказчика. Его речитатив передаёт свидетельство очевидца, и сам рассказчик преобразается в свидетеля происходящего. Поразительно умение исполнителя донести до слушателей текст поэта в его драматической напряжённости.

Всё это сохранила грамзапись. Сколько же десятилетий прошло?! Но наперекор времени, прорываясь сквозь время, всё так же звучит для меня этот «Рассказ о Врангеле», а рассказчик в нём — знаменитый бас Александр Ведерников.

И вот моя встреча с ним, многое проясняющая и потому принципиально важная.

Он открыл мне дверь, и я сразу узнал его: в лице — что-то неуловимо шалопинское, волосы седоватой волной... Вот он, известный солист Большого театра, «золотой бас России».

Георгий Свиридов и Александр Ведерников. 1970-е годы.

Давний, близкий друг Георгия Свиридова, он проникся замыслом его «Патетической оратории», стал её главным, ведущим исполнителем и потому, как никто другой, может рассказать сегодня о её сценической жизни.

Прежде чем встретиться с Александром Филипповичем Ведерниковым, я прочёл его воспоминания о Георгии Свиридове и вот что заметил: в их отношениях и разговорах звучит всё время взаимное «ты».

* * *

Леонид Воронин: Александр Филиппович, невольно возникает вопрос: когда из ваших разговоров с Георгием Васильевичем «вы» было вытеснено дружеским «ты»?

Александр Ведерников: Я бы не сказал, что переход с «вы» на «ты» в наших разговорах со Свиридовым произошёл сразу же. В первую нашу встречу, разумеется, было «вы». Но, конечно, Георгий Васильевич был старше меня и в дальнейшем всё время обращался ко мне на «ты»: Сандро, Сашка... А потом всё больше сближались, узнавали друг друга, и пришло это взаимное, дружеское «ты».

Леонид Воронин: А каковы ваши впечатления от первой встречи со Свиридовым?

Александр Ведефников: В первый раз я встретился с его музыкой в его цикле «Страна отцов» на слова Аветика Исаакяна. Он не любил говорить «на стихи» — нет, именно «на слова». Поначалу для меня было довольно трудно освоить эту музыку. Но я преодолел трудности, и язык «Страны отцов» стал как бы моим: в нём была органичность, было очень много от нашего национального музыкального языка.

И вот я решился показать сделанное автору. Георгий Васильевич любезно меня встретил, провёл в комнату, где стоял рояль, и я стал петь. И он слушал, слушал. И не стал говорить о своей музыке, а перешёл на другую тему: а что я вообще пою? Каков мой репертуар? Очень оживился, когда узнал, что пою много русской классической музыки — Мусоргского, Бородина, Даргомыжского...

— А что Мусоргского? — спрашивает он.

Я не помню точно, что назвал: «Забытый» или «Калистрат».

— Ну-ка, ну-ка, давайте!

И не стал искать нот, сел за рояль. И играет точно: я же слышу, что он играет точно. Потом он попросил что-нибудь из Бородина — я спел «Для берегов отчизны дальней» и «Отравой полны мои песни». Он тоже без нот сыграл всё это. Потом Даргомыжского мы спели — «Я помню глубоко...» и ещё что-то. Меня потрясло, что знает всё это наизусть — память фантастическая, и играл он легко, вдохновенно, не испытывая ни малейших затруднений.

В тот день мы очень много говорили с ним не только о музыке, но и о нашей истории: о Гражданской войне, о революции... Меня поразило, что его познания по истории были грандиозные. Мне очень близкими показались его отношения к тем или иным событиям и его взгляды на развитие русской музыки.

В общем-то как-то сразу получилось, что у нас с ним совпали позиции творческие и вкусовые.

Его познание людей, чутьё на людей было у него колоссальное.

Я сейчас не помню, когда он это сказал своей жене Эльзе Густавовне, которая была на кухне. Но этот его возглас во время первой нашей встречи врезался в мою память:

— Вот, наконец, видишь, Эличка, слышишь, видишь. Сколько я искал и, наконец, нашёл себе исполнителя — того, о котором я мечтал.

И в тот день, после этой встречи, я пришёл к друзьям и сказал:

— Ребята, я сегодня встречался с гением!

Они меня подняли тогда на смех, недоверие было у них. Но это правда: гений виден на расстоянии. Это сразу было видно, что он — гений. Он обладал яркой индивидуальностью.

И его внешность: эта голова колоссальная — голова древнеримского сенатора. Я постарался передать эту внешность на портретах Свиридова. Вот один из них.

(Александр Филиппович показывает на стену, где висит одна из его картин-портретов. Я увидел её ещё перед нашей беседой. А теперь вглядываюсь и вижу: на заснеженной равнине стоит Свиридов, опираясь на палку, задумчивый, сосредоточенный. Быть может, в тот момент, когда возникает замысел нового музыкального произведения.)

Александр Ведерников:

— Ты единственный художник, который пишет меня похожим, — говорил он мне.

Но это естественно: ведь я его хорошо знал.

Пара портретов пропала (не знаю, где они). Но вот сейчас я пишу тройной портрет. На этом портрете Свиридов сидит за роялем, я пою, стою сзади, а на переднем плане художник Геннадий Сидорович Мосин из Свердловска (нынешнего Екатеринбурга), который его рисовал, писал и который создал его гениальный скульптурный портрет: из мрамора высек его голову.

Он живописец, но этот скульптурный портрет Свиридова — потрясающая работа (она в каком-то музее где-то на Урале). У Мосина чувствуется: гудит от мыслей эта голова гения. Такое трудно передать словами, но чувствуется, что миры в этой голове.

Именно такой человек, такой композитор мог осуществить поистине панорамный замысел «Патетической оратории».

Леонид Воронин: А теперь о вашем участии в «Патетической оратории».

(Задаю этот вопрос, потому что убеждён: суждения Александра Ведерникова о музыкальном произведении, в которое

он вжился и исполнил, обладают не только глубиной восприятия, но и уникальным умением распознать и передать замысел композитора. Подтверждение этому — слова самого Георгия Свиридова: для Ведерникова «петь — значит раскрывать самую суть музыкального образа».)

Александр Ведерников: У меня есть ноты «Патетической», которые дал мне Свиридов, чтобы я учил...

Поначалу он думал, что текст во второй части его Оратории должен читать чтец. Из филармонии был приглашён чтец, который под эту музыку читал текст, это было именно чтение. А петь в этой части «Патетической» должен был баритон.

И на репетиции в Большом зале консерватории — уже с оркестром (дирижировал Натан Рахлин) — чтец не укладывался в положенное время, не укладывался в этот ритм. Это было настолько невнятно, что было очевидно: чтец не понимал пафоса произведения. Он читал вроде бы неплохо. Но самое-то главное: он не укладывался в музыкальную ткань, которая обрамляла его чтение. Оркестр закончил фразу, а он продолжает. Или наоборот — он уже дочитал стихи, а оркестр продолжает играть.

Да и баритон проявлял себя не лучшим образом: тоже всё время ошибался.

И на репетиции, когда она кончилась, я Георгию Васильевичу сказал:

— Юра дорогой, давай я это прочитаю и спою за баритона, чтобы всё было едино.

То есть спою те части, которые предназначены были для баритона, и не хуже, чем этот чтец, продекламирую и спою, чтобы было это в едином ключе, в патетике всей вещи. А чтец фактически разрушал единство этой ткани.

Свиридов очень усомнился, очень усомнился:

— Сандро, ты очень много на себя берёшь. Такого не может быть, чтобы и чтец ты был, и пел за баритона.

Я говорю:

— Давай попробуем. Ну, что тебе стоит? А на следующей репетиции я тебе продемонстрирую.

После колебаний Свиридов согласился:

— Ну, попробуй, на тебе ноты...

И на следующей репетиции я ему продемонстрировал всё это. В моём ощущении это нужно было, чтобы вещь не разваливалась, должна была звучать как бы в едином порыве. Он по-

чувствовал, что в моём ощущении есть правда. И когда я это исполнил и прочитал, сказал:

– Будь так!

Он с этим согласился. Так что в окончательной редакции «Патетическая оратория» осталась в изменённом виде – для баса с хором и оркестром.

Леонид Воронин: Вы фактически скорректировали всё это!

Александр Ведерников: Нет, так нельзя сказать. Он поначалу думал, что это не в моих возможностях. А потом убедился и принял решение.

Леонид Воронин: Вы стали главным исполнителем этого произведения. Из семи частей свиридовской оратории – в пяти слышим мы вас: «Марш», «Рассказ о бегстве Врангеля», «Наша земля», «Разговор с товарищем Лениным», «Солнце и поэт». Третью часть («Героям Перекопской битвы») исполняет хор, а пятую («Здесь будет город-сад») – меццо-сопрано. Из семи – пять частей... Так что именно с вашим именем связано звучание «Патетической».

Александр Ведерников: Ну, да. Так ведь Свиридов сам об этом говорил. В интервью, данном музыковеду Андрею Андреевичу Золотову, он сказал обо мне: «Я даже не могу представить в „Патетической“ другого исполнителя». На всех важнейших представлениях «Патетической оратории» он просто настаивал, чтобы был я как первый исполнитель.

Много басов пело в «Патетической», но им в общем-то не хватало этой патетики, этого ощущения революции.

Я приведу вам такой пример. Я был в Ираке в 1959 году, когда там отмечалась первая годовщина иракской революции, провозгласившей страну республикой. Мы были на революционном праздновании в Багдаде, и я увидел, что такое революция.

Лидером иракской революция был генерал Абдель Керим Касем. Когда он ехал на машине (нашем ЗИЛе), громадной машине, народ был в экстазе. Женщины поднимались на бензиновые бочки и срывали паранджи, выкрикивали какие-то лозунги. Люди, приветствовавшие Керима Касема, подняли его машину (гигантскую машину – несколько тонн), они подняли его машину и понесли её. Мы были в центре города, с балкона смотрели. У меня волосы дыбом встали.

Так вот, этот революционный порыв, этот момент патетики очень трудно себе представить.

Революция объединяет в себе чувства патетики и трагедийности: ведь ей принесены многие миллионы жертв. Это должно быть какое-то внутреннее чувство. Не то чтобы понимать — понимать можно. Но трудно вызвать в себе этот патетический крик.

Леонид Воронин: И вот ещё о чём хотелось бы поразмышлять: попробуем поглядеть сегодняшним взглядом на ту давнюю, десятилетиями мифологизированную историю.

Название второй части оратории — «Рассказ о бегстве генерала Врангеля». Это заглавие — изнутри того, уже давнего советского времени.

(Здесь, на мой взгляд, стоит отойти от музыкальной темы нашего разговора и сделать небольшое историческое отступление, чтобы представить реальную картину последнего сражения Гражданской войны.

Вот достоверные исторические факты, узнать о которых в прежние годы можно было лишь проникнув в хранилища спецхранов.

Одна из «единиц» такого хранения — книга репрессированного советского военного историка Н.Е. Какурина «Стратегический очерк гражданской войны» (М.-Л.: Воениздат, 1926). Обращаясь к последней странице Гражданской войны — битве за Крым, Н.Е. Какурин отмечает, что «соотношение сил» защитников Крыма и Красной армии складывалось всё более в пользу красных:

...За стратегией Красной армии обеспечивался свыше чем шестерной перевес над противником. <...>

Противник начал быстро отходить к портам посадки. Предстояло организовать быстрое его преследование; однако войска VI армии на 12 ноября получили днёвку. <...>

Несмотря на быстроту дальнейшего преследования, отступающим войскам Врангеля удалось уже значительно оторваться от Красной армии, и когда 15 ноября авангарды VI армии вступили в Севастополь, они застали там уже местный ревком, так как последние суда противника ушли из него 14 ноября.

А вот слова Врангеля, покидающего Крым (они приведены в его воспоминаниях):

Мы идём на чужбину, идём не как нищие с протянутой рукой, а с высоко поднятой головой, в сознании выполненного до конца долга.

И разве можно после этого говорить о бегстве? В этом слове что-то унижающее. Может, точнее говорить о вынужденном уходе, исходе.)

Но вернёмся к основной теме нашего разговора — к «Рассказу о Врангеле» в контексте всей «Патетической оратории».

Александр Ведерников. Здесь, наверное, уместно вспомнить слова самого Георгия Васильевича Свиридова о замысле «Патетической»: «Я старался не только сказать о революции как о конкретном событии, но и отразить смысл революционной эпохи». А смысл эпохи в музыкальном произведении передаётся символически музыкальных образов. О такой символичности и надо помнить, когда мы воспринимаем мир свиридовской оратории.

Вот первая часть «Патетической» — марш победителей, разрушающих старый мир «до основания»: «Довольно жить законом, / данным Адамом и Евой». А уже вторая часть — «Рассказ о Врангеле», вслед за которой — хор, провозглашающий славу «Героям Перекопской битвы» (это — третья часть).

Как в этом контексте всей «Патетической» воспринимать рассказ о Врангеле, *музыкальный* рассказ — в его символическом смысле? Разумеется, как крушение, катастрофу старого мира. И Врангель становится *символом* этой катастрофы.

Вот почему выкрик Поэта вслед уходящим белогвардейцам (а он неоднократно звучит в тексте музыкального рассказа): «Бегут!» — определяет название второй части: «Рассказ о бегстве Врангеля».

Леонид Воронин: Конечно, в этом есть резон. Но самое время вспомнить уже упоминавшийся отзыв «Известий» в декабре 2000 года, где впрямую замечалось, что «образ Врангеля» в «Патетической оратории» написан Свиридовым «весьма сочувственно». И ещё один отзыв, когда в 2007 году на сцене Большого зала консерватории вновь прозвучала «Патетическая» Свиридова. А дирижёром был сын её первого исполнителя — Александр Александрович Ведерников.

И вот привлёкший меня журналистский отклик на это новое исполнение. Отклик не дежурный, а искренний, увлечённый. Отмечены «неоднозначность и многоуровневость»

свиридовской музыки. И здесь же выделен «Рассказ о Врангеле», где «композитор позволил себе несколько сочувственных и щемящих тактов».

Такое сочувствие отвечает моему восприятию этого свиридовского рассказа сегодня, когда я знаю реальные исторические факты. А они заставляют по-новому взглянуть на последнего «добровольческого вождя». И слава Богу, что это сочувствие отразилось в музыке Свиридова.

Вторая, *врангелевская* часть Оратории (пусть даже здесь наложился миф) поражает своей неоднозначностью и звучит для меня с большей трагедийностью. Но ведь эта трагедийность возвеличила Врангеля.

Александр Ведерников: Бесспорно — возвеличила! Врангель показан в «Патетической оратории» как жертва, жертва ради России. Он прощается с Россией.

Леонид Воронин: А прощание это, вообще всё действие второй части Оратории Свиридова происходит на фоне церковного хора.

Александр Ведерников: Да, это великое прозрение художника Свиридова как гения, что вместе со старой Россией уходит гигантская церковная культура, уходит православие (это действительно так и было). Старая Россия, духовно богатая, верная заветам православия, уходит вместе с последним её защитником — Врангелем. Уходит, потому что большевики боролись всеми средствами, силами за то, чтобы выжить, чтобы поклонение было коммунистам, коммунистическим вождям, а не Господу Богу.

И красоту и сердцевину нашей православной России составляла именно вера православная.

Леонид Воронин: И вот что примечательно: церковный хор, который звучит в этой части Оратории, как бы вбирает в себя дыхание всей старой России. Это — не единая церковная служба, а фрагменты, отзвуки разных молитв, сопровождающих и осеменяющих всё драматическое действо исхода белых из России. Вот что доносится до нас в пении церковного хора. Вслушаемся:

«Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, с миром»; «И ныне, и присно, и во веки веков. Аминь!»; «Аллилуйя! Аллилуйя! Аллилуйя!»; «Слава Тебе, Боже, и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь!»; «Аллилуйя! Аллилуйя! Аллилуйя!»

Первый из этих фрагментов – «Ныне отпускаеши...» – начало благодарственной песни Симеона Богоприимца – слова, произнесённые им в день Сретения – обещанной ему встречи с младенцем Иисусом, в котором он узнаёт посланного Богом Мессию. Вот кого берёт на руки старец Симеон – «Того, Кто освободил наши души от смерти и даровал нам воскресение».

А дальше, вслед за началом песни Симеона Богоприимца, звучат слова молитв, прославляющих Бога, восхваляющих Божью волю.

Александр Ведерников: Потрясающе, что первые же слова из церковных песнопений во второй части Оратории Свиридов взял из песни Симеона Богоприимца, песни благодарственной, потому что она знаменует встречу человечества, самого старца Симеона с Богом. И в этих словах, в этой песни Симеона – вовсе не траур.

Леонид Воронин: Конечно, не траур. А ведь в 60–70-е годы молитву «Ныне отпускаеши...» советские музыковеды называли «заупокойной». Давались и другие, схожие определения: «заупокойное пение», «заупокойный хорал», «хоровое отпевание». Что это? Незнание православных обрядов или попытка обойти истину? Но в те глухие советские времена такой «заупокойный» комментарий отвечал требованиям идеологической, а заодно и атеистической пропаганды.

Но я не обращал внимания на такой вот комментарий: в первой части «Патетической» «возглашал о себе наступающий новый мир», а в следующей, второй части – «отпевает себя» уходящий мир. Этот комментарий назойливо повторялся на конвертах, в которые вложены были грампластинки «Патетической оратории».

Ну что ж, комментарий комментарием – но вот она, музыка, звучащие слова в этой части свиридовской оратории. Надо только вслушаться, вдуматься в показания свидетеля крымских событий, получивших стихотворный отклик Маяковского и музыкальную трактовку Свиридова.

«Крымская» глава из поэмы «Хорошо!» открывается прямой ссылкой на свидетельский источник: «Мне рассказывал тихий еврей, Павел Ильич Лавут...»

П. И. Лавут – организатор вечеров-выступлений Маяковского, его постоянный собеседник в те месяцы, когда поэт выстраивал свою поэму «Хорошо!», писал её «крымскую» главу. А спустя

годы Лавут стал собеседником Свиридова, который был с ним знаком. Живой свидетель событий, которые заново осмыслил композитор, создавая либретто для своей Оратории.

Волею обстоятельств Лавут оказался в 1920 году во «врангелевском» Крыму и многое видел своими глазами. Видел, как главнокомандующий Белой армией покидал Севастополь. Момент, который привлёк особое внимание поэта в разгар создания им «крымской» главы. Он следует принципу «литературы факта».

Но на то он и поэт, чтобы преобразить и даже переосмыслить факт, что-то опустив, а на чём-то сознательно задержавшись, чтобы всмотреться во Врангеля, покидающего Севастополь.

У Маяковского Врангель «трижды город перекрестил». Но, конечно же, он и сам перекрестился — это же очевидно. У Графской пристани, вспоминает Лавут,

Врангель спустился по лестнице... У причала ждала моторная лодка. Он быстро сел в неё... Перекрестился. Поцеловал пирс...

Слушая музыку «Патетической», я явственно ощущал, как преображаются и по-новому звучат стихи Маяковского, его строки о последнем белогвардейском главнокомандующем. Врангель в этих строках — не плакатный враг из «Окон РОСТА» или из написанного Маяковским в 1920 году «Рассказа про то, как кума о Врангеле толковала без всякого ума», где «в „Грандотеле“ сёмгу жрёт Врангель толсторожий». Маяковский рисует такой портрет «по политике глядя». С реальным Врангелем, худощавым и подтянутым, «сухим, как рапорт», здесь нет ни капли сходства. Вслушиваясь в рассказ Лавута, Маяковский зримо представляет, как в тот, последний для белых в Крыму, день шёл по Севастополю белогвардейский главнокомандующий. Киноглаз поэта приближается к нему, выделяя значимую для Маяковского портретную деталь: «шёл Врангель в чёрной черкеске». Лавут вспоминал о том, как вписалась эта «чёрная черкеска» в поэму «Хорошо!»:

Когда в августе мы направлялись в Крым, Маяковский в коридоре вагона огорошил меня вопросом:

— Вы не помните, на Врангеле была чёрная черкеска или белая?

Трижды
 землю
 поцеловавши,
 трижды
 город
 перекрестил.
 Под пули
 в лодку прыгнул...
 – Ваше
 превосходительство,
 грести? –
 – Грести!..

Но в тот час пули красных ещё не долетали до Севастополя, так как – свидетельствует советский военный историк Н.Е. Какурин (обратимся ещё раз к его книге) – «отступающим войскам Врангеля удалось значительно оторваться от советских армий... 15 ноября авангарды 6-й [Красной] армии вступили в Севастополь... [а] последние суда противника ушли из Севастополя 14 ноября». Так что Врангель не мог прыгнуть в лодку «под пули».

Это – миф, который, по замыслу Маяковского, должен был бы возвысить победителей. А здесь он неожиданно возвышает побеждённого, но не сдавшегося, сохранившего мужество и достоинство врага.

Вот он, творческий парадокс, отмеченный Цветаевой в статье «Искусство при свете совести»: «...Может оказаться, что художник сделал большее, чем задумал (смог больше, чем думал!), иное, чем задумал».

Это иное, «большее, чем задумал», и создал Маяковский в своём «врангелевском» фрагменте.

Так состоялось не опознание врага, привычное для «агитатора, горлана-главаря», а невольное, пусть и виртуальное, узнавание Маяковским его, врага, «настоящего лика». Именно «настоящего лика».

Об этом и говорит Марина Цветаева, вновь и вновь возвращаясь к «гениальным строкам» Маяковского

...о последнем Врангеле, встающем и остающемся
 как последнее видение Добровольчества над последним

Крымом, Врангеле, только Маяковским данном в росте
его нечеловеческой беды, Врангеле в рост трагедии.

А ведь именно таким и предстаёт Врангель в «Патетической оратории» Свиридова. Так что, слушая «Патетическую», я прониклся сочувствием к трагической судьбе белогвардейского главнокомандующего, к судьбе всего Белого движения. Сочувствием, которое заставляло меня искать подтверждения такого моего восприятия в подтексте у Маяковского, а может быть, даже в каких-то его стихах, открытых его высказываниях.

И вот счастливое обретение: я, неожиданно для себя, в одном из стихотворений Маяковского 1926 года нашёл строфу, которая могла стать лирическим завершением фрагмента о Врангеле, покидающем Севастополь. Так что после строк из «крымской» главы «Хорошо!»:

Под пули
в лодку прыгнул...
— Ваше
превосходительство,
грести? —
— Грести!.. —

должна была звучать эта, найденная мною строфа:

Я
белому
руку, пожалуй, дам,
пожму, не побрезгав ею.
Я лишь усмехнусь:
— А здорово вам
наши
намылили шею!..

После такой стыковки стихи Маяковского о «последнем Врангеле» приобретали неожиданный смысл, резко меняющий звучание «врангелевских» строк.

Я не раз читал эти, преобразённые мною стихи Маяковского в спорах и размышлениях о том, как отзывается слово поэта.

Разными были мои слушатели-оппоненты. Но встреча с одним из них оказалась для меня самой памятной.

Было это в 1977 году. В редакцию журнала «Литература в школе», где я тогда работал, пришёл виновник и свидетель не отпускаявших меня стихов Маяковского — Павел Ильич Лавут. Неторопливый, обстоятельный, он долго перебирал со мною в принесённой им пухлой папке машинописные страницы, откладывая нужное для будущей своей журнальной статьи. Были здесь и заметки об авторском чтении поэмы «Хорошо!». Они-то и подтолкнули меня сделать отступление от наших деловых переговоров. Вспомнив о цветаевской трактовке стихов Маяковского о «добровольческом вожде», я прочитал мой вариант фрагмента из «лавутовской» главы, тот самый, где вслед за лаконичным «Грести!» идёт строфа «Я белому руку, пожалуй, дам...»

«Да, верно подмечено! — раздумчиво сказал Лавут, дослушав моё чтение. — А кстати, обращали вы внимание, как отразился такой достоверный, как в севастопольской главе, настрой в последней программной вещи Маяковского — „Во весь голос“? Ведь там впрямую о диалектике жизни, от которой не уйдёшь: „...под пулями от нас буржуи бегали, как мы когда-то бегали от них“. Вот вам и неслучайность этих строчек: „Я белому руку, пожалуй, дам...“ А между прочим, знаете ли вы, как в черновиках поэмы „Во весь голос“ звучало обращение поэта? Мы читаем с вами у Маяковского: „Мой стих дойдёт... через головы поэтов и правительств“. А в черновиках было: „...через головы безжалостных правительств“...»

После разговора с Лавутом я проверил его сообщение: пролистал 10-й том тринадцатитомного Полного собрания сочинений Маяковского и в разделе «Варианты, разночтения и черновые наброски» нашёл слова поэта о «безжалостных правительствах». Слов этих Цветаева, конечно же, не знала. А если бы узнала, то, быть может, и добавила бы к высказанной ею догадке о Маяковском, который «поэта в себе не превозмог»: «через головы безжалостных правительств стремился поэт передать потомкам своё видение Врангеля в рост трагедии».

Так укрепила мои наблюдения встреча с Павлом Ильичом Лавутом. И тем значительнее стала для меня строфа «революционнейшего из поэтов», где он готов был пожать руку белому. Строфа эта словно бы откликнулась словам Цветаевой о Маяковском, который «во вражде сливается с врагом».

* * *

Прерываю моё отступление о встрече с Лавутом и возвращаюсь к разговору с Александром Филипповичем Ведерниковым.

Леонид Воронин: Итак, о Врангеле — главном действующем лице во второй части «Патетической оратории».

Врангель недаром перекрестился, покидая Россию: благодарил Бога за то, что тот помог ему до конца исполнить долг — сохранить воинское достоинство и спасти армию.

Благодарил Бога, должно быть, повторяя слова молитвы Симеона Богоприимца: «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко...» Эти слова открывают вторую часть Оратории. Мы ещё не слышим слов Маяковского, а уже звучит (пусть приглушённо, но звучит!) благодарственная молитва, и это, по сути, настраивает нас на восприятие всей «врангелевской» части.

И вот ещё тому подтверждение — прямо скажу — знаменательное. В кульминации «врангелевского» эпизода, когда «на оба колена упал главнокомандующий», речитатив сменяется пением солиста, драматически насыщенным, звучащим словно бы под церковными сводами. Да-да, именно так. И здесь я явственно ощущаю новый отзвук молитвы Симеона Богоприимца. Молитвы возвышающей того, кто её возносит.

Вот эти *поющиеся* солистом строки:

И над белым тленом,
как от пули падающий,
на оба
 колена
упал главнокомандующий.
Трижды
 землю
 поцеловавши,
трижды
 город
 перекрестил...

В этих строках можно услышать новый отзвук Песни Симеона Богоприимца. Она прорывается в первых же поющих строках Маяковского, преображённого музыкой Свиридова. Так что «белый тлен», означающий, по Маяковскому, гибель

Белого дела, воспринимается уже иначе. Ведь следом идут строки о родной земле, которую целует Врангель, прощаясь с ней. Целует землю, которая вбирает в себя этот «белый тлен», где над нарочито принижающим понятием «тлен» возвышается свет совести. Так что белый здесь — уже не цвет гражданского противостояния (белых и красных), а зеркальное отражение небесного света, к которому и возносит свою молитву главнокомандующий.

В пение солистом ключевых строк «врангелевского» эпизода включается хор, вновь издалека — приглушённо — доносящий церковную молитву (как бы услышанную внутренним слухом Врангеля) с её хвалой Богу: «Аллилуйя!» — в тот самый момент, когда Врангель «трижды землю поцеловал» и «трижды город перекрестил». Он постигает «спасение» Божие, о котором благодарственно возвещает Симеон Богоприимец, постигает «свет к просвещению язычников» (это фрагмент из последнего стиха Песни Симеона; для Врангеля безбожники-коммунисты и есть те самые язычники).

Но, исполнив свой долг, Врангель покидает Россию. Оттого и пронзительная печаль в звучании церковного хора, сопровождающего действие: это — исход, прощание с родиной.

На эти мысли, поначалу, быть может, не всегда внятные, навела меня не только свиридовская музыка, но и ваше исполнение рассказа о Врангеле. Оно ошеломляло меня. Признаюсь, подчас у меня возникало ощущение, что я слушаю священника, его проповедь.

Александр Ведефников: Видите, в чём дело. Как раз бегство (может быть, точнее — вынужденный уход) Врангеля на фоне молитвы — одна из самых трагических страниц русской истории. И если такого ощущения нет, эта часть Оратории просто пропадёт. И не может истинно это исполнить человек, если он не понимает этого.

Леонид Воронин: То есть вы это глубоко чувствовали. И поэтому возникает ощущение, что я слышу священника в церкви.

Александр Ведефников: Да, конечно. Постольку здесь звучит не просто молитва — здесь элемент катастрофы, космической катастрофы для России.

Леонид Воронин: А ведь правда — космической, нового «сотворения» мира — «второго потопа», как говорили в революционные годы наши поэты.

Александр Ведерников: Это так же, как при Петре, когда он Россию совсем в другую сторону, на Запад, направил с её истинного пути. Здесь то же самое. Революция — это фактически конечный результат петровских реформ, исторический катаклизм.

Леонид Воронин: Невольно вспоминается Максимилиан Волошин с его парадоксальным утверждением в поэме «Россия» (1924):

Великий Пётр был первый большевик,
Замысливший Россию перебросить,
Склонениям и нравам вопреки,
За сотни лет к её грядущим далям.
Он, как и мы, не знал иных путей,
Опричь указа, казни и застенка,
К осуществленью правды на земле.

Александр Ведерников: Вот именно: изменить Россию «склонениям и нравам вопреки». Так что ещё раз повторю: революция — это исторический катаклизм.

Вот почему во «врангелевской» части Оратории нужно не просто говорить, а вещать. Это должен быть вопль пророка Аввакума. Это надо ощутить, это надо понять.

Леонид Воронин: Разумеется, ощутить и понять! В самом деле, казалось бы, знакомые строки из поэмы Маяковского «Хорошо!»:

Мне
 рассказывал
 тихий еврей,
Павел Ильич Лавут:
«Только что
 вышел я
 из дверей,
вижу —
 они плывут...»
Бегут
 по Севастополю
к дымящим пароходам...

Строки поэта, неоднократно перечитанные... А как они звучат на фоне церковного хора. Слова молитв поначалу

доносятся словно бы издалека, тихо... И вдруг слышим громкое: «Слава Тебе, Боже...» Вот-вот «из штаба опустевшего» выйдет Врангель, а молитва продолжается: «и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь!»

И вот появляется он — Врангель. Идёт по брошенному городу:

Хлопнув
дверью,
сухой, как рапорт,
из штаба
опустевшего
вышел он.

Глядя
на ноги,
шагом
резким
шёл
Врангель
в чёрной черкеске.

Врангель идёт «шагом резким», размеренным. Его «резкий», твёрдый, волевой шаг подкрепляется музыкой: мы слышим удары барабана. Эти удары, отмечается в ремарке композитора, «должны имитировать шаги идущего человека». Вот как идёт Врангель, идёт с достоинством, потому что исполнил свой воинский и человеческий долг.

Всё это передаёт голос рассказчика, приближающего к нам Врангеля — до последних значимых деталей: «Трижды землю поцеловавши, трижды город перекрестил» — и «в лодку прыгнул»: «Грести!».

Знакомые строки. Знакомые, но преображённые звучат в Оратории Свиридова — в вашем исполнении!

Александр Ведерников: Выборка Свиридовым словес из текста Маяковского до такой степени взвешена и выверена, что возникает ощущение какого-то нового летописного рассказа.

Леонид Воронин: А ведь и в самом деле: Свиридов произвёл необходимую ему корректировку текста. У Маяковского, например, было: «на рейде» у отплывающих белогвардейцев «драки, крики, ругня, мотня». Мотня — здесь: суетня, действие по глаголу «мо-

таться». Свиридов убирает это словечко — двусмысленно грубое, но ничего не прибавляющее к общей картине. А презрительная зарисовка Маяковского: «кашей грузился последний эшелон» — заменяется у Свиридова летописной констатацией: «погружался последний эшелон».

Автор «Патетической» снимает целую строфу, в которой — явно недостоверные подробности: у Маяковского кадеты (члены «партии к.-д.», Конституционно-демократической партии) «толкались локтями, крыли матюгом» (почему кадеты? а, к примеру, не монархисты? Как можно было их различить в толпе покидающих Севастополь?).

И, наконец, Свиридов оборвал текст рассказчика на слове «Грести!», так что за пределами музыкальной летописи остались многие, воинственно субъективные строки поэта, вроде тех, что идут сразу же за приказом «Грести!»: «Пошла веселó к «Алмазу» моторка» (с Врангелем)...

Александр Ведерников: Каждое слово у Свиридова — автора «Патетической» — имеет гигантский вес. Всё, что пахнет бытовизмом и мелочностью, он постарался убрать. Нарочито субъективное в тексте Маяковского тонет в музыкальном звучании «Рассказа о Врангеле».

Свиридов взял для этой части только то, что составляет огонь истории русской, российской души, российской судьбы. Это историческое произведение — как «Хованщина» у Мусоргского.

У Свиридова в «Патетической» всё правда. И в предпоследней части Оратории «Разговор с товарищем Лениным» — Ленин как икона. Ведь верили, это правда ведь: народ верил этому, верил в сказку.

Леонид Воронин: Что значит для вас сегодня «Патетическая оратория»?

Александр Ведерников: Это произведение — корневое для моего исполнительского творчества, оно составляет счастье моей творческой жизни.

Леонид Воронин: Для меня весьма знаменательно, что эпиграфом к Сборнику воспоминаний о Свиридове стали его слова, сохранённые в вашей памяти и записанные вами: «Когда сочиняешь музыку, она сочинённая и выходит — изобретённая. А в большинстве случаев музыка сама является — только записывай!»

Александр Ведерников: Да, эти слова впрямую вытекают из творческого опыта Свиридова.

Дмитрий Дмитриевич Шостакович говорил о Свиридове: у Свиридова мало нот, но много музыки.

Я его много раз спрашивал:

— Юра, ну, как ты это сочиняешь? Такая музыка — это же потрясающая правда, в музыке художественная правда.

Это даётся очень редко, это только гениям даётся. Или случайные находки у больших талантов. Гении вещают суть мира, они вещают божественную истину — вот в чём дело. Я его спрашиваю. Он отвечает:

— Саша, те, кто у рояля сочиняют, сидят и вот это выдумывают, они не творцы, они изобретатели. А истинным гениям, им, конечно, музыка является, она их осеняет.

Я не раз был свидетелем, когда Георгия Васильевича осеняло. Когда мы собирали грибы, он вдруг забегал, побежал к даче и сел за рояль: у него уже готовое всё.

У гениев их интеллект, знания — всё направлено, даже неосознанно, на творчество. Оно формируется в душе, в сознании высшими силами — Богом. Их творчество — это квинтэссенция духа, потому что они слышат историю, слышат мир, слышат Бога. И то, что они слышат, они записывают. Вот так же, как записывал историю своей страны Георгий Свиридов в гениальной «Патетической оратории».

«Патетическая оратория» — это правда нашей истории, нашего народа. Многие писали музыку, посвящённую исторической правде. Но она не является живой, потому что не стала художественной правдой. А у Свиридова историческая правда патетики и трагедийности революции идёт неразрывно с правдой художественной. Именно такие произведения сохраняются в нашей памяти, завоёвывают души и сердца людей.

Художественная правда «Патетической оратории» чутко принимается большими залами, массаами народа. Так было во время исполнения «Патетической» в городах России, так было и в Большом концертном зале Лондона в 1972 году, когда во время исполнения финала «Патетической оратории» публика встала. Завершающая часть «Патетической оратории», её финал, — «Солнце и поэт» — это же гимн солнцу, гимн, если хотите, Богу.

Леонид Воронин: А ведь и в самом деле — гимн Богу. Мы слышим в этом финале дпящийся, повторяющийся перезвон колоко-

лов. И это в той части, где вроде бы не «протащить» церковных атрибутов. Но звучит, явственно звучит ликующий звон колоколов, *церковных* колоколов, А каких же ещё, если Солнце — Бог: ведь именно Он «взорит», освещает жизнь «у мира в сером хламе»!

Да, гимн Богу. Вот почему ликуют колокола! Этот ликующий звон подтверждает неодолимость христианских, духовных истин.

И как здесь не вспомнить о благодарности Богу, которую доносят до нас молитвы, сопровождающие свиридовский «Рассказ о Врангеле». Она, эта благодарность, ощутима не только в молитвах, но и в кульминационном звучании самого «Рассказа...» в вашем исполнении. Так что гимн Богу в финале «Патетической оратории» адекватен с её второй, «врангелевской» частью.

Александр Ведерников: Да, конечно, конечно — адекватен. Это замечательно. Этот Бог-Солнце говорит поэту: «Пойдём, поэт, взорим, вспоём у мира в сером хламе». Я такого гимна не слышал нигде, даже у Бетховена. Это молитва, это гимн Богу, гимн правде. То есть фактически Свиридов воспел здесь народный порыв к правде, к Богу. Это гениальное произведение.

Леонид Воронин: В одной из дневниковых записей Свиридов, определяя идею «Патетической оратории», отметил:

...Это творческая сила художника, уподобленная солнцу — символу всего живого, воплощению высшего творческого начала.

Вот как Маяковский стал для Свиридова «идеальным» источником замысла, пафоса и текста его «Патетической». А ведь отношение к нему Свиридова было весьма неоднозначным. Об этом свидетельствуют его дневниковые записи: Маяковский — «не народный поэт», «придуманный поэт», «продан» — и в раздражении: «поэт-дегенерат». А с другой стороны, Маяковский — «талантливый», «прекрасный» поэт, «остроумен, изобретателен»...

Но — при всей вопиющей противоречивости — именно Маяковский помог Свиридову ощутить *стихию* революционного времени. Стихия, поясняет Свиридов в дневниковых записях, — это «всё бессознательное, иррациональное, таинственное, не

зависящее от человека (но, однако, носимое им), изначально существующее».

А ведь, в сущности, об этом же говорит Марина Цветаева в своей работе «Искусство при свете совести», определяя «состояние творчества» как пронзённость творца стихиями, независимо от его желания «носимыми им».

Сегодня, когда доступными стали дневниковые записи Свиридова, собранные в книге «Музыка как судьба» (М., 2002), я увидел, как перекликаются и — по сути — поразительно совпадают творческие взгляды Марины Цветаевой и Георгия Свиридова в их размышлениях *о стихии и её связи с наитием художника*.

И это тем более примечательно, что Свиридов скорее всего не читал той прозы М. Цветаевой, которую в 50–60-е годы можно было найти только в спецхране. Но читал её стихи и — при свойственной ему противоречивости оценок — отдавал им должное, когда ставил имя Цветаевой в ряд «прекрасных настоящих поэтов, занимающих своё почётное место в русской поэзии, место, которое у них уже нельзя отнять».

«Поэта, не принимающего какой бы то ни было стихии, — нет», — заявляла М. Цветаева, — выделяя строки, данные наитием стихий, — *данные строки*. Как о самом драгоценном в работе поэта пишет о них Цветаева;

На сто строк десять — данных, девяносто — заданных,
недававшихся, давшихся, как крепость — сдавшихся...

Данные поэту строки — его отклик осязаемой, воспринятой им, услышанной им стихии.

Моя воля и есть слух, — подмечает Цветаева, — не устать слушать, пока не услышишь, и не заносить ничего, чего не услышал.

И тогда заданные строки сдадутся, «как крепость», потому что она их «дослушалась».

Вот именно — дослушалась. Пусть это моё предположение, а может быть, и — дерзну! — своего рода мистическая догадка, но хочется верить: Цветаева как бы предвещает будущую музыкальную судьбу поэтических произведений. Она обращается не только к текстовой стороне стихов, но и к их звучанию

(к «слуховому уроку»), и не просто звучанию, а к *звучанию музыкальному*:

Слышу не слова, а какой-то беззвучный напев внутри головы, какую-то слуховую линию...

О «слуховой линии», наверное, мог бы говорить и Свиридов, когда создавал «Патетическую ораторию». В подходе к стихам Маяковского и их отборе для Оратории он, как и Марина Цветаева, различает в стихах данное и заданное.

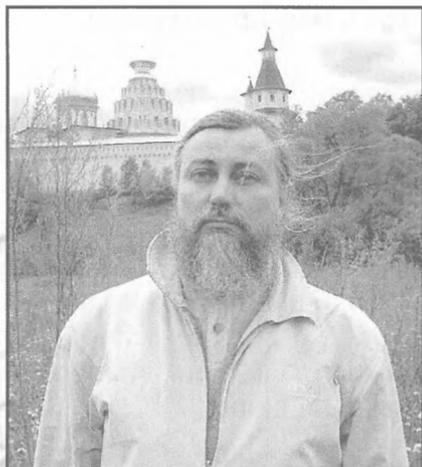
По сути, *заданное* в стихах Маяковского имеет в виду Свиридов, когда в раздражении пишет:

Весь Маяковский <...> — *придуманый* поэт. Придуманная любовь, придуманная Революция, придуманные заранее рифмы...

Обрываю цитату, потому что для меня здесь главное — не полемика со Свиридовым, с его — прямо скажу — жестокой в данном суждении оценкой поэта, а его любопытнейшее замечание о «придуманном» — заданном в стихах Маяковского.

Цветаевой, когда она вглядывается во Врангеля, написанного Маяковским, не до заданных строк. Ей важны те самые *данные* строки, которые — неожиданно для самого автора «Хорошо!» — возвеличивают добровольческого вождя.

Музыкальное прочтение Свиридовым «врангелевских» строк Маяковского, по сути, подтверждает меткую оценку Марины Цветаевой: «Маяковский поэта в себе не превозмог». Это — одно из поразивших меня суждений Цветаевой в её работе «Искусство при свете совести», которую я прочитал уже после того, как услышал «Патетическую ораторию» Свиридова.

Священник Пётр Коломейцев

Родился о. Пётр 18 июня 1959 г. в Москве. Детство прошло в доме неподалёку от, как говорили мальчишки, «мужика в пиджаке» (памятника Лермонтову). Дом этот потом снесли, и их семья переехала в Кунцево.

Очень хотел стать актёром, но мама сказала: «Только через мой труп». «Тогда пойду в художники», — решил Пётр, но мама направила романтические порывы сына в более надёжное русло — Архитектурный институт.

Учась в институте, приходилось покупать много книг по искусству. Из книг по истории позднеантичной и византийской эстетики по крохам можно было узнать, что такое евхаристия с богословской точки зрения, из книг Лазарева и Плугина о творчестве Андрея Рублёва и Феофана Грека — что такое исихазм.

Пётр служил рядовым в лётных частях, попал в госпиталь с отёком лёгких, чуть не умер, ему даже зимнюю одежду туда не передали, так как не надеялись на его выздоровление, но за полгода его

У взорванного моста

Литературное расследование тёмных мест
светловской поэзии

поставили на ноги и вернули в строй. Пока болел, прочитал много книг из армейской библиотеки: Фёдорова в «Философском наследии», Достоевского, Соловьёва и Флоренского.

После армии Пётр пришёл в мастерскую, которая занималась реставрацией собора Богоявленского монастыря в Китай-городе. Там он работал архитектором, потом художником-реставратором. Потом работал в Обществе охраны памятников, главным художником-оформителем выставочного отдела. В Обществе охраны памятников приезжал отец Александр Мень. Он прочитал там два цикла лекций: один – по истории религии, а другой – о библейской тематике в русской литературе. Отец Александр произвёл на него неизгладимое впечатление.

Игумен Кирилл (Семёнов) дал ему рекомендацию на хиротонию, и он был рукоположен 16 июня 1991 г. и сразу поехал на приход в Подмосковье, в город Видное.

В данный момент о. Пётр опекает Центр равных возможностей для детей-сирот «Вверх», организует паломнические поездки и просто приходит туда разговаривать с детьми, преподавателями.

Кроме педагогической, о. Пётр занимается и преподавательской работой, он преподавал в Свято-Тихоновском, в ББИ и других вузах. А когда в Российском православном университете Иоанна Богослова появился психологический факультет, то отец Пётр был туда приглашён на должность декана.

Алла Калмыкова

Услышанная случайно песня (*звук — ссылка № 3*) долго не давала покоя. Первоначальное ощущение идиотии совкового пафоса и бессмысленного треска идеологической пропаганды сменило иное — завораживающее чувство щемящей лиричной патетики.

Что это? Горькая сатира или автопародия, а может скрытая антисоветчина? Стало ясно, что в песне есть тайна. Возникла мучительная потребность раскрыть эту загадку — задача непостоящая, если кроме текста других подсказок нет.

Михаил Светлов
Звёзды девятнадцатого года
(Песня)

Н. Асееву

Ночь стоит у взорванного моста,
Конница запуталась во мгле.
Парень, презирующий удобства
Умирает на сырой земле.
Тёплая полтавская погода
Стынет на запёкшихся губах.
Звёзды девятнадцатого года | 2 раза
Потухают в молодых глазах. |
Он ещё вздохнёт, застонет еле,
Повернётся на бок и умрёт.
И к нему в простреленной шинели
Тихая пехота подойдёт.
Юношу стального поколенья
Похоронят посреди дорог,
Чтоб в Москве ещё живущий Ленин | 2 раза
На него рассчитывать не мог. |

Девушки ночами пишут письма,
 Почтальоны ходят по земле,
 Чтобы шла по далям живописным
 Молодость в единственном числе.
 Ночь стоит у взорванного моста,
 Конница запуталась во мгле.
 Парень, презирающий удобства | 2 раза
 Умирает на сырой земле. |

Стихотворение

Ночь стоит у взорванного моста,
 Конница запуталась во мгле...
 Парень, презирающий удобства,
 Умирает на седой земле.
 Тёплая полтавская погода
 Стынет на запёкшихся губах,
 Звёзды девятнадцатого года
 Потухают в молодых глазах.
 Он ещё вздохнёт, застонет еле,
 Повернётся на бок и умрёт,
 И к нему в простреленной шинели
 Тихая пехота подойдёт.
 Юношу стального поколенья
 Похоронят посреди дорог,
 Чтоб в Москве ещё живущий Ленин
 На него рассчитывать не мог,
 Чтобы шла по далям живописным
 Молодость в единственном числе...
 Девушки ночами пишут письма,
 Почтальоны ходят по земле.

Первое, что бросается в глаза — это поэтическое мастерство, с которым сделан этот самый текст. Михаил Светлов (автором текста песни оказался именно он) виртуозно спрессовывает неспешное повествовательное предложение до яркого энергичного образа.

Например: вокруг стояла ночь, мост был взорван; превращается в «ночь стоит у взорванного моста». Или: остывает характерная для полтавской области тёплая погода, но у парня от жара запеклись губы; в итоге выглядит так: «тёплая полтавская

погода стынет на запёкшихся губах». Предельно лаконичное выражение мысли не только создаёт ощущение динамизма, но и некоторой недоговорённости, побуждая читателя искать спрятанные между строк смыслы.

Далее внимание читателя останавливается на странном употреблении единственного числа там, где по логике должно стоять множественное. Тихая пехота подойдёт к парню после его смерти в простреленной шинели, а не в простреленных шинелях. Не может быть, чтобы на всю пехоту была только одна шинель — скорее уж вся пехота воспринимается одним лицом, не имеющим человеческих черт.

Она, то есть пехота, тихая, в отличие от конницы, медленно меняющая свою дислокацию и постоянно подвергающаяся пулёмётному и артиллерийскому обстрелу. Такое вот специфическое боевое подразделение. Кстати, во мгле запутались тоже не люди, а конница, то есть опять-таки бездушное армейское соединение.

Казалось, не должно быть места человеку на этом обезличенном театре военных действий. Но личность появляется, как только речь идёт о смерти.

Военное подразделение не может умирать или болеть — оно может изменять численный состав, а вот смерть напрямую касается человека. Именно смерть из вихря Революции и Гражданской войны выхватывает для нас образ главного героя произведения — бойца, умирающего за эту самую Революцию.

Мы знаем о нём, что он является частью «стального поколения» первых лет Революции, и ничего не знаем о нём самом — каким он был в жизни, что он любил. Зато из стихотворения известно, как он умирал — презирая комфорт, прямо на седой земле. Презирал ли он удобства в жизни, сказать трудно — неясно, жил ли он вообще своей индивидуальной жизнью. Умирает юноша предельно скромно — и стонет еле-еле, и под конец поворачивается на бок, как ребёнок, ложась спать. Последнее, что он видит это звёзды, нет, не рубиновые звёзды Кремля (оплота первого в мире государства рабочих и крестьян), а далёкие звёзды холодеющей полтавской ночи.

Разгадку четвёртого катрена нам предлагает *Ontwaakte* (ссылка № 1). По его, не лишённому убедительности, мнению, ключом к разгадке являются слова «похоронят» и «ещё живущий Ленин».

Юношу похоронят, чтобы Ленин на него не рассчитывал. В 1931 году (время создания произведения) Светлов знал, что уже неживущий Ленин не похоронен, то есть на него продолжают рассчитывать; Ленин продолжает свою деятельность в качестве идола, олицетворяющего бессмертие идей коммунизма. Бесславное захоронение представителя «стального поколения» не пойми где — «посреди дорог» — для юноши оборачивается свободой: на него больше не рассчитывают; правда, он уже больше и никому не нужен, он отработанный материал — пустой шлак, из которого выплавили сталь.

Не менее запутанным является и содержание пятого четверостишия. Из песни следует, что девушки пишут письма, а почтальоны их разносят для того, «чтобы шла по далям живописным молодость в единственном числе», то есть девушки и почтальоны обеспечивают воспроизводство молодого поколения.

Мысль, конечно, интересная, но почему «молодость в единственном числе»? Чтобы не было старости, что ли? А куда её денут девушки с почтальонами? Однако внимательно исследуя авторский текст, видим, что пятый катрен не является целой строфой, а разбит на два самостоятельных по смыслу двустишия, первое из которых (в песне последнее) присоединено к четвертому через запятую.

Значит, юношу похоронят для того, «чтобы шла по далям живописным молодость в единственном числе». Что за монстр эта страшная «молодость», которая требует человеческих жертв, во-первых, и не терпит рядом с собой сосуществование кого-либо ещё, во-вторых?

Можно было бы делать любые предположения по поводу значения этого слова, но обязательным условием является понимание того, что хотел сказать Светлов, не только им самим, но и читателями.

Такое смысловое значение есть. О «молодости» пишет и его ближайший друг Эдуард Багрицкий в своей поэме «Смерть пионерки» (1932 г.), и поэты будущего времени:

Эдуард Георгиевич Багрицкий
Смерть пионерки
(отрывок, ссылка № 4)

...Нас водила молодость
 В сабельный поход,
 Нас бросала молодость
 На кронштадтский лёд.
 Боевые лошади
 Уносили нас,
 На широкой площади
 Убивали нас...
 ...Чтоб земля суровая
 Кровью истекла,
 Чтобы юность новая
 Из костей взошла.

Гиви Чрелашвили
Парафраз
(отрывок, ссылка № 5)

...Молодость по промаху
 Заставляла нас
 Ртом глотать «черёмуху»,
 Не цветы, а газ,
 Сумрак ночи сплошь один
 Оседал на нас,
 На тбилисской площади
 Убивали нас...
 ...Нас бросала молодость
 В пропасть злой судьбе,
 Нас бросала молодость
 В коридор ГБ,
 Лысые чиновники
 Материли нас,
 Пьяные полковники
 Избивали нас...

Злобный Неохотник (ссылка № 6)

...Нас швыряла молодость
В нездоровый пот,
Нас бросала молодость
Прямо под капот.
Песни комсомольские
Били по мозгам,
И читать Стругацких
Не давали нам...

Конечно, из этих стихов вырисовывается только контур страшного монстра, называемого «молодостью», но не называется его имя. Имя этому чудищу «коммунизм» — именно так называет поэт Владимир Маяковский «весну человечества». В своих стихах трибун революции пишет: «Коммунизм — это молодость мира, и его возводить молодым!»

Слова вроде бы красивые, не напрасно они цитируются вместе со стихами Багрицкого на десятках коммунистических и комсомольских сайтов Интернета. Только вот для существования этой «молодости в единственном числе» необходимо схоронить не одно поколение молодёжи. Ведь «юность новая», по словам автора «Смерти пионерки», вырастает из костей, да ещё изрядно политых кровью. Как это не похоже на библейское пророчество Иезекииля о воскрешении мёртвых костей. У Пророка вечная жизнь и бессмертие каждой личности, у Поэтов Революции вечная жизнь бессмертной идеи, постоянно требующей новых жертв.

Итак, у нас остаются девушки, ночами пишущие письма, и почтальоны, их разносящие. Это двуступенчатый процесс идёт отдельно, после многоточия. Ясно, что эти персонажи не вписываются в общий замысел обезличивания человечества. Ведь любовь девушки не может быть к пехоте или к коннице, и письмо почтальон несёт конкретному милому другу Ванечке или Коленке.

Любовь — последний оплот индивидуализма, препятствие на пути обезличивания человека. Поэтому две последние строчки звучат, как последняя надежда, что человек как личность будет жить несмотря ни на что. Итак, в конце произведения парадоксальным образом смерть и любовь становятся союзни-

ками, так как именно эти две силы противостоят обезличиванию. Ведь влюбляется человек индивидуально, индивидуально рождается и так же индивидуально умирает. И счастье у него кроме общего есть и личное, неповторимое, своё. Только бы девушки писали ночами, как пушкинская Татьяна, и почтальоны не переставали бы разносить эти драгоценные письма.

Можно вроде поставить точку, но как хочется понять, что именно побудило Светлова написать это стихотворение в 1931 году, когда основные романтические стихи о Гражданской войне были написаны, зачем было возвращаться к этой теме?

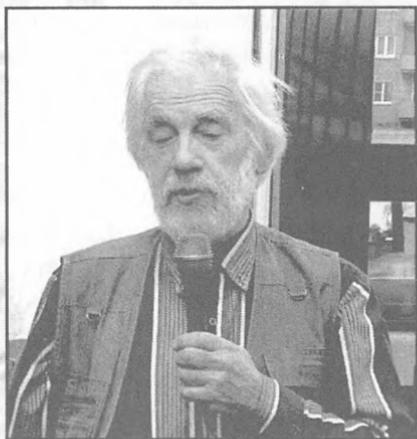
В 1930 году при невыясненных до конца обстоятельствах трагически умер Владимир Маяковский. Смерть великого поэта, часто читавшего на своих публичных выступлениях светловскую «Гренаду», не могла не повлиять на её автора.

Для трибуна Революции крах коммунистических идеалов был очевиден. Для Михаила Светлова тоже, поэтому он посвятил своё стихотворение Асееву, поэтическому сыну Маяковского, о котором тот писал: «Асеев Колька — этот может, хватка у него моя».

Да, мост в будущее взорван, у переправы на страже стоит ночь. Сразу вспоминается, как в «Подвиге» у Набокова главные герои трагично иронизируют, что в России объявлена постоянная ночь. Конница Революции окончательно и бесповоротно запуталась в этой мгле, из которой ей уже не выбраться. А в глазах у главного героя меркнут звёзды девятнадцатого года. Так меркнут в глазах у автора его собственные идеалы 1919 года, когда он шестнадцатилетним юношей вступал в комсомол, твёрдо веря ещё в высокие цели Революции.

Из воспоминаний Евгения Евтушенко (*ссылка № 7*) нам известно, что в эти годы Михаил Светлов много пьёт, чтобы создать себе репутацию алкоголика и тем самым уйти от навязчивых предложений стать секретным сотрудником (проще говоря — стукачом) ГПУ. Неарестованным арестантом эпохи называет Евтушенко Михаила Светлова; и многое в его стихотворении становится понятным.

1. <http://alexmsk.livejournal.com/462971.html>
2. <http://pesenki.by.ru/russian/gavan/songs/0831.shtml>
3. <http://nowhere.deepmix.ru/show/zvezdy19.mp3>
4. <http://stihi.net.ru/1/Bagricksiy/37.htm>
5. http://web.ru/bards/Chrelashvili_Givi/part43.htm
6. http://www.mastergun.ru/forum/forum_posts.asp?TID=141&TPN=2
7. <http://www.litera.ru/stixiya/articles/530.html>

Станислав Божко

Я родился на северной окраине Новосибирска между огромным рабочим гетто в овраге речки Ельцовки, текущей через город, и границей леса, начинавшегося почти рядом с моим домом. Это был 1947 год, и около полутора миллионов человек тогда умерли от голода в моей «победившей фашизм стране».

Недалеко, через улицу, располагалось училище МВД, и несколько раз сквозь оконное стекло я видел, как курсант с овчаркой гнался за странным человеком в ватной маске с длинными, как у Пьеро, рукавами толстого ватника. Иногда мне удавалось наблюдать и завершение действия, когда обезумевшая собака рвала упавшего, и далеко летели ключья ваты. Так, тогда ещё не понимая происходящего, я оказался свидетелем главной игры моего столетия — охоты на человека.

Зимой я сопротивлялся холоду, прущему с низовьев Оби, ходил в детскую библиотеку кожевенно-обувной фабрики и играл в войну с окрестными пацанами. Война была близко позади, и играли в неё ещё серьёзно, и книжки читали всё о ней, так что

Зеркала

когда спустя много лет я попал не на отцовскую, а на «свою» — в Чечню, у меня было сплошное «дежавю», и долго никак не понималось, что всё это не понарошку.

А тогда, в 54-м, 55-м, инвалиды на деревянных платформах с подшипниковыми колёсиками шпалерами сидели вдоль улиц, а наглядная агитация цвета лазури и золота над их головами доходчиво повествовала о прекрасном мире, в котором жили все мы. Так что путь от Жюль Верна к «Колымским рассказам» был для меня не очень долог.

Потом был Томский университет, мотня с местной гэбнёй, для которой ни Шаламов, ни Оруэлл не были авторитетами, сторожевое и организация подпольного культурологического клуба по месту работы в Томской оранжерее. А потом, когда выгнали и оттуда, — шабашка — сезонные работы, впрочем, длящиеся все четыре времени года.

С профессиональными противниками режима я познакомился только в конце 80-х. Моя будущая жена была сослана в один из райцентров на берегу Оби, и она же ввела меня в круг диссидентской элиты.

А потом был Северный Кавказ и работа в качестве миротворца, правозащитника, спасателя во время грузино-абхазского конфликта, в ходе 1-й и 2-й чеченских войн (1994–2000).

А потом пришло время осмыслять и свидетельствовать.

1.

«**Ч**ёрное чудо» нацизма.

Внешние составляющие: «биология в действии».

Жёсткий контроль рождаемости и изоляция слабых и больных.

Спасение бьющейся на крючке «Версаля» нации виделось в очистке крови от чуждых расовых примесей и внедрившихся в гены болезней.

Отражение вирусной атаки.

Кровь, ведь «это такая особая жидкость».

(Рудольф Штейнер)

А у нас тогда была ночь. Мы погибали от нищеты и голодной собачьей свободы.. Старушки в мантильях и шёлковых наколках на голове подбирали в мешочки кости и огрызки хлеба, профессора, улыбаясь, продавали спички. У лавок, как в церкви, стояли тихие толпы и ждали, но хлеб всё-таки уже везли под конвоем в защитных фургонах. А рядом шагала стража. Везде мелькали солдатские шинели, изношенные, залатанные. И опять ночь – грязные кварталы, трактиры в узких прокопчённых домах, кусты картофеля. Все предместья Берлина были засажены этим картофелем. И всё равно каждый пятый родившийся умирал от голода...

(Юрий Домбровский. История немецкого консула)

Неудавшийся художник, уклонившийся в своё время от призыва в австрийскую армию, был приписан к резерву 16-го баварского пехотного полка и прибыл на западный фронт в октябре, как раз вовремя, чтобы участвовать в битве на Ипре. Таким образом, он стал свидетелем ужасного «избиения младенцев», когда английские солдаты-профессионалы искрошили планомерным обстрелом десятки тысяч плохо обученных немецких добровольцев, в основном студентов и гимназистов.

И до конца жизни его мучила судьба погибших и искалеченных товарищей — поколения Лангемарка, маленькой деревушки, расположенной в пяти милях к северу от Ипра.

(Норман Дэвис. Лангемарк)

А на самом дне было отвращение к отцу-таможеннику и его «казённой клетке», где «старика сидят, сгорбившись, один на другом, как обезьяны», к миру, из которого ушла музыка, городам, ставшим «гробницей всего германского» (Герман Ленс), и к «украденной победе» в войне. Ведь «никогда не существовала более наглая диктатура, чем диктатура демократической интеллигенции, претендующей, что она является германской культурой, германским настоящим и германским будущим. Всё остальное для них было греховная жалкая поделка, отвратительное мещанство».

(Фридрих Гусонг. Курфюрсттердам)

По-видимому, Гитлер задумал «окончательное решение» еврейского вопроса в фантастической обстановке готического замка Верфенштейн в Австрии, где лишённый сана монах Йорг Ланц фон Либенфельс работал над систематической программой расового воспроизводства и истребления.

(Пол Джонсон. Современность)

Выборочное истребление некоторой части генофонда, видимо, не раз осуществлялось в истории, как средство гомогенизации расы в некотором желаемом направлении.

(Василий Налимов. В поисках иных смыслов)

Так вот, по мере возможности я восстановил всю последовательность событий, всё происходившее с нами и вокруг нас: это было что-то совсем другое — что-то, от чего разум защищается как от капитуляции перед безумием.

(Станислав Лем. Эдем)

Вменяемость в оценке этих дел — редкий товар.

Согласно закону от 14 июля 1933 года насильственной стерилизации подвергались граждане рейха — некоторые категории психических больных, лица, страдающие врождённой слепотой и глухотой, и лица, страдающие от хронического алкоголизма.

Следующий барьер был преодолен, когда зимой 1938–1939 года нацистский медицинский персонал начал практиковать отказ от искусственного поддержания жизни смертельно больных детей.

В октябре 1939 г., после начала войны с Польшей, программа эвтаназии получила развитие, и был установлен план в 65–75 тысяч смертей – отчасти для того, чтобы разгрузить санатории и больницы для размещения немецких переселенцев, прибывающих из Прибалтики в рамках программы: «домой в рейх».

(Вернер Гейде – один из организаторов программы эвтаназии, обвиненный в личном участии в убийстве более 100 тысяч человек, ещё в 1959 году, сменив имя, работал в должности старшего эксперта-психиатра земельного суда земли Шлезвиг-Гольштейн.)

(Ульрика Майнхоф. 2004)

Расово (и биологически) чуждые, приносимые в жертву именно потому, что создано особое пространство (место смерти, а в пределе – пустыня, подлинное «ничто»), конфигурация которого, как ловушка муравьиного льва, запускает процесс уничтожения. Жертва, как внутренняя, невидимая извне, главная часть механизма „большой некромашины“.

“Głos pana”, (голос господина) как сформулировал тот же Лем. «Продвинутые» наци, похоже, слышали этот голос. И следовали ему, а «неспособность христиан противостоять нацистской юдофобии была обусловлена юдофобией целого ряда христианских святых, в том числе, Иоанна Златоуста, Августина, Фомы Аквинского, Мартина Лютера».

(Эмиль Факенхайм. О христианстве после Холокоста)

Семнадцатый век мы называем новым временем, но в 1659 году в городе Бамберге, насчитывающем едва ли 20 тысяч жителей, инквизиция инициирует сожжение 150 человек, среди которых 22 девочки в возрасте от 7 до 10 лет. Был там какой-то умелец, который изобрёл специальную печь для оптимизации этого дела.

Итог борьбы христианской Европы с инакомыслием и инакоуществованием (начиная с раннего средневековья и кончая серединой 19 века) ошеломляет: «уничтожение инквизицией почти девяти миллионов «ведьм», большинство из которых

были (просто) сельскими женщинами, пытавшимися сохранить древнее женское знание о лечении травами, предохранении от зачатия и акушерстве.

(Р. Метцнер)

Я рассматриваю всякую христианскую теодицею – то есть всякую попытку так называемого «оправдания Бога» – перед лицом Освенцима, как богохульство.

(Иоганн Мец)

Проработка темы: что делать с европейскими евреями, воспринимавшимися, как главное зло? «Злом» для философов и политиков начавшейся консервативной революции была, пожалуй, только высокая степень включённости многих немецких евреев в культуру рейха. Идентичность культурного призрака этническому оригиналу, собственно, их высокая способность быть немцами больше, чем сами немцы. Невыносимое для «истинного немца» (блестяще об этом – Э. Юнгер) виртуозное владение языком немецкой культуры. Их «дружба» (с ней) в упор, без фарисейства.

Её темы были многослойно еврейскими, но язык её – немецкий; роскошный, блистательный, нежный немецкий; зрелый, пряный язык, каждым своим побегом произрастающий из самого ядра творческой субстанции.

(Готфрид Бенн об Эльзе Ласкер-Шюлер)

Начавшаяся в 1939 Вторая мировая война позволила инициировать программу переселения немецких и австрийских евреев в генерал-губернаторство, которое не считалось частью рейха. Потому что в Германии, как и, собственно, на территории всей Западной Европы, уничтожить их массово не представлялось возможным... Ночью чувствуешь, что странненькие тени движутся во мраке, как будто немецкая жизнь медленно отрывается от Западной Европы и приближается к пустыням на Востоке.

(Д.Х. Лоуренс. Письмо из Германии)

И люди внезапно стали другими. Такой, по словам Эйхмана, замечательный, разумный, «свободный от ненависти и любого рода шовинизма» человек, как Франц Вальтер Шталекер, доктор права из Тюбингена и бригаденфюрер СС, был назначен

командиром айнцагруппы «А», и менее чем за год умудрился расстрелять двести пятьдесят тысяч евреев. Атмосфера была такая. Да и местное население не сидело сложа руки:

25 июня 1941 года поляки – жители маленького городка Едвабне на восточной границе Польши, после вступления немецкого гарнизона в местечко и при попустительстве местного ксендза приступили к уничтожению евреев, своих соседей. Еврейская община городка насчитывала 1600 человек, около 60% населения. Трупы бросали в сарай на окраине городка. К 10 июля оставшихся в живых согнали на центральную площадь, построили в колонны по четыре во главе с девяностолетним раввином, в руки которого сунули красное знамя, заставили играть местный оркестр и, убивая по дороге отставших, повели в сарай, где и сожгли всех вместе – живых и мёртвых. Поляки убивали евреев и в других местах: Радзвиллове, Вонсоше и Визне. В послевоенной Речи Посполитой антисемитизм получил «второе дыхание». Многие из горстки переживших Холокост стали функционерами новой власти, большинством населения воспринимающейся как оккупационная.

(Норман Дэвис. Батальон 101)

Пой же труба, пой же, / пой о моей Польше, / пой о моей маме, / там, в выгребной яме.

(Александр Галич)

Поклялся бы ты, что не тронешь / ран своего народа, / что не превратишь их в святость, / в проклятую святость, в погоне / за будущими веками?

(Чеслав Милош)

Один из «ликвидаторов» львовских евреев и координатор «резни львовских профессоров» Теодор Оберлендер, адъюнкт-профессор Института Восточной Европы в Данциге, оберштурмбанфюрер СА и политрук батальона «Нахтигаль», пережив всё, стал к 1953-му году министром по делам беженцев в правительстве Аденауэра. После скандала с разоблачением просто подал в отставку. Наказан не был.

А книга Рауля Хилберга «Уничтожение европейских евреев» сообщает подробности о сотрудничестве уже еврейских функционеров и нацистской администрации.

«На еврейских функционеров можно было положиться во всём: от составления списков людей и их собственности, и собирания с депортируемых средств, призванных возместить расходы по их депортации и уничтожению, до их отлова и посадки в поезда».

(Ханна Арендт)

Кроме набитых «под завязку» товарняков, в Трeблинку-2 из Центральной Европы регулярно следовали обычные пассажирские поезда, пассажиры которых организованно приобретали билеты (часто через агентов по продажам) в один конец. Их информировали о депортации на новое место жительства.

А возможность и необходимость изолировать какие-либо группы уже этнически своего, но нелояльного к новому режиму населения, была впервые реализована в Германии к февралю-марту 1933-го. Организация лагерей «превентивного заключения» и «правоохранительных лагерей» в болотах под Ольденбургом. Они были подчинены местному персоналу СА.

Самое интересное, что многие лагеря возникали как бы сами собой, без «понуканий» из центра. Эти лагеря (их называли «дикими») строились отрядами СА за свой счёт на голом энтузиазме и размещались часто в пустующих производственных помещениях. Так, лагерь Ораниенбург был устроен в неработающей пивоварне, и его узники размещались в погребах для охлаждения пивных бутылок. «Не существует никакого приказа или инструкции, породившей лагеря, просто однажды они возникли сами собой» — замечает шеф государственной тайной полиции Рудольф Дильс. Впрочем, эти импровизации кончились 30 июня 1934 года. Ликвидация СА, убийство Рема. И уже к концу 34-го Дильс с удовлетворением докладывает наверх, что ему удалось уменьшить количество заключённых с 30 тысяч до 2800 человек и заменить около 50 диких лагерей несколькими образцовыми государственными исправительными учреждениями.

В некрологе, который он (*доктор Геббельс. — С.Б.*) посвятил расстрелянным штурмовикам Рема, слышался призыв кошачьего мурлыканья: «Они желали революции. Вот и добились её».

(Эрнст Юнгер)

Этот же день (30 июня) можно назвать днём основания «государства SS» во главе с Генрихом Гиммлером.

На другом полюсе – погибший в бою в 42-м под Новороссийском еврейский мальчик из СССР, пророчески написавший (в поэтическом письме к другу, штурмовавшему Польшу с востока в сентябре 39-го) о подобных себе:

«Мы пройдем через это. / Как окурки, мы затопчем это, / мы, лобастые мальчики невиданной революции. / В десять лет мечтатели, / в четырнадцать – поэты и урки, / в двадцать пять занесённые в смертные реляции». (*Павел Коган. Письмо*)

До двадцати пяти он не дожил.

Впрочем, между 39-м и 41-м была Катынь.

Мальчикам – и еврейским, и «нордическим» – почти всем «продвинутым» европейским мальчикам 20-х годов рождения пришлось «пройти через это». И многим – умереть. А их мечты о жизни в «едином человечьем общежитии» обернулись «оптовыми смертями» в лагерях и гетто по всей Евразии.

Один из них, юный эсэовец Гюнтер Грасс, случайно уцелел, постепенно «въехал» в то, что произошло тогда, и через несколько десятилетий стал нобелевским лауреатом по литературе (как и его сверстник – простой солдат вермахта Генрих Бёлль).

Нужно прочесть книги Грасса «Жестяной барабан» и «Мой век».

Визионерская проработанность этого текста. Возможно – редкий случай дальнего, даже для нас, ясновидения. Этот роман – одна из самых странных теневых реальностей, созданных в XX столетии.

Незамеченный в Германии, он переводится и издаётся в СССР в 1937 году, но весь тираж немедленно уничтожается. (Современное издание – М.: Изд. Ивана Лимбиха, 2011. Новый перевод с немецкого оригинала).

А «на июнь 1936 начальная волна репрессий схлынула, многие противники режима эмигрировали, и численность узников концлагерей составляла 4761 человека (включая алкоголиков, наркоманов и профессиональных преступников) на 60 миллионов населения Германии».

(*С. Мадиевский. Рецензия на книгу Гётца Али «Народное государство Гитлера». Франкфурт-на-Майне, 2005*)

Срокá первого поколения заключённых Дахау и Бухенвальда тоже были недолгими, к лету 39-го многие вышли на свободу, и лагеря опустели.

Максимилиан Волошин в «Северо-Востоке» и Лев Гумилёв в «Этногенезе» — об ударах невидимой космической плети, бичующей наискось, пространства Евразии.

В 1929 году при Академии наук СССР создаётся постоянная Комиссия по изучению вечной мерзлоты (КИВМ). В 1931 она преобразована в Институт мерзлотоведения, располагающий сетью мерзлотных станций на северо-востоке континента. Кстати, в США и Канаде первые попытки научного исследования мерзлоты начались только спустя два десятилетия.

Трест «Дальстрой» был создан постановлением ЦК ВКП(б) от 11 ноября 1931 года и постановлением Совета Труда и Оборона (СТО) от 13 ноября. К 1953 году территория «Дальстроя» достигла 2,8 млн квадратных километров, включая в себя всю Магаданскую область, восточную половину Якутской АССР, Чукотку и Камчатку, охватив практически весь северо-восток Евразии. Поколение «детей мороза» и «белого безмолвия» было ещё живо, когда в бухту Нагаева начался массовый завоз заключённых.

Северо-восточный исправительно-трудовой лагерь (СВИТЛ) был образован в январе 1937-го, а к началу 38-го Колымо-Индигирский район «особого назначения» стал «сердцем» северо-восточной некромашины. Отдельные узлы которой были удивительно похожи на вывернутые наизнанку ацтекские пирамиды. Ледяные уступчатые призмы карьеров с медленно остывающей человеческой плотью.

Отдельных могил здесь не копали. Это было слишком расточительно с точки зрения экономии места и взрывчатки. Летом во всю длину распадка в его скальном дне взрывным способом выбивались почти километровые траншеи. Глубиной эти траншеи были, как и надлежит могиле, около двух метров, а по ширине равнялись высоте человеческого роста.

То есть обугленные солнцем и холодом тела, по меткому слову мандельштама, «осознавшие свою длину», укладывались туда, как раз, поперёк. Скорее всего, в два слоя, что составляет около десяти тысяч на траншею. Тем не менее, все эти места были тщательно картированы, к ноге каждого тела прикреплялась фанерная бирка, и планы как индивидуальных, так и массовых захоронений хранились «вечно» в спецчасти лагеря.

Но «сначала всё было по-домашнему. У входа в лагерную столовую стояла открытая бочка с рыбьим жиром, из которой каждый мог черпать бесконтрольно. Исчезла она к концу 36-го», — пишет Шаламов.

А к зиме 38-го это выглядело так:

«Много месяцев день и ночь на утренних и вечерних поверках читались бесчисленные расстрельные приказы. В пятидесятиградусный мороз заключённые-музыканты из «бытовиков» играли туш перед чтением и после чтения каждого приказа. Дымные бензиновые факелы не разрывали тьму, привлекая сотни глаз к заиндевелым листочкам тонкой бумаги, на которых были отпечатаны такие страшные слова. И в то же время — будто и не о нас шла речь. Всё было как бы чужое, слишком страшное, чтобы быть реальностью. Но туш существовал, гремел. Музыканты обмораживали губы, прижатые к горловинам флейт, серебряных геликонов, корнет-а-пистонов. Папиросная бумага покрывалась инеем, и какой-нибудь начальник, читающий приказ, стряхивал снежинки с листа рукавицей, чтобы разобрать и выкрикнуть очередную фамилию расстрелянного. Каждый список кончался одинаково: „Приговор приведён в исполнение. Начальник УСВИТЛ полковник Гаранин“».

(Георгий Демидов)

По исследованным архивным документам можно говорить о том, что в Севвостоклаге с 1932 по 1957 гг. содержалось не менее 800 тысяч заключённых, из которых погибло (умерло по разным причинам, расстреляно) до 150 тысяч.

(Архив и музей общества «Мемориал»)

Реальное количество погибших значительно больше — «Мемориал» отвечает только за поимённый (архивно достоверный) список жертв.

В 1942 году в ГУЛАГе — 372 тысячи смертей. 18,5% от общего числа заключённых.

Нужно понять странную вещь: в том же (1942) общее количество человеческих потерь в Европе (военные и гражданские потери) было не менее четырёх миллионов.

А за десять лет до этого только за один год на территории мирного СССР (вне городов) погибло от искусственного голода около 6 миллионов не «заключённых» землепашцев.

А в городах «жить было совсем невозможно — был голод, была бездомность, был ужас, который нельзя себе представить, была страшная грязь, абсолютная нищета» (Надежда Мандельштам).

Доля, собственно, ГУЛАГа (лагерной экономики) в общем объёме промышленного производства в СССР, вопреки распространённому представлению, была небольшой.

Согласно «народно-хозяйственному плану 1941 года», валовая продукция промышленности страны должна была составить 162 млрд рублей, в том числе на долю НКВД — приходился 1 млрд 969 тысяч, или 1,2%. Участие НКВД распределялось неравномерно: добыча угля — 3%, нефти — 0,7%. В станкостроительной, химической промышленности, в сельскохозяйственном и транспортном машиностроении — практически ноль. Но — 100% производства фотоаппаратов и фотоплёнки (знаменитый завод ФЭД). В деревообрабатывающей промышленности НКВД давал 10–40% продукции, ... в капитальном строительстве 14,8% всех производимых работ.

(Сергей Максудов)

Всю войну и десять лет после тётя Таня проработала на ферме, без выходных и отпусков, на руки её страшно было смотреть, и сама она стала худа до прозрачности — пройди свет.

(Александр Чудаков)

Была создана и заработала, впервые с древнеегипетских времён, инициированная русским модернизационным проектом «мегамашина». Только вектор этой модернизации был направлен назад. Штурм неба оказался дорогой в Египет. Жрецы включили реверс, мир стал проваливаться вниз, и десятки миллионов человеческих существ оказались встроенными в детали этого устройства («человейника»), успешно обеспечившего «остановку мира» и сопутствующее ей исчезновение времени. Представление о времени, как особой субстанции, которую можно (и нужно) переформатировать — один из опорных элементов советской культуры 30-х. Умный очевидец, убитый только в 1941-м, так описывает онтологию происходящего:

«Вдруг предчувствие непоправимого несчастья охватывает вас: время готовится остановиться. День наливается для

вас свинцом. Катаlepsия времени! Мир стоит перед вами как сжатая судорогой мышца, как остолбеневший от напряжения зрачок. Боже мой, какая запустелая неподвижность, какое мёртвое цветение кругом! Птица летит в небе, и с ужасом вы замечаете: полёт её неподвижен. Стрекоза схватила мошку и отгрызает ей голову, и оба они, и стрекоза и мошка, совершенно неподвижны». (Л. Липавский. Исследование ужаса).

А Шаламов пишет: «Ледяные борта ковчега / у последних моих границ/». Чтобы вернуться оттуда (с последней границы) и всё же рассказать об этом (обрести речь), Варлам Шаламов проходит обряд инициации. включающий восстановление отмершей кожи.

(Смотри: В. Шаламов. Чёрная мама.)

С этого момента он становится абсолютно одиноким и как литератор, и как человек, говорящий «голосом ночи и лунного света», не понятый никем и не нужный никому.

«Однажды Щипачёв (секретарь Союза писателей Москвы, человек, считавшийся по тем временам необыкновенно либеральным) узнал, что есть такой писатель Шаламов, и прислал своего секретаря, чтобы тот взял стихи и рассказы „для ознакомления“. Это было настолько оскорбительно, что он ничего не дал».

«Колымские рассказы» Шаламова воспринимались первыми читателями с «поставленным» литературным вкусом, как тривиальная очерковая проза. В частности, кое-что понимавший в литературе Твардовский не мог понять, что в них такого особенного. А Солженицын замечал: «Беда его рассказов, что расплывается композиция... нет цельности».

Внутренний же опыт самого Шаламова делал его абсолютно глухим к тому, что могло бы хоть как-то подсказать ему возможный «выход из мухоловки» или хотя бы направление движения. Так, он равнодушно читает ошеломившую тогда многих журнальную публикацию «Чайки Джонатан Ливингстон», в которой предприняты первые доступные тогда читателю (сегодня уже кажущиеся наивными) попытки разобраться с «внутренним космосом». С Василием Налимовым, понимающим в этих делах, и тоже бывшим колымским эком, ему встретиться не случилось.

А финал был таким: красномордые молодые парни из КГБ приехали в дом для престарелых на улице Вилиса Лациса

в Москве, вытащили его на январский мороз. «Он как мог сопротивлялся: измождённый, иссохший, этот старик отбивался, срывал с себя то, во что его пытались заматывать, вынося на январский мороз. У него началось острое воспаление лёгких и через несколько дней он умер».

(С. Григорьянц)

Вселенная его лагерного опыта замкнута. Как сфера Шварцшильда в космогонии чёрных дыр. Публикации его книг не решают проблему доступа.

Глухота. И сопутствующая ей абсолютная невозможность высказаться. Большинство советских солдат, не вернувшихся с большой войны, так никогда не смогли найти слова для этого опыта. Смерть многих из них была отнюдь не мгновенной. А выжившие обрубки прикончили уже в начале пятидесятых, забросив в товарные вагоны и вывезя невесть куда. Глухо, как из другой вселенной, доносится сегодня, что просто расстреливали и топили. Рассказать следующему поколению об этом опыте было некому. Сейчас стали появляться первые свидетельства о том, как, например, в действительности, выглядел обычный полевой лагерь для советских военнопленных. В опубликованных совсем недавно воспоминаниях немецкого охранника такого лагеря описывается толпа доходяг, пожирающая с земли (и вместе с землёй) мозги одного из их товарищей, застреленного при попытке побега. Впрочем, внятное описание будней тылового военного госпиталя 1944 года в «Весёлом солдате» Виктора Астафьева тоже впечатляет.

А вот воспоминания фронтового связиста: «Огромное пространство до горизонта было заполнено нашими и немецкими танками, а между танками тысячи стоящих, сидящих, заживо замёрзших наших и немецких солдат... обнявшие друг друга, опершиеся на винтовки, с автоматами в руках. У многих были обрваны ноги. Это наши пехотинцы, не в силах снять с ледяных ног фрицев новые сапоги, отрубили ноги, чтобы потом в блиндажах разогреть их и вытащить, и вместо своих ботинок с обмотками надеть новые трофейные сапоги. К весне 43 года ослепло около трети нашей армии, и солдаты ползали по земле в поисках любой живности. Чтобы стало лучше, достаточно было съесть кусок печени вороны, зайца, убитой и разлагающейся лошади».

(Леонид Рабичев. Война всё стпшет)

А вот как зимой 1942 года это же самое: (гемералопия) выглядело в тыловом лагере подготовки призывников на моей «малой родине», рядом с Бердском: «Бродят по казармам, держась за стены, человеческие тени, бродят, словно по текущим облакам, высоко поднимая ноги, шатаюсь, падая. Выбираются на улицу, тащатся к помойкам, нащупывают в них очистки, кожуру, жуют грязные отбросы, ослеплённые болезнью, нечаянно сталкиваются друг с другом, с визгом и плачем схватываются драться, да с такой дикой осатанелостью, что дневальные по казарме едва их растаскивают».

(Виктор Астафьев. Прокляты и убиты)

Восточная Пруссия, февраль 1945. Войска наши настигли эвакуирующиеся из Гольдсдама, Инстербрука и других оставленных немецкой армией городов гражданское население.

На повозках и машинах, пешком старики, женщины, дети, большие патриархальные семьи медленно по всем дорогам уходили на запад. Наши танкисты, пехотинцы, артиллеристы посбрасывали в кюветы повозки с мебелью, отеснили в сторону стариков и детей, набросились на женщин и девочек... Обливающихся кровью и теряющих сознание отгаскивали в сторону, бросающихся им на помощь детей расстреливают... Полковник занимает очередь, а майор отстреливает свидетелей — бьющихся в истерике детей и стариков.

(Леонид Рабичев. Война всё спишет)

Примерно четверть немецких беженцев, два миллиона человек, погибли в результате финального наступления Красной армии.

«Бесчеловечная месть в отношении этнических немцев со стороны партизан и солдат Народно-освободительной армии Югославии после освобождения страны...»

По официальным данным — около 140 тысяч уничтоженных этнических немцев... Среди них — около 20 тысяч детей, удушенных газом. Террор продолжался до конца 1945 года, после чего оставшиеся в живых были изгнаны в Германию.... Итог террора в Югославии за год *(после окончания войны! — С. Б.): 1 миллион 900 тысяч человек убитых».*

(Документы об изгнании немцев из Восточной и Центральной Европы.

Цит. по: М. Семиряга. Коллаборационизм. М., 2000)

«Сараево, 1946. Здесь, как и в Белграде, я вижу на улицах большое количество молодых женщин с седеющими или совершенно седыми волосами. Их лица измучены, но всё ещё молоды, а формы тел выдают их юность ещё очевиднее. Мне кажется, что я вижу, как рука последней войны прошла по головам этих хрупких существ.

Подобное зрелище нельзя сохранить для будущего. Эти головы вскоре станут совсем седыми и исчезнут. Жаль. Ничто не могло бы рассказать более наглядно следующим поколениям о нашем времени, чем эти юные седые женщины, у которых украдена беззаботность юности. Пускай память о них останется хотя бы в этой краткой записи».

(Иво Андрич. Записки у обочины)

И прямо со страницы альманаха, / от новизны его перво-
статейной, / сбегали в гроб — ступеньками, без страха, / как
в погребок за кружкой мозельвейна.

(Осип Мандельштам)

Фашизм — это рыцарство, аристократическое продолжение старых династических правил... Двоякодышащее, духовно-чувственное собрание мёда аскезы.

(Александр Гольдштейн)

А Сергей Королёв, доходяга на колымском прииске Мольдяк, узник московской спецтюрьмы НКВД, создатель управляемой жидкостной ракеты с автономной устойчивостью, главный конструктор советского космического проекта (до 1965 года — лидер в гонке между СССР и США на приз Луны) в 1966 умирает на операционном столе, поскольку следователи Лубянки Шестаков и Быков ещё в 1939 году раздробили ему обе челюсти в ходе допросов, и хирург не смог ввести в почти не открывающийся рот трубку для подачи наркоза.

Тяжёлый shopping, медиа и интернет, полное забвение бытия во имя торжества виртуальных практик, как альтернатива «мёду аскезы». Всё это сомнительное сооружение начало размываться на наших глазах. И итог — это неизбежное для нашей реальности «соскальзывание человека к антропологической границе».

(Сергей Хоружий)

Я видел ад и дьявола, смерть, видел чудовищные вещи. Я стал свидетелем (*и усердным участником — С.Б.*) разрушительного безумия.

(Адольф Эйхман. Из дневника)

2.

В СССР — большой стиль, большой террор, большая жертва. Значимый топос этой России: окраина города. Лимб. Рабочие посёлки на окраинах больших городов. Трудовые гетто. Места смерти чуть дальше — за городом, например: Бутовский полигон. Например: Каштак — за северной окраиной Томска. Пригородные леса и овраги любого полиса СССР.

В 1937–1938 гг. в СССР было произведено 3141444 ареста (ЦА ФСБ). Традиционно принятое число за эти же годы: 682 тысячи расстрелов. Новейшие исследования уточняют: от 725 до 740 тысяч.

Пейзаж городской окраины, переходящий в топос инферно.

«Некоторые разновидности ада состоят из заурядных построек, расположением своим напоминающих окраинные улицы и переулки».

(Эмануил Сведенборг).

До конца я не верил, что, как и все, я тоже. / После я брёл в колее, в слякоти, по просёлку, вдоль фанерных бараков. / Изредка возникало нечто из камня, заросшее чертополохом. / Грядки с картошкой, окружённые колючкой. / Здесь отвыкли от возмущенья и от цветов. / Сухая герань в консервных банках, запорошенная слоем пыли из будущего. / Наяривали патефоны, повторяя то, чего не существовало...

(Чеслав Милош)

Ленинградская блокада (1941–1944).

17 июня 1941 года 1-я (элитная) танковая дивизия РККА была поднята по тревоге, погружена на железнодорожные платформы и двинулась на север. Её выгрузили на станции Аллакурти в 60 километрах от финской границы и за 1,5 тысячи вёрст от ближайшей точки фронта начавшейся вскоре войны с Германией.

В эти же дни, на фоне разгрома вермахтом северо-западной группы войск РККА, «сотни танков уходят на север, в Гатчину, т. е. в прямо противоположном от линии фронта направлении. А на рассвете 25 июня 1941 года воздушная армада из 263 бомбардировщиков и 224 истребителей была брошена на Финляндию».

(Марк Солонин)

В ответ Финляндией была объявлена война, сделавшая топографически возможной блокаду Ленинграда. Результат — около 1 миллиона смертей только гражданского населения. Блокада, как искусственная конструкция. Средства доставки продовольствия населению города и пространственный коридор существовали. Кольцо блокады не было замкнуто.

Фундаментальным аргументом, подтверждающим это, являются официальные цифры снабжения города в осеннюю навигацию 1941 года: 45 тысяч тонн продовольствия. А в навигацию 42 года (20 мая 1942 — 8 января 1943 года) — в «блокированный» город этим же путём было доставлено 400 тысяч тонн. На порядок больше. Только было уже поздно. Вместе с данными о подготовке большого взрыва Ленинграда силами НКВД и военных (около 50 тысяч заминированных объектов), намеченного на зиму 41–42 годов, который похоронил бы под обломками большую часть населения, рассматриваемого военным и партийным начальством как балласт, — становятся понятными внутренние скрепы этого устройства.

«Блокада была реальностью другого порядка. Там внутри ада был ещё какой-то ад. Или даже несколько. Что-то такое, чего психика бывших там людей не воспринимала. А в чьей случайно отразилось, тот сразу же забыл. Или погиб. Из бывших же там (не нахожу слова — ну, возьмём термин условный: допустим, дьяволов) ни один не проговорился».

(С. Гедройц)

Впрочем, один из тех (ставших жертвой), кто попытался и в этом случае «проговориться», «покаявшись поэзией», получил вот такой результат: «Я девушку съел, хохотунью Ревекку, / и ворон глядел на обед мой ужасный. / И ворон глядел на меня, как на скуку, / как медленно ел человек человека, / и ворон глядел, но напрасно /, не бросил ему я Ревеккину руку».

(Геннадий Гор. Февраль 1942)

С первого января по двадцатое ровно ничего не выдавали. Начались повальные смерти. Никакая эпидемия, никакие бомбы и снаряды немцев не могли убить столько людей. Люди шли и падали, стояли и валились. Улицы были усеяны трупами. В аптеках, в подворотнях, в подъездах, на порогах лестниц и входов лежали трупы. Дворники к утру выметали их, словно мусор, больницы были забиты тысячными горами умерших, синих, тощих, страшных... Мы знали, что гибель от голода запертых в ящик пяти миллионов людей не ослабит героизма наших сытых главарей. Здесь действовал обычный закон истаптывания человека. Он именовался отвагой, героизмом осаждённых, добровольно-де отдававших жизнь Отчизне.

(О. Фрейденберг. Из переписки с Борисом Пастернаком)

Точка невозврата была перейдена к началу 1942. Именно тогда, по воспоминаниям выживших, в один из январских дней полчища крыс покинули город. Несколько часов они «текли» по улицам плотной, седой от холода массой, а потом исчезли.

Количество арестованных за людоедство лавинно растёт.

За первую декаду февраля — 311, на 13 марта — 1171, к 14 апреля их уже 1557, на 3 мая — 1739, на 2 июня — 1965 человек.

Это из оперативных сводок НКВД, и абсолютно ясно, что это только «вершина айсберга». Есть людей — становится бытом, и человечина плотно входит в «пищевые ЦЕПОЧКИ обмена».

(Цифры по: Н. Ломагин. В тисках голода. Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб и НКВД. СПб, 2000. Тираж 300 экз.)

Лидия Гинзбург, волею судеб оказавшаяся в блокадном Ленинграде, в своих записях, отступая к последней границе, попыталась рационализировать происходящее. Она находит странный ответ на экспансию «враждебного мира, эмансипирующегося от всех сдерживающих факторов», на «откровенно действующее социальное зло» — «аскетическая гражданственность». Вроде как римское чувство жизни в новых условиях.

Где здесь самоцензура, а где голодный садомазохизм, настоящий на доморощенном гегельянстве — теперь уже не разобрать.

Только потом она всё же проговаривается: «Происходили вещи самые страшные из всех когда-либо происходивших... Но они были целиком выключены из печатного поля сознания».

Битая в «большом доме» до потери там нерождённого ребенка, а до этого пережившая расстрел мужа, Ольга Берггольц поэтически бредит Сталиным, называя его в одном из стихов «нашим старым блокадником».

А в поэме Н. Тихонова Киров по-хозяйски шагает мёртвым городом. Так сказать, вурдалаки на обходе.

(В конце 80-х прочёл щедрую документированную фотографией статью о деятельности кондитерского цеха в блокадном Ленинграде. Естественно, находился он в подвале Смольного. Наверное, недалеко от тренажёрного зала, где Жданов сбрасывал избыточный вес. До сих пор с трудом понимаю это. — С. Б.)

Собственно, русское гетто — место высокой концентрации людей, собранных по социальному, профессиональному или этническому тождеству в ландшафтной складке. Они роют землянки, истачивая её склоны. Входя в эти жилища, они попутно входят в состав почвы, усваивая физиологию и этику перегноя. И здесь тоже есть своё «дно», и свои элитные помещения. В лагерях русского Севера жилища учёных и инженеров (геологов, топографов, специалистов по мерзлоте) так и называли: «ум-нора». Иногда насельники этих нор намертво срастались с ними. Так, внучатый племянник знаменитого русского этнографа Миклухо-Маклая, геолог, заключённый Ухтпечлага, отказывался после истечения срока покинуть место проживания, и был насильно вывезен другом за пределы территории лагеря.

(Гулаговские тайны освоения Севера. М., 2001)

Мы останемся грязью, плевком в тени, / за скамейкой, где угол пробиться лучу не даст. / И слезимся там, не считая дни, / в перегноной, в осадок, в культурный пласт.

(Иосиф Бродский)

В случае СССР ни проволока, ни стена, огораживающая территорию, ПРОСТО не были нужны. Происходил естественный осмос людских молекул из «девятого круга» раскулаченной деревни в «восьмой» — ударных строек первой пятилетки. Барак под снегом для сотен тысяч был единственной альтернативой ужасам голодной смерти.

Сама же деревенская жизнь уже с начала двадцатых (правда, с некоторым перерывом в их середине) выглядела, например, так:

«За кус говядины с печёнкой сосед освеживал мальчонку, / и серой солью посолил / вдоль птичьих рёбрышек и жил./ Старуха же с бревна под балкой / замыла кровушку мочалкой./ Опося, как лиса в капкане, / излилась лаем на чулане, / и страшен был старуший лай».

(Николай Клюев)

Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем... с самой бешеной и беспощадной энергией... обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей.

(Ульянов-Ленин)

Профессор-зэк, к этому времени уже почти ослепший, отвечает в такт: «Лжеумствующим же, что имя отделимо от сущности и не есть сама сущность,.. — таковым... трижды анафема да будет!»

(Аза Тахо-Годи. Лосев)

Очень интересно ощущение полной и твёрдой авторской уверенности в благополучном исходе — в интонации этой фразы. Как у пилота, точно знающего, что его глиссада при заходе на аэродром прилёта безупречна. Слово он знал, что проживёт почти столетие.

В написанном в юности «Скрябине» он вглядывается в эйдос «бездны», совершенно лишённый запаха, цвета и местной специфики: его восприятие этих дел опирается, похоже, на гимназические чтения эврипидовских «Вакханок», и топографические медитации над формой груди великой княгини, улыбаясь глядящей на него с дагерротипа. Здесь умственна (интеллектуальна) — каково словечко! — даже «бытийственная гущь», и всё происходит только внутри головы. Он ещё не знает, что «прибрежьями закатного Бога» для него станут Соловки.

Это «мозолисту (намозоленному от интеллектуальных усилий) телу» головного мозга «хочется ломать и бить, убивать и самому быть растерзанным...». Это всё — нервы. Но — время другое.

И он не в Верхнем Энгадине. И вот чекисты приходят в особняк на Воздвиженке и забирают библиотеку и её владельца.

А «эйдос» снега (уютную философскую кюветку внутри голы) — заносит просто снегом. И призывы милости к «падшим», и «подаренный тулупчик», — вот-вот обернутся обычной эковской смертью. Это не ссылка. Всё — серьёзное. И «светят» ему не сияющие голубые песцы в енисейской ночи, а подкрадывается дышащий в затылок реальный русский п...ц.

«И когда я околею на своём сторожевом посту, на морозе и холоде под забором своих дровяных складов, и придёт насильно пригнанная шпана (другой никто не идёт) поднять с матерщиной мой труп, чтобы сбросить его в случайную яму... и вот нет ни Родины, ни родных, ни неба, ни сладости бытия!..»

(А. Ф. Лосев. Стрась к диалектике. М., 1990. С. 306)

Краевед из Магадана, посетивший в 1989 году остатки лагеря Бутугычаг («долина смерти» в переводе с якутского) находит там штольни, забытые мумифицированными телами в лохмотьях истлевшей одежды, а среди ярких полярных цветов — десятки черепов с поперечным распилом над лобными долями, растащенные местной живностью по всей долине, ещё — «мешки с женскими волосами. Большие, полные, почти в мой рост».

(Сергей Мельникофф)

Качалась на воде коряга, / светило солнце с высоты./
У белых гор Бутугычага / цвели полярные цветы.

(Анатолий Жигулин)

Там добывали урановую руду, и существовал закрытый медицинский объект, на который, получается, привозили заключённых с разной степенью лучевого поражения. Их, доходяг, расстреливали, а потом немедленно (в первые несколько минут после смерти) извлекали мозг для анатомического исследования. Характер распила свидетельствует о высокой технологичности исполнения. Применялась, видимо, стационарная электрическая высокооборотная циркулярная пила. И, следовательно, был конвейер, обеспечивающий высокую скорость подачи «материала» к операционному столу.

...А гуси плыли синим миром, / скрываясь в небе за горой.
/ И улыбались конвоиры, / дымя зелёною махрой.

(Анатолий Жигулин)

Ослепительно белые совершенно беззвучные птицы с круглыми глазами, «полными ненависти ко всему живому», пикирующие на продуктовый склад ликвидированного лагпункта «Рыбачий» на севере Таймыра. Сука-зима (минус 50 – при скорости ветра 30 метров в секунду), непрерывно щенящаяся мёртвой человечинной. Условно живые, в палатках, отапливаемых лигнитом – слабо разложившимися древесными остатками, цементированными землистым углём. Кусок антрацита, как премиальная добавка в особенно лютые морозы и пургу. Семь штолен, уходящих под уклон внутрь приземистой горы.

Лагерь возник в 1947 году. Спустя несколько лет государственная приёмная комиссия забраковала всю добытую там руду из-за слишком низкого процента урана, содержащегося в ней. Бочки с концентратом вывезли в Ледовитый океан и затопили. Остались просевшие могилы и склады с тысячами тонн оборудования и пищевых продуктов, никому не нужные и просуществовавшие до конца 70-х годов, когда геолог (автор статьи) случайно наткнулся на них. Он пишет о полярных зайцах, плодящихся внутри коридоров, образованных длинными, «на сотни метров», штабелями из мешков с мукой, крупами, горохом, сахаром, ящиков с проржавевшими банками стужёнки и рыбных консервов. «Создание размером с хорошего ездового пса, сплошь покрытое серой лоснящейся шерстью... зверь едва ковылял на коротких и толстых кривых лапах и явно страдал одышкой... Они жили прямо среди мешков с мукой и крупой, питаясь их содержимым. Здесь же, возле этих мешков, они, видимо, спаривались и рожали себе подобных... Волки же, их главные враги, не могли побороть страх и отвращение ко всему, что связано с человеком, и внутрь продуктового города-склада проникнуть даже и не пытались». (Евгений Вишневецкий. Рыбачье счастье полярных зайцев)

То звёзды надо мной, то солнца красный мяч, / и жизнь моя, как остров, коротка. / Мы встретимся с тобой на острове Вайгач, / где виден материк издалека.

(Александр Городницкий. Остров Вайгач)

То есть всё-таки был построен «полный изм» в одной точке на северной оконечности этого материка (откуда виден остров Вайгач) для отдельно взятой популяции местных четвероногих. А в 1947 году, когда «контора» стала завозить туда продукты, в СССР разразился очередной голодный мор, унёсший жизни более полутора миллионов человек. А около ста миллионов просто голодали. При этом экспорт зерна из страны в 1946–1947 гг. достиг 5,7 миллионов тонн.

Идущая от Достоевского через позднего Льва Толстого традиция считать палача и убийцу жертвой — более чем саму жертву:

«Есть высокое что-то в оправдании зла — свет слепящий кивота, чудодейная мгла и чуть видные в тверди берега божества — позывные ли смерти, чувство ль с небом родства?»

(Моисей Цетлин)

Послесловие

16 лет назад, вернувшись с первой чеченской, я ещё не понимал, что невзначай приобрёл опыт, достаточно редкий для человека своего поколения и образа мыслей. Но уже тогда понял одну вещь: опыт границы (наблюдателя которой размазали по плоскости амальгамы зеркала) даёт возможность двойного зрения: брошенный мордой в крошево погибшего мира, ты, темным глазом, что ли, начинаешь как-то различать то, что ещё не произошло. Качество разрешения в этой оптике оставляет желать лучшего, но у уже к концу 1996-го я сумел сформулировать, что «выбрав сценарий Чечни, Россия прорвалась в очень нежелательный вариант будущего». Тогда я кричал об этом, не понимая, что главным был не текст, а сам «крик», и меня тоже не понимали, поскольку, когда кончилась «зачистка» там, началась полировка здесь, и кричащие перестали восприниматься всерьёз. И когда второй раз «наступили на грабли» в двухтысячном — это уже казалось привычным и не важным.

Опыт смерти других на фоне наступающей «стабильности» был для очень многих какой-то досадной помехой, и гетто Чечни стало просто слепым пятном. Так что локальные инферно «Норд-оста» и «Беслана», зародышевые капсулы нашего ближайшего будущего, практически всеми были восприняты вне большого контекста — вне того, что, собственно, уже случилось. А случилось — вот что:

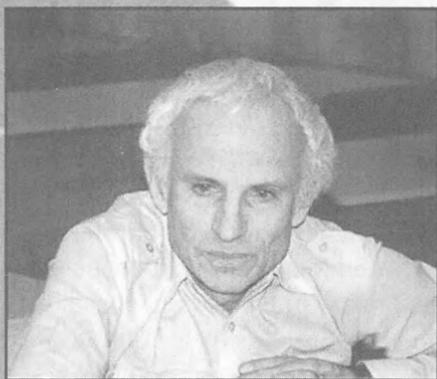
Он очутился в этой засыпанной снегом лесополосе, выпрыгнув из машины, тут же ушедшей куда-то в сторону. И ещё не успел оглядеться, как зависшая над дорогой «вертушка» стала обрабатывать пустое поле слева от него. Ему казалось, что там, вверху, кто-то прикуривает, ломая отсыревшие спички одну за другой, и бросает их вниз, в темноту. Потом его швырнуло на мёрзлые чёрные листья, и в исчезнувшем мире из всех ощущений ему был оставлен только сильный свежий запах расщеплённого дерева.

Открыв глаза, он увидел тусклые звёзды, смотрящие на него через присыпанные снегом рёбра собора со снесенным порталом. Потом, чуть повернув голову, он внезапно сместившимся взглядом окинул то, что лежало почти вплотную к нему, и, припомнив строчку старых стихов, решил, что здесь совсем нет той недоброй тяжести, без которой никогда не обходится большая архитектура. Потом он подумал, что если лежать неподвижно, то «хвост Медведицы» пройдёт между третьим и четвёртым ребром ещё задолго до того, как наступит рассвет.

Он ещё раз вспомнил стихи и понял, что они неплохо звучат и теперь, на исходе его и их века, но уже мало что значат.

Плоть мира, в которую был кем-то втиснут и тот далёкий собор, и эти искромсанные осколками дерева, и отполированная собачьими зубами и ветром грудная клетка человека, прижавшаяся к нему, уже не нуждалась в словах, а была только последним домом для камня, дерева, путника, тумана.

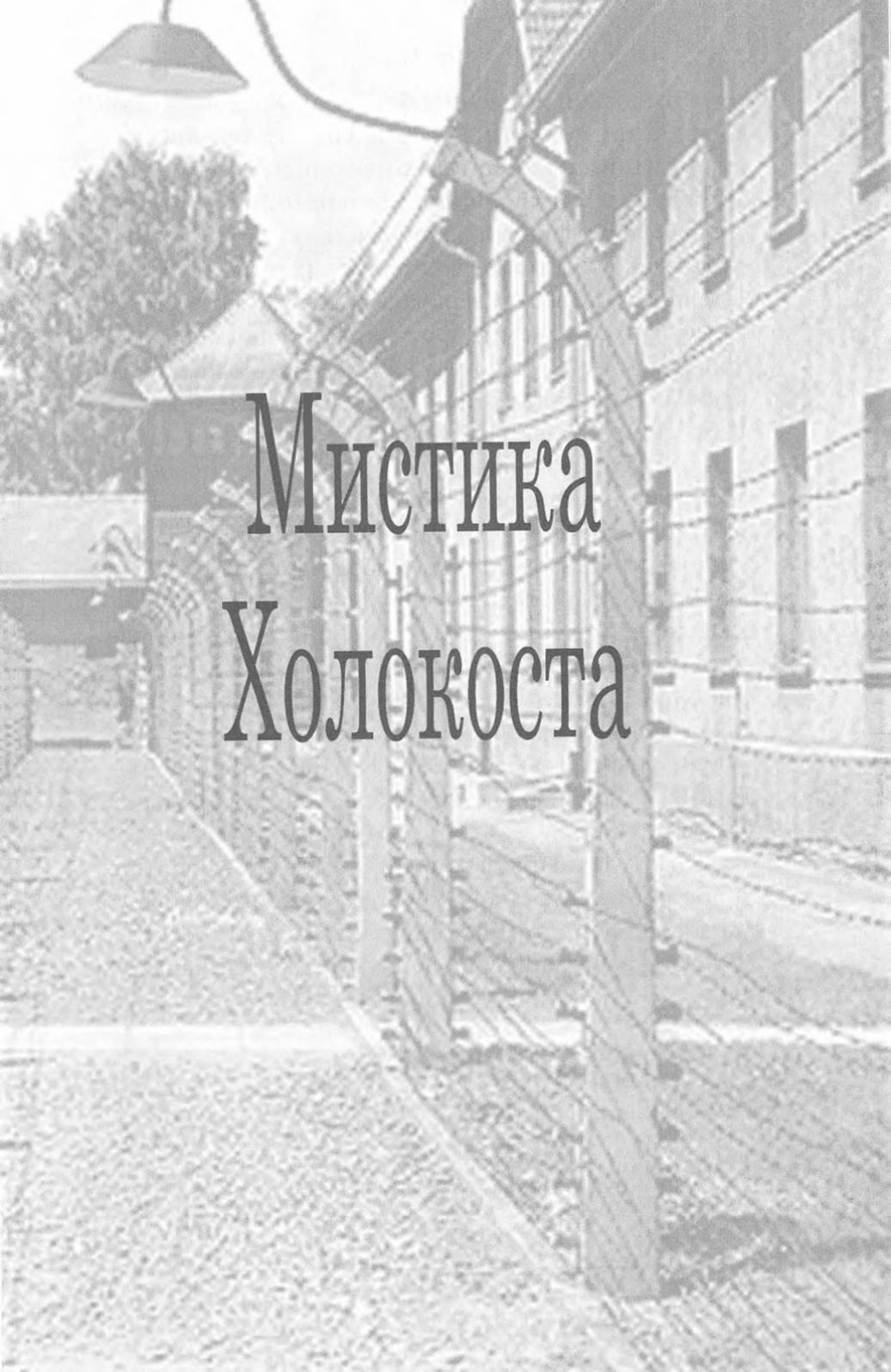

Михаил Штеренберг

Во-первых, почему я обратился к теме Холокоста — одной из актуальнейших тем как для иудеев, так и для христиан? По-видимому, потому, что являюсь евреем не только по своей внешности, но и по всему складу своего характера, с одной стороны, и с другой — потому, что являюсь христианином и человеком, впитавшим с раннего детства русскую культуру. Символично, что крещение моё в 1986 году состоялось в храме прекрасного русского священника Валерiana Кречетова, а духовником моим, с которым обсуждались научные и религиозные тексты в последние годы вплоть до 1990, явился о. Александр Мень.

Итак, кратко о себе и своём пути. Штеренберг Михаил Иосифович, родился 12 января 1934 года в городе Одессе. В 1956 г. окончил Московский нефтяной институт. С 1972 г. кандидат технических наук в области теплоэнергетики. Автор ряда изобретений и публикаций в данной области. С 1967 г. мои работы опубликованы в ряде академических и других научных и философских изданий, сборнике ЮНЕСКО и т. д. по исходным положениям

A black and white photograph of a concentration camp. In the foreground, there is a path made of gravel or dirt, flanked by multiple strands of barbed wire. To the right, a large, multi-story building with many windows is visible. In the background, there are trees and a street lamp hanging from a pole. The overall atmosphere is somber and oppressive.

Мистика Холокоста

теоретической биологии, биофизики, теории биологической эволюции, теории систем, теории информации и кибернетики, термодинамики, проблемы времени, философии истории, теории познания, педагогики, экономики, культурологии, синтеза научного и религиозного знания.

Поскольку всегда зарабатывал трудом, не относящимся к проблемам теоретической и философской проблематики, это позволило мне самому выбирать темы интересующих меня исследований. Обращался к ним только в случае, если возникали идеи принципиально нового характера, и впоследствии обсуждал их в профессиональных аудиториях. Но все они объединены одной темой: поиском смысла жизни с позиций науки, философии и религии. В настоящее время этому посвящены более ста работ в перечисленных областях знания. В том числе книг: «„Роза Мира“ Даниила Андреева и современность» М., 2000; «Физическая сущность жизни и начала теории организованных систем» М., 2003; «„Вечные вопросы“ в свете науки, философии и религии» М., 2004; «Синергетика: наука? философия? псевдорелигия?» М., 2007; «Биоэволюция (Синтез научных и религиозных представлений о жизни)» М.: Волшебный фонарь, 2009; «Разрешимы ли актуальные вопросы современности?». Saarbrücken, 2011. Ряд работ опубликованы в США и Германии.

Мы удивительный народ
 Среди людской реки —
 И пишем мы наоборот,
 И живы вопреки.

Игорь Губерман

Введение

Холокост (от англ. holocaust, из др.-греч. ὁλοκαύστος — «все-сожжение») или Шоа, Катастрофа на иврите — массовое уничтожение вначале немецких, а затем европейских евреев немецкими фашистами на протяжении 1933–1945 годов и коллаборационистами во время Второй мировой войны*.

Ныне в Германии за отрицание Холокоста люди могут получить серьёзные сроки тюремного заключения. Подобные поступки могут иметь сходные последствия и в других странах Запада. Однако попытки отрицать Холокост не прекращаются до настоящего времени и за пределами Запада (палестинцы, Иран, а также многие партии в мусульманских странах). В связи с этим возникает необходимость осмыслить заново факт Холокоста и причины его отрицания. Поскольку на эту тему написаны тысячи книг и статей, то новая работа будет иметь смысл только в том случае, если она рассмотрит эту актуальную до сих пор тему лишь с принципиально новых позиций.

Попытаемся вначале кратко проанализировать возражения против факта Холокоста. Его отрицание со стороны палестинцев и Ирана непосредственно связано с целью обосновать своё официально заявляемое стремление уничтожить демократическое государство Израиль, члена ООН, и поэтому не имеет под

* Эти и ряд других материалов взяты из Википедии. Специальные ссылки на материалы из Википедии даются в случае, если они заимствованы из помещённых там статей авторского характера.

собой ни политического, ни морального обоснования. Что же касается отдельных лиц на Западе, то они утверждают, что уголовное преследование их за отрицание Холокоста представляют собой покушение на основу демократии — свободу слова, что, согласно З. Фрейду, чувство вины ослабляет нацию, что это способ выкачивать из Германии средства на компенсации евреям за то, что во Второй мировой войне погибли десятки миллионов людей, что делает концентрацию общественного внимания на «всего» 6 миллионах погибших евреев неправомерной. Очевидно, что в этих людях остаётся по-прежнему та ненависть к евреям, которую в течение почти двух тысячелетий культивировали христианские Церкви, а затем и немецкие фашисты. Ненависть, которая вообще унаследована людьми от животных стай, в которых прекращалась внутренняя борьба за власть и средства существования лишь при появлении реального или вымышленного врага.

Рассмотрим теперь проблему реальности Холокоста. Генеральная Ассамблея ООН без голосования в резолюции № 60/7 от 21 ноября 2005 года на базе огромного количества документов и их исследования отвергает любое полное или частичное отрицание Холокоста как исторического события.

Число в шесть миллионов евреев, уничтоженных фашистами и коллаборационистами, закреплено в приговорах Нюрнбергского трибунала. Сделано это также на основе тщательнейшего исследования многих историков и специальных комиссий. В связи с этим Генеральная Ассамблея ООН провозгласила 27 января, день освобождения Освенцима, Международным днём памяти жертв Холокоста. Отсюда очевидно, что *возвращаться снова к теме реальности Холокоста не имеет смысла.*

Теперь рассмотрим вопрос о гибели людей разной национальности во время Второй мировой войны. Да, в её мясорубке погибло гораздо больше людей разных национальностей. Издревле одной из целей войн всегда было уничтожение противника как на фронте, так и в тылу. И в этом отношении Вторая мировая война отличается от Первой мировой войны и других войн лишь масштабами злодейства, обусловленного научно-техническим «прогрессом», и недостойного поведения существ, называющих себя Homo sapiens.

Но на войне обе воюющие стороны стремились уничтожить военный потенциал противника, его живую силу и эко-

номику. При этом, взятые в плен солдаты и население территорий, захваченных у противника, уничтожению не подлежали. Что же касается евреев, то здесь необходимым и достаточным признаком для их уничтожения являлась национальность независимо от того, к какой из враждующих сторон относится их гражданство.

В отношении же чувства вины, которое якобы ослабляет нацию, А.И. Солженицын справедливо отметил, что прежде, чем Германия поднялась из руин, её окутало облако покаяния. И ныне кающаяся Германия — передовая в экономическом отношении страна Европы. И те жалкие средства, выделенные Германией на компенсации евреям (и, кстати, не только им), никак не сравнимы с ценностью людей, уничтоженных геноцидом еврейства, да и не обременили существенно экономику этой богатой страны. Что же касается свободы слова, то как ещё говорили древние греки: «Всякая хорошая мысль, продолженная в бесконечность, приводит к нелепости». Но это было сказано о хороших мыслях. На Западе помнят, что всё началось с преследования евреев в Германии, а завершилось Второй мировой войной. Поэтому введение уголовной ответственности за отрицание Холокоста является просто мерой самосохранения народов против угрозы очередной мировой трагедии.

Теперь попытаемся проанализировать причины Холокоста первоначально с исторических позиций. Целенаправленное стремление уничтожить евреев со стороны разных народов насчитывает историю примерно в три с половиной тысячелетия, т. е. с момента их возникновения. Еврейские мистики считают европейский Холокост третьим по счёту после разрушения первого и второго храмов в Иерусалиме. Но можно вспомнить и другие удары судьбы, которые поставили еврейский народ на грань уничтожения. Причём эти попытки можно разделить условно на два вида — физическую и духовную. К попыткам физического уничтожения еврейства можно отнести египетский Холокост и Холокост ассирийский, итогом которого явилось растворение 10 из 12 колен Израиля, угнанных в плен и затерявшихся среди народов Ближнего Востока. Были два римских Холокоста. Было множество относительно меньших Холокостов в странах рассеяния. Достаточно вспомнить Холокост, приведший к почти тотальному уничтожению евреев на Украине и в Белоруссии Богданом Хмельницким, антисемитов прибалтийских

республик, уничтожавших евреев во время Второй мировой войны с большим энтузиазмом и скрупулезностью, чем немецкие фашисты, и т. п. Готовился и сталинский Холокост, начавшийся с уничтожения Еврейского антифашистского комитета в 1952 году, когда были расстреляны 110 человек, представлявших цвет еврейской интеллигенции. Затем последовало «дело врачей», которое явилось уже непосредственной подготовкой Холокоста в СССР в 1953 г., которая была остановлена лишь со смертью Сталина.

Кроме стремления уничтожить евреев физически, на протяжении всей истории еврейского народа неоднократно предпринимались попытки их духовного уничтожения. Таковой была деятельность Антиоха IV Эпифана (215–164 до н. э.), осквернившего Иерусалимский Храм и установившего в нём языческих идолов. Ещё до того, как христианство стало государственной религией Рима, среди христиан появляются течения, отвергающие иудаизм. В 140 году н. э. в Риме появился богатый судовладелец Маркион, который решительно отвергал Ветхий Завет, утверждая, что тот повествует о немилосердном Демиурге, а предсказанный там мессия является антихристом. К чести первохристиан следует сказать, что его учение было объявлено ересью, а крупная сумма денег, внесенная им в общину, была ему возвращена.

Немалую роль в дискредитации евреев и иудаизма сыграли и почитаемые христианские святые. Например, многие православные святые, такие как святитель Иоанн Златоуст, Феофилакт Болгарский, Иоанн Кронштадтский*, святитель Кирилл Патриарх Александрийский, преп. Макарий Великий и многие другие. Они, в том числе и св. Иоанн Златоуст, не скупились и в таких названиях иудеев, как свиньи и козлы, а синагоги называли «жилищем демонов, где не поклоняются Богу, там место идолослужения» [1].

Как писал св. Иоанн Златоуст: «А вы, братья мои христиане, не пресытились ли ещё борьбою с иудеями? Знайте же: кто не пресыщается любовью ко Христу, тот никогда не пресытится

* В то же время он писал после жестокого кишенёвского погрома 1903 года: «Русский народ! Братья наши! Что вы делаете? Зачем вы сделали варварами-громилами и разбойниками людей, живущих с вами в одном отечестве!»

и войной с врагами Его...» [2, 645–759]. Остаётся добавить, что этот его труд рекомендован к печати Отделом по религиозному образованию и катехизации Московского Патриархата.

Впрочем, подобную же терминологию после раскола христианских церквей на Католическую и Православную в 1054 году, в течение восьми веков использовал и ряд христианских святых, уже не только по отношению к евреям, но и по отношению друг к другу. Не потому ли в XIX–XX веках перед лицом всеобъемлющего кризиса христианства — массового ухода людей из Церкви и распространения атеизма — многим христианам стало ясно, что его преодоление возможно лишь в совместном свидетельстве. Но его-то и не могли дать разделённые церкви. Падение именно в это время старого типа церковно-государственных отношений, придало церквям сил для поисков на этом пути... XX век стал веком нового узнавания церквями своего призвания к единству в любви, временем преодоления разделений и исторической инерции. В 1964 году Папой Римским Павлом VI и патриархом Константинопольским Афинагором I были «изъяты из церковной памяти и среды» акты отлучения 1054 года, что стало «выражением искренней взаимной воли к примирению» [3]. Шаг, который, безусловно, можно приветствовать. Но возникает естественный вопрос: из-за чего восемь веков «любвеобильные» христиане поливали друг друга грязью и кровью? Может быть, через два тысячелетия подобные же примиренческие соображения возникнут и по отношению христиан к евреям?

Хотелось бы думать, что в наше время ненависть между различными религиями и внутри религиозных конфессий стала достоянием истории. Действительно, в Европейский Союз вошли страны всех христианских конфессий, и их интеграция в Соединенные Штаты Европы, преодолевая кризисы, становится со временем всё более и более реальной.

Что же касается вопроса о новом Холокосте, то он стоит практически так же остро, как и во времена нацизма. После возникновения государства Израиль окружающие его страны ислама напрямую ставили вопрос о его уничтожении. С 1948 по 2000 год произошло порядка десяти арабо-израильских войн и серьёзных конфликтов, в которых против Израиля принимало участие до семи арабских стран, открыто ставивших целью уничтожение еврейского государства и, фактически,

всего его населения. Потерпев ряд тяжёлых поражений, арабы вынуждены были пойти на разные формы мира и перемирий, не оставив, однако, своих прежних целей. В настоящее время над Израилем возникла дополнительно новая, ещё более серьёзная угроза. Иран, открыто провозглашающий своей целью уничтожение Израиля, несмотря на новые и новые санкции со стороны стран Запада, уверено движется к созданию ракетно-ядерного оружия. Беспокойство стран Запада успехами военно-промышленного комплекса Ирана, обусловлено не столько заботой о существовании демократического государства Израиль, сколько тем, что иранское оружие может быть обращено против них. Более того, в европейских странах явно отмечается рост антисемитских настроений.

Анализ проблемы антисемитизма с исторических позиций

Чем же продиктовано стремление антисемитов к «окончательному решению еврейского вопроса»? Завистью, вызванной успехами евреев в различных областях деятельности?

Действительно, Господь не обидел евреев умом и энергией. Именно эти особенности и делают их заметными, как на положительном, так и на отрицательном полюсах человечества, что обычно равно не нравится другим людям: также как во многих странах не любят преуспевающую Америку.

Но в этом ли главная причина антисемитизма? Рассмотрим это предположение на примере США, где в силу исторических причин собрались самые энергичные и далеко не бездарные люди из всех стран мира. Евреи составляют там всего два процента населения. Но в то же время примерно 30% миллиардеров США – евреи, около 40% нобелевских лауреатов тоже евреи. Высока доля евреев и среди лиц творческих профессий в США: учёных, писателей, поэтов, музыкантов, кинематографистов, актёров, художников, журналистов и т. п. Может быть, из-за зависти к этим преуспевающим людям многие американцы стали антисемитами?

Едва ли. Еврей Альберт Гор, вице-президент США (20 января 1993–20 января 2001) при президенте Клинтоне, лауреат Но-

белевской премии 2007 г., набрал при президентских выборах 2000 г. больше голосов, чем победивший на них Джордж Буш-младший. И его победе помешала лишь неадекватная система выборщиков от штатов. О том, что антисемитизм в США не играет существенной роли, говорит и тот факт, что 12% сенаторов США также евреи. Тем более, что в США люди, преуспевающие в любом достойном виде деятельности, являются образцом для менее удачных граждан и пользуются общим уважением.

Антисемитизм не нашёл благодатной почвы и в Англии. Возможно, потому, что, как сказал Черчилль: «Мы – не антисемиты. Мы не считаем себя глупее евреев».

Можно попутно отметить, что евреев часто обвиняют в том, что они суют нос в разные дела, не имеющие к ним непосредственного отношения. Но не является ли это проявлением того, о чём сказано в Евангелии: «Носите бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов» (Гал. 6:2).

Возможно, что такой подход к еврейской проблеме в США, Англии и ряде других западных стран связан с пониманием того, что элита народа, значительную часть которой составляют евреи на Западе, является золотым фондом любой нации. Невольно напрашивается вопрос: может быть, чем культурнее нация, тем меньше в ней антисемитизма? Но тогда останется неясным, как же Германия, одна из культурнейших стран Европы, где евреи также составляли значительную часть культурной и экономической элиты, породила Холокост?

Из сказанного становится очевидным, что *на эти вопросы о природе антисемитизма материалистическая история не даёт внятного ответа.*

Иудаизм как мистическая основа мировых религий

Попытаемся подойти к сути иудаизма с мистических позиций, ибо иначе трудно понять, почему религия малого народа легла в основу мировых религий, исповедуемых ныне более, чем половиной человечества [4].

Но вначале остановимся на самой сути мистического подхода. Как пишет Дж. Макдауэлл:

В своей книге «Говорит наука» Питер Стоунер следующим образом комментирует библейские пророчества касательно Тира, Самарии, Газы и Аскалона, расширения Иерусалима, Палестины, Моава и Аммона, Петры и Едома, а также Вавилона: «Ни одно человеческое существо никогда не делало предсказаний, сколь-либо сравнимых с теми, которые мы только что рассмотрели, и к тому же точно сбывшихся. Промежуток времени между этими пророчествами и их исполнением настолько велик, что даже самый суровый критик не сможет утверждать, что они были сделаны после предсказанных событий [5, 255].

Многие тысячи предсказаний, как глобального, так и индивидуального характера, проверенных научным сообществом, сделали такие всемирно известные феномены, как Эдгар Кейси, Джейн Диксон, Ванга и др. [6, 6–7]. Возможность точного предсказания, так называемых «случайных» событий была также проверена и в экспериментах крупных американских физиков [7].

Но за явным фактом *предсказания даже единичной судьбы одного человека кроется огромный массив событий космического порядка*. К такому выводу приводит рассуждение, начинающееся с того, что судьба каждого человека миллионами нитей соединена с судьбами других людей, как знакомых, так и незнакомых. На нашу судьбу могут повлиять и «случайные» встречи, а также выборы того или иного деятеля в нашей стране и даже за рубежом, решения администраторов, политиков, врачей и множество других событий.

В свою очередь, поведение всех людей зависит от изменения природных условий. Люди всегда чувствуют зависимость своего состояния от времени года и погоды. Но зависимость состояния человека и даже исторических процессов, как было показано А.Л. Чижевским, решающим образом определяется переменным характером появления пятен на Солнце [8].

Но состояние Солнца зависит от влияния на него нашей галактики, а последней – от состояния Метагалактики. Отсюда следует, что в содержании пророчества в отношении даже одного человека в неявном виде учитывается вся динамика космических процессов, включая как динамику изменений тёмной энергии и тёмной массы, прежде неизвестных науке, так и воз-

действия других, ещё не открытых ею факторов. И, следовательно, если предсказано будущее хотя бы одному из людей, то это означает, что в неявном виде в этом предсказании *учтена вся динамика (ещё не реализованная) изменений Космоса за период от момента предсказания фактов будущего до их исполнения.*

Следовательно, существует Программа эволюции Космоса, расписанная до таких подробностей как судьба отдельного человека. И именно с этой Программы каким-то образом экстрасенс считывает судьбу этого человека, судьбу страны, судьбу человечества или узнаёт о предстоящих природных катаклизмах. Но с тем, что *может существовать Программа без Программиста*, едва ли согласится любой разумный человек. Да и Библия говорит о том же словами: «Скажите, что произойдёт в будущем, и мы будем знать, что вы боги» (Ис. 41:23).

Естественно, может возникнуть вопрос: как же согласовать желания разных людей, обладающих свободой воли, между собой и Программой? Но, если это умеет делать хороший руководитель предприятия, то не под силу ли это Всевышнему? Как пишет Даниил Андреев в «Розе Мира»:

Некоторые узловые события больших процессов пре-
бывают в грядущем как бы незыблемо — предreshёнными
точками. Но их чрезвычайно мало, да и они, осуществ-
ляясь в истории, могут принять тот или иной вид, ту
или иную степень желаемой полноты [9, 512].

Отсюда следует, что Программа реализуется через узловые точки, оставляя на пути к ним и в разной степени для разных людей их свободный выбор.

В этой Программе еврейский народ не возник подобно другим народам, как объединение некоторой группы племён. Он был создан Творцом специально для познания человечеством существования не только духов природы, но Единого Создателя мира, для внедрения в сознание людей идеи монотеизма, революционного шага в богопознании.

Как свидетельствует Библия, одному из людей одного из семитских народов халдеев — Аврааму Бог повелел выйти из своего народа и открылся ему как Единый Творец мира и обещал создать из его рода народ, который размножится и станет столь многочисленным

как звёзды небесные и как песок на берегу моря... и благословятся в семени твоём все народы земли за то, что ты послушался гласа Моего (Быт. 22:17, 18).

О том же говорят слова, сказанные Богом Аврааму о жене его Сарре:

Я благословлю её, и дам тебе от неё сына... и произойдут от неё народы, и цари народов произойдут от неё (Быт.17:16).

Очевидно, что духовными детьми Авраама являются не только евреи, но и христиане, мусульмане (народы). Но евреи никогда не были столь многочисленны, как народы великих держав, существовавших когда-либо в истории. *Следовательно, речь шла не о материальном наследии и благословении, а о духовном.*

И действительно, религия, данная Богом народу Израиля, легла в основу двух мировых религий: христианства и ислама. Две главные заповеди этих религий заложены в самом древнем фундаменте иудаизма — Торе или Пятикнижии Моисеевом. Речь идёт о заповедях «Люби ближнего твоего, как самого себя» (Лев. 19:18); «И люби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всею душою твою, и всеми силами твоими» (Втор. 6:5). По отношению к этим двум заповедям основы всех мировых религий отличаются лишь именами их основателей, исторической спецификой, содержанием притч, толкований и т. п. Не случайно, например, в индуизме (а несомненно, согласно Программе, все религии идут из единого для Земли Духовного Центра) сердечный центр человека (Анахата) помечен Маген Давидом (шести-конечной звездой Давида). Также не случайно лучшим представителям иудаизма, а впоследствии и христианства свойственно думать в глобальных масштабах и переживать за человечество в целом. Главное, что породило христианство на основе иудаизма, это не некие принципиально новые идеи, а распространение идей о любви к Богу и людям на всё человечество, к чему и призвал Христос в Нагорной проповеди*. Это и сделало религию малого народа, через Иисуса Христа, мировой.

* «А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Мф. 5:44).

Отношение христиан и мусульман к евреям

Даниилу Андрееву была показана мистическая сторона возникновения монотеизма на основе откровений, данных Аврааму и Моисею, праотцам народа Израиля.

Благодаря миссии, выполненной иудеями, иудаизм, не являющийся мировой религией, тем не менее, имеет, как и эти религии, свой, полномасштабный небесный мир.

Это тот золотой мир небесной славы, — пишет Андреев, — который сквозил в видениях великих мистиков Каббалы, в прозрениях пророков [9, 156].

В этот мир входят, как и входили прежде, но в существенно меньшем количестве просветлённые души, завершившие земной путь в мире иудаизма. К их большому удивлению, им открывают истину об Иисусе Христе [9, 129].

Следует учесть, что в период возникновения иудаизма и пришествия Иисуса Христа землёй правил «князь мира сего» — планетарный демон, оказавший максимально возможное сопротивление внедрению принципиально новой духовности в сознание людей. Но, как сказано в «Розе Мира», «под „Я“ библейских книг следует видеть Всевышнего. Монотеизация была необходима для всего человечества как почва, без которой не могла осуществиться в Энрофе (физическом мире Земли — М.Ш.) задача Христа. Внедрение в сознание народа идеи единобожия было достигнуто ценой колоссального напряжения сил, истощившего Нихорд (небесный мир иудаизма — М.Ш.) на долгое время.

Отсюда — не всегда победоносная борьба с демоническими силами и трагический характер еврейской истории. В столетие, завершившееся жизнью Иисуса, эта, географически маленькая, зона была ареной напряжённейшей борьбы сил Гатунгра (планетарного демона — М.Ш.) и Божественных сил» [9, 129].

Как же оценили христиане героическую борьбу евреев за внедрение в сознание людей монотеизма? Католическая Церковь в течение всей своей истории культивировала к ним ненависть. Впрочем, не все католики, включая святых, разделяли эту точку зрения. Так, страстным защитником евреев был один

из наиболее почитаемых святых и учителей католической Церкви – Бернард Клервосский (1091–1153).

И в наше время страстный католик Леон Блуа писал:

Предположим, что окружающие Вас люди постоянно говорят с величайшим презрением о Ваших отце и матери, употребляя при этом унижающие и презрительные ругательства и сарказмы, каковы были бы Ваши чувства? Но именно это происходит с Господом Иисусом Христом. Забывают или не хотят знать, что наш Бог, ставший человеком, еврей, еврей по преимуществу и по природе, что мать Его еврейка, цветок еврейского народа, что апостолы были евреями, также как и все пророки, и, наконец, что сама священная литургия почерпнута из еврейских книг. Но тогда как выразить чудовищность оскорбления и кощунства, которые представляют собой оскорбления еврейского народа?

Несомненно, что на настроения защитников евреев повлияло и пророчество, данное еврейскому народу почти три с половиной тысячелетия назад:

Хотя бы ты (т. е. народ Израиля – М.Ш.) был рассеян (от края неба) до края неба, и оттуда соберёт тебя Господь, Бог твой, и оттуда возьмёт тебя, и (оттуда) приведёт тебя Господь, Бог твой, в землю, которой владели отцы твои, и получишь её во владение, и облагодетельствует тебя, и размножит тебя более отцов твоих... Тогда Господь, Бог твой, все проклятия сии обратит на врагов твоих и ненавидящих тебя, которые гнали тебя (Втор. 30:4, 5, 7).

Это пророчество было дано почти за полтора тысячелетия до того, как евреи лишились своего отечества в Палестине в результате поражений, которые они нанесли Риму и которые были Римом же жестоко подавлены в 70 и 135 гг. н. э. После этих поражений евреи были рассеяны «от края неба до края неба» почти два тысячелетия до того, как вновь возникло государство Израиль. Даже Христианская Церковь, которая более, чем кто-либо, должна доверять пророчествам Библии, устала

ждать возрождения Израиля и объявила себя «новым Израилем», что и поставило её в неудобное положение.

Реальный же Израиль, несомненно, лишь с Божьей помощью, как это и было предсказано, сумел в 1948 году отразить нападения нескольких государств с общим населением порядка двухсот миллионов. И это тогда, когда его население примерно в сто раз уступало населению агрессоров. Затем Израилем ещё не раз сокрушались агрессоры, во много раз превосходящие его по численности и вооружённости.

Когда стали известны факты Холокоста, настроения в Европе по отношению к евреям претерпели изменения в лучшую сторону. Однако в последнее время в Европе юдофобия вновь набирает силу. Поводом для этого служат, помимо прежних мотивов, меры защиты Израиля от исламских террористов и Ирана, которые не скрывают, что их цель — уничтожение этой страны. При этом упускается из виду, что Израиль лишь отвечает на террор и обстрелы со стороны палестинцев, которые вместо создания, подобно Израилю, цветущего государства на таких же землях, живут в нищете и ненависти не только по отношению к Израилю и Западу (от которого получают регулярно многомиллионные дотации), но и друг к другу.

К тому же западники вынуждены маневрировать, опасаясь ссоры со странами ислама, набирающими со временем всё большую и большую политическую и экономическую силу. Правда, на Западе и даже на Востоке понемногу наступают отрезвление по мере того, как атаки террористов становятся направленными уже не только на Израиль, но и на многие другие народы, включая и западные, и становятся всё более частыми и кровавыми.

Несовместимость ненависти к евреям с основами христианства осознали, наконец, духовные руководители христиан — преемники тех, кто гнал евреев в течение почти двух тысячелетий.

В настоящее время отношение руководства Католической Церкви к евреям резко изменилось. Наиболее решительно против застарелых стереотипов антисемитизма выступил глава Католической Церкви Папа Иоанн Павел II. Он первым из Пап посетил в 1986 году синагогу, где начал своё выступление словами:

Вы — наши возлюбленные братья, а правильнее будет сказать — вы наши старшие братья, вы избранный Богом народ, и это избрание навсегда [10].

Он заявил также, что «христиане ошибочно интерпретировали некоторые положения Евангелия». Его преемник Бенедикт XVI, очевидно памятуя, что почти три четверти Библии составляет Ветхий Завет (т. е. вероучение иудаизма — Танах), назвал евреев «старшими братьями» христиан. С этических позиций против антисемитизма выступают и многие верующие католики.

Серьёзным шагом в примирении христиан с иудеями стало заявление Папой Бенедиктом XVI о снятии проклятия с евреев (за их мнимую вину в распятии Иисуса Христа), сделанного на основании главы 27 Евангелия от Матфея.

Неужели же Папа решил противопоставить себя тексту Евангелия? Естественно, что эта проблема требует хотя бы краткого анализа. В этой главе, как известно, рассказывается о том, что евреи, подкупленные верхушкой Ветхозаветной Церкви, якобы добровольно возложили на себя и своих детей ответственность за пролитие крови Христа (Мф. 27:25).

Другим местом Евангелия, обычно используемым антисемитами из христиан, является спор Христа в Храме с людьми, изумлёнными Его заявлением, что Он Сын Божий. При этом присутствовали иудеи, как уверовавшие в Него, так и сомневающиеся, которые ждали, как и было предсказано, в качестве мессии пророка подобного Моисею, но никак не Сына Божия (Втор. 18:15). Сомневавшихся Он назвал «сынами дьявола» (Ин. 8:25–44). И всё это использовалось христианами, безжалостно преследовавшими евреев в течении двух тысячелетий.

Объяснение этим, довольно сомнительным местам Евангелия содержится в величайшей книге нашего времени «Розе Мира» Даниила Андреева, полученной им во Владимирской тюрьме от святых из Небесного Мира России.

Почему Иисус не облёк в письменную форму изложение Своего учения? — пишет Андреев. — Почему предпочёл доверить эту задачу Своим ученикам? Ведь даже будучи боговдохновляемыми, евангелисты оставались людьми, а великий враг не дремал, и даже на кни-

гах Нового Завета явственно различается местами его искажающее прикосновение. Но Христос не мог изложить Своего учения в книге потому, что учением были не только слова Его, но вся Его жизнь... Такое учение могло быть изложено, хотя бы с пробелами и ошибками, только живыми свидетелями этого божественного жизненного пути. Но в пробелы вкрался исконный враг; проникая в человеческое сознание авторов Евангелия, он сумел извратить многие свидетельства, исказить и омрачить идеи, снизить и ограничить идеал, даже приписать Христу слова, которых *Спаситель мира не мог произнести* (курсив мой. — М.Ш.). У нас ещё нет способов отслоить в Евангелии подлинное от ошибочного, нет точных критериев, нет очевидных доказательств. Каждому, читающему Новый Завет, следует помнить лишь, что учение Христа — это вся Его жизнь, а не слова только; в словах же, Ему приписываемых, *истинно всё, что согласно с духом любви, ошибочно всё, отмеченное духом грозным и беспощадным*. (курсив мой. — М.Ш.) [9, 241].

Каково же положение с антисемитизмом в России и Русской Православной церкви (РПЦ)?

Преподобный Серафим Саровский выразил своё отношение к евреям в известной беседе с Мотовиловым, назвав еврейский народ «священным, любезным Богу» [11, 37]. Владимир Соловьёв перед смертью молился за еврейский народ. Другой выдающийся русский философ Н.А. Бердяев писал:

Русский народ можно сравнить лишь с народом еврейским. И не случайно именно у этих народов сильно мессианское сознание» [12].

И сейчас среди священнослужителей и мирян РПЦ немало тех, кто питает добрые христианские чувства к людям нерусской национальности вообще и евреям в частности. Апофеозом этого отношения в недавнее время явилась жизнь праведницы монахини матери Марии (в миру Елизавета Юрьевна Скобцова), погибшей в концлагере во время Второй мировой войны при фашистской оккупации Франции за помощь евреям в гетто. Она была канонизирована Константинопольским

патриархатом как преподобномученица 16 января 2004 года.
Приведу её стихотворение.

Два треугольника, звезда,
Щит праотца царя Давида,
Избрание, а не обида
Великий путь, а не беда,

Знак Сущего, знак Егovy,
Слиянность Бога и творенья,
Таинственное откровенье,
Которое узрели вы.

Ещё один исполнен срок.
Опять гремит труба Исхода.
Судьбу избранного народа
Вещает снова нам пророк.

Израиль, ты опять гоним!
Но что людская воля злая,
Когда тебя в грозе Синая
Вновь вопрошает Элогим.

И пусть же ты, на ком печать,
Печать звезды шестиугольной,
Научишься душою вольной
На знак неволи отвечать.[13]

Что же касается официального православия, то его отношение к евреям носит плохо скрываемый юдофобский характер. Официально как РПЦ, так и РПЦЗ (зарубежная Церковь), не подчинявшаяся Московской Патриархии до их объединения, в лице их руководителей Патриарха Алексия II и митрополита Виталия, осудили антисемитизм. Но факты говорят о другом. Православная Церковь не спешит принести официального покаяния за ненависть к евреям, насаждавшуюся в течение многих столетий и неофициально продолжающуюся и ныне.

Не вспоминают в РПЦ и о кровавых еврейских погромах в дооктябрьской России, идейным лозунгом которых явилось внушаемое Церковью убеждение, что «жиды Христа распяли».

Отметим, что, как заметил убиенный протоиерей Александр Мень, распятие Христа носило символический характер.

Последнее слово в решении о распятии принадлежало римскому прокуратору Понтию Пилату. Выкрики толпы значили для него мало. Он жестоко расправлялся при малейших признаках неповиновения, ни на кого не оглядываясь. Распинали Христа римские легионеры, завербованные из множества народов, покорённых Римом или просто поступивших к нему на службу, как бы символизируя этим вину всего человечества. По словам ветхозаветного предтечи Христа — пророка Исайи:

Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нём, и ранами Его мы исцелились (Ис. 53:5).

Как видим пока исцелились далеко не до конца, поскольку христиане уже две тысячи лет продолжают изъязвлять Христа своими грехами.

К каким только ухищрениям не прибегают христиане, чтобы оправдать свою ненависть к евреям. Несколько лет назад в газете, издаваемой РПЦ, был напечатан ответ Патриарха Алексия II молодому человеку, вопрошавшему: «Правда ли, что Христос еврей?». На что Патриарх ответил ему: «Бог не имеет национальности».

Но так могли бы ответить лишь представители монофизитской ереси, считающие, что Христу свойственно только одно божественное начало. Патриарху же лучше, чем многим, известно, что понятие о Христе как Богочеловеке, единосущном Богу Отцу, было закреплено на IV (Халкидонском) соборе в 451 году, и что по человеческой линии Он происходит, как и было предсказано, из рода Давидова, от женщины еврейки.

Об истинном отношении многих православных священнослужителей, включая руководство РПЦ, и мирян к евреям в наше время, свидетельствуют тексты фундаментального сборника, выпущенного Свято-Троицкой Сергиевой лаврой (архимандритом которой является Патриарх РПЦ) в 1993 г. и переизданного вновь через год. В нём приводится множество высказываний, полных ненависти к евреям, в том числе и принявшим христианство, если они не отказались от своей национальности и не растворились среди русских.

Такая точка зрения фактически приравнивает христианство не к Вселенской, а к русской национальной религии. Там же рекомендуется изучать «Протоколы сионских мудрецов», давно разоблачённых как грубый плагиат с французского памфлета «Диалог в аду между Монтескьё и Макиавелли», направленного против Наполеона III. Известно, что его автором был французский адвокат и сатирик Морис Жоли. Замечу, что после прихода нацистов к власти в Германии нацистские организации как в самой Германии, так и вне её начали активно распространять антисемитскую литературу и в первую очередь пресловутые «Протоколы», содержащие миф о всемирном еврейском заговоре с целью установления власти над миром.

Говорится в этом сборнике Троице-Сергиевой лавры и о том, что щит Давидов — знак царя, из рода которого произошёл Спаситель, содержит в себе число зверя. И это о звезде, которая встречается на иконах Богородицы. Не раз приводятся слова Иисуса, о происхождении которых говорилось выше: «Ваш отец диавол, и вы хотите исполнять похоти отца вашего» (Ин. 8:44).

Но не говорится о том, что Иисус это сказал лишь группе иудеев, споривших с Ним. Никто не приводит слова Иисуса, сказанные в том же Евангелии в беседе с самаритянкой у колодца: «Вы не знаете, чему кланяетесь; а мы знаем, чему кланяемся, ибо спасение от Иудеев» (Ин. 4:22). Или же «Я послан только к погибшим овцам дома Израилева» (Мф. 15:24).

Помимо антисемитских высказываний, рассыпанных по всему сборнику, пропаганде расовой ненависти посвящены восемь специальных разделов. Таким образом, возникает естественный вопрос: на чём зиждется христианство для руководства РПЦ — на учении о любви ко всем людям или на идеологической основе для антисемитизма?

У католиков, как и у православных, иудей св. Иосиф назван «обручником», т. е. человеком, обручённым с Девой Марией, но как бы не имеющим отношения к Иисусу. В то же время у Самой Марии точка зрения на эти отношения иная. После трёхдневных поисков Иисуса Мария и св. Иосиф находят Его в храме, и Мария обращается к Иисусу с такими словами: «Чадоло! что Ты сделал с нами? Вот, отец Твой и Я с великой скорбью искали Тебя» (Лк. 2:48).

Эти слова высочайшим авторитетом Девы Марии говорят о том, что св. Иосиф является земным отцом Спасителя. Это звание — высочайшее для человека — св. Иосиф заслужил пусть и не зачатием Иисуса, но своей любовью к Нему с момента рождения Богомладенца, и тем, что был с Ним и Девой Марией вместе, разделив все трудности и опасности Святого Семейства.

Возникает естественный вывод, что *ненависть к евреям имеет мистический характер.*

Гитлер после «окончательного» решения «еврейского» и «коммунистического» вопросов собирался решить вопрос и «еврейской Церкви», как он называл Церковь христианскую. Он, считал, что сентиментальные заповеди христианства действуют расслабляющее на «арийцев», и что образцом для них должен стать чистокровный, безжалостный «белокурый бестия», как идеал, воспетый Ницше, который толкает падающего «унтерменша» (недочеловека), чтобы освободить «жизненное пространство» для «сверхчеловека» «арийской расы». Российским распространителям «Майн кампф» и других фашистских материалов можно было бы напомнить, что русских Гитлер собирался выселить за Урал и истребить среди них всех образованных людей. Это должно было быть сделано с двойной целью: освобождения «жизненного пространства» для «нордической расы» и создания из русских расы рабов, поскольку Гитлер считал русских «дикой смесью рас». И тем не менее в настоящее время в нашей стране существует целый ряд русских нацистских группировок и соответствующие сайты, где почитается Гитлер и отмечается как праздник его день рождения.

Другой подобный же парадокс: не меньший вред, чем от Второй мировой войны, был нанесён народам Советского Союза со стороны коммунистического режима, последовательно уничтожавшего генофонд страны в лице творческой интеллигенции, вначале дворянского происхождения, а затем и возникшей из одарённых крестьян и рабочих, трудового крестьянства («кулаков»), научно-технической интеллигенции, комсостава армии и т. д.

В книге Юлия Рыбакова «Мой век» приводятся знаменательные данные. Они основаны на обработке большого объёма архивных материалов. Согласно им, жертвами коммунистического режима стало пятьдесят миллионов человек, не только

расстрелянных, заключённых в тюрьмы и концлагеря, погибших и замученных в застенках и в заключении, но и сосланных, умерших от голода и болезней из-за насильственно забранных у них государством продуктов питания и одновременно лишённых возможности переезда в более благополучные регионы [15]. Там же приведён подсчёт современного демографического положения России. Если бы не было репрессий и потерь во Второй мировой войне, то сейчас её население составляло бы не 140, а 320 миллионов человек. Во главе геноцида народов Советского Союза в течение десятилетий стояли два грузина: Сталин и Берия, непосредственно руководившие этими злодеяниями.

И что же? 57% россиян до сих пор считают, что Сталин является в целом положительной фигурой российской истории, а о ненависти к грузинам, которую разжигали нынешние правители в связи с нападением на эту страну в 2008, слава Богу, нет и речи.

В чём же причина устойчивости антисемитизма в нашей стране и других странах? Она в греховности рода человеческого. В том, что любовь для человека является трудно достижимой целью. В то же время демоническое чувство ненависти гораздо доступнее людям, охотно винящим в своих бедах кого угодно, но только не себя.

Сознательно или подсознательно христианин понимает постыдность чувства ненависти. Но если появляется возможность излить его за «правое дело», то оно реализуется уже без удержу.

Замаскированная или открытая ненависть к евреям превращает христианина в нечто ему диаметрально противоположное.

Мистические причины Холокостов

Не плакать, не смеяться, но понимать.
Барух Спиноза

Но почему же Бог попускал столь жестокие расправы над народом, который Он избрал в качестве основателя Своей, рассчитанной на тысячелетия миссии?

Кому дано, с того и спрашивается.

Все пророческие книги говорят о грозных предупреждениях данных иудеям Богом за отступления от Его заповедей. И в Библии чётко показано, что эти предупреждения не являлись пустыми угрозами.

И возможно, что очередная трагедия еврейства был попушена, как и прежние, потому, что евреи, получив гражданские права в странах Европы, излишне увлеклись своими успехами в гражданских делах и забыли о Создателе и своей духовной истории?

Так может быть, все юдофобы являлись просто оружием в руках Божиих, выполнявшие Его угрозы? Едва ли.

«Горе миру от соблазнов: ибо надобно придти соблазнам, но горе тому человеку, через которого соблазн приходит» (Мф. 18:7); «Мне отмщение, Я воздам», говорит Господь (Втор. 32:35, Рим. 12:19).

Где теперь великие гонители еврейства могущественные государства древнего мира: Египет, Ассирия, Вавилон, Рим? Где теперь «тысячелетний Третий рейх» фашистской Германии, его основатели и исполнители его планов?

Возможно, также, что одной из причин распада Советского Союза явилась его последовательная юдофобская политика после Второй мировой войны? Политика, которая была также своеобразной попыткой «окончательного решения еврейского вопроса», начало которому положило известное «дело врачей»...

Мистические причины современных угроз существованию Израиля

Государство Израиль, является реально светским демократическим государством западного типа, хотя формально носит, согласно конституции, черты теократического характера и считает себя наследником древнего Израиля.

Человек любой национальности, принявший иудаизм, может стать его гражданином и получить помощь и поддержку со стороны государства, хотя и израильтянам, исповедующим другие религии, не чинится никаких препятствий.

Так, например, арабы-мусульмане, живущие в Израиле, имеют свою партию, представленную в Кнессете (парламенте). Многие арабы добровольно вступают в израильскую армию, особенно друзья, многие из которых служат в элитных частях. В тоже время, националистически настроенные ортодоксальные евреи представлены в нём малочисленной партией Шас, не оказывающей существенного влияния на политический расклад сил.

Господь исподволь готовил евреев к новому уже не эволюционному, а революционному этапу развития иудаизма. Это событие было предсказано, через пророка Иеремию в седьмом веке до н. э., когда Господь его устами провозгласил:

Вот наступают дни, говорит Господь, когда Я заключу с домом Израиля и домом Иуды новый завет, не такой завет, какой Я заключил с отцами их в тот день, когда Я взял их за руку, чтобы вывести их из земли Египетской; тот завет Мой они нарушили, хотя Я оставался в союзе с ними, говорит Господь.

Но тот завет, который Я заключу с домом Израилевым, после тех дней, говорит Господь: вложу закон Мой во внутренность их, и на сердцах их напишу его, и буду их Богом, а они будут Моим народом. И уже не будут учить друг друга, брат брата, и говорить: «познайте Господа», ибо все они будут знать Меня, от малого до большого, говорит Господь, потому что Я прощу беззакония их и грехов их уже не вспомяну более (Иер. 31:31-34).

Нетрудно догадаться, что пишется в сердцах людей, лишь самые сильные чувства, и здесь, несомненно, речь идёт о любви. Следовательно, Господь находит *необходимым сообщать народу Израиля принципиально новые истины и новые правила жизни*, входящие в кажущиеся противоречия со старыми.

В среднем каждые сорок-пятьдесят лет иудеям давалась либо пророческая, либо вероучительная книга, где кроме наставлений народа на праведный путь давались новые истины.

Воспринимались они с трудом — пророков не слушали, порой высмеивали и даже побивали камнями, что приводило Израиль к неисчислимым бедствиям и лишь затем священные книги входили в канон. И ныне многие израильтяне живут «по-

добно народам, которых изгнал от них Господь, и делали худые дела, прогневающие Господа, и служили идолам, о которых говорил им Господь:

«не делайте сего»; тогда Господь чрез всех пророков Своих, чрез всякого прозорливца предостерегал Израиля и Иуду, говоря: возвратитесь со злых путей ваших и соблюдайте заповеди Мои, уставы Мои, по всему учению, которое Я заповедал отцам вашим и которое Я преподавал вам чрез рабов Моих, пророков. Но они не слушали и ожесточили выю свою, как была выя отцов их, которые не веровали в Господа, Бога своего; и презирали уставы Его, и завет Его, который Он заключил с отцами их, и откровения Его, какими Он предостерегал их, и пошли вслед суеты и осуетились, и вслед народов окрестных, о которых Господь заповедал им, чтобы не поступали так, как они, и оставили все заповеди Господа Бога своего (4 Цар.: 11–16).

В результате отказа от революционного этапа своего развития, обусловленного приходом Иисуса Христа, иудаизм ограничился бесконечными рассуждениями о содержании Торы (Мишна, Гемара, образующие совместно Талмуд).

Впрочем, едва ли можно упрекать евреев за неприятие Нового Завета, если де факто, он не принят до сих пор и подавляющим большинством христиан. Эти люди, в том числе и руководство РПЦ, строят отношения человека с Богом по системе грех (нарушение закона) и покаяние, а не на заповедях любви, ко всем вплоть до врагов, что по сути своей относится скорее к Ветхому Завету, а не к Новому.

Из сказанного естественным образом выясняются причины, по которым современный Израиль, подобно Израилю древнему, постоянно подвергается агрессии и терроризму.

История повторяется. После энтузиастов, создавших на бесплодных болотах и песках пустыни процветающее государство, туда, спасаясь от юдофобства, устремились евреи со всего света. Значительная часть из них, не интересуясь ни древней, ни современной историей Израиля, ни его религией устремились к современным идолам — благам потребительского общества.

Но ещё в VIII веке до н. э. Господь через пророка Осию обращается к народу Израиля с жестким требованием:

Истреблен будет народ Мой за недостаток ведения:
так как ты отверг ведение, то и Я отвергну тебя от свя-
щеннодействия предо Мною (Ос. 4:6).

На другом полюсе оказались фанатичные иудаисты. *Сконцентрировавшись на обрядоверии, они забыли и о пророчестве Иеремии о Новом Завете (Иер. 31:31) и повторили грех многих христиан, сменив заповедь о любви к ближнему (Лев. 19:18) на ненависть ко всем инакомыслящим.*

Но, очевидно, что пока основная масса израильтян не станет соблюдать основные заповеди Торы до тех пор не будет мира для Израиля.

В тоже время, едва ли можно согласиться со словами Даниила Андреева о том, что земной Израиль фактически порвал связь со своим небесным миром, заполненным душами древнего Израиля (9, 129). Согласится с этим нельзя потому, что во-первых, по словам самого Андреева туда, пусть и редко, но приходят души праведников из современного Израиля и, во-вторых, потому что слова Бога о восстановлении Израиля и победе его над врагами определённо имеют глубокий мистический смысл.

Возможно, подобное заключение сделано Андреевым из-за отсутствия в тюрме Библии, где говорится об этом (Втор. 30:2, 4, 5, 7). В этом отношении более правдоподобным представляется видение другого великого прозорливца Владимира Соловьёва, изложенное им в знаменитых «Трёх разговорах», где первыми поднимают восстание против антихриста именно израильтяне [16, 759–760].

От христианства современных евреев отталкивает память о гонениях и страданиях, которые они претерпели от всех его разновидностей в течение двух тысячелетий, включая и последний Холокост. Но отпадение евреев от Христа явление временное и попущенное Богом, о чём недвусмысленно говорит апостол Павел:

Итак, спрашиваю: неужели Бог отверг народ Свой?
Никак. Ибо и я Израильтянин, от семени Аврамова, из

колена Вениаминова. Не отверг Бог народа Своего, который Он наперед знал... Итак, спрашиваю: неужели они преткнулись, чтобы совсем пасть? Никак. Но от их падения спасение язычникам, чтобы возбудить в них ревность. Если же падение их — богатство миру, и оскудение их — богатство язычникам, то тем более полнота их... Ибо если отвержение их — примирение мира, то что будет приятие, как не жизнь из мертвых? Если начаток свят, то и целое; если корень свят, то и ветви. Если же некоторые из ветвей отломились, а ты, дикая маслина, привился на место их и стала общником корня и сока маслины, то не превозносишься перед ветвями. Если же превозносишься, то вспомни, что не ты корень держишь, но корень тебя... Но и те, если не пребудут в неверии, привьются, потому что Бог силен опять привить их. Ибо если ты отсечен от дикой по природе маслины и не по природе привился к хорошей маслине, то тем более сии природные привьются к своей маслине. Ибо не хочу оставить вас, братия, в неведении о тайне сей, — чтобы вы не мечтали о себе, — что ожесточение произошло в Израиле отчасти, до времени, пока войдет полное число язычников: итак весь Израиль спасется, как написано «придет от Сиона избавитель, и отвратит нечестие от Иакова. (Исайя 27:9), (Рим. 11:1, 2, 11, 12, 15–18, 23–26).

Здесь речь идёт сразу о нескольких важных вещах.

Во-первых, о роли Ветхого Завета для Библии в целом («корень свят»), и что, во-вторых, естественным образом, когда христианство станет мировой религией («войдёт полное число язычников») евреи вернуться в собственную веру, претерпевшую в эволюционном плане огромный сдвиг.

Суть его в том, что содержанием религии станет не только требование о любви к Богу, обращённое к людям (Втор. 6:5), но и ответ от Бога, что и Он любит людей: «В том, что не мы возлюбили Бога, но Он возлюбил нас» (1 Ин. 4:10).

Во-вторых, согласно: «Ибо если отвержение их — примирение мира, то, что будет приятие, как не жизнь из мертвых?»

Очевидно, что здесь имеется в виду, что воскресение всего мира произойдёт, когда все евреи примут христианство и «весь Израиль спасётся».

Но и в наше время, как уже упоминалось, те евреи, которые остались в рамках иудаизма и ведут праведный образ жизни, до сих пор приходят в свой Небесный мир, также как в свои небесные миры приходят и праведники других религий [9, 129].

И пусть, — как говорится в «Розе Мира, — правоверный шинтоист (здесь имеется ввиду последователь древней языческой религии Японии, как и последователь любой другой светлой религии — М.Ш.) не миновал не приметного здания синагоги с пренебрежением и равнодушием: здесь другой великий народ, обогативший человечество глубочайшими ценностями, оберегает свой опыт о таких истинах, которыми духовный мир открылся ему — и никому более [9, 55–56].

Таким образом, становится ясным заявление Христа:

Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна йота, ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится все (Мф. 5:17,18).

Это может означать, что Христос считает существование не только христиан, но и иудеев необходимыми до Своего второго пришествия.

Всё сказанное проясняет, кто и с какой целью в течение почти четырёх тысячелетий со времён праотца Авраама вдохновлял разных фюреров и послушные им народы на «окончательное решение еврейского вопроса».

Будучи высокоинтеллектуальной сущностью, сатана прятал свою юдофобию за лицами язычников, ревнителей христианства и ислама, ставивших себе подобные цели. Демонические силы — весь гнев людей, для которого всегда есть различные основания, канализировали на народ, являющийся, по видимому, мистическим носителем заповедей о любви, чтобы подрезать, говоря словами апостола Павла, под корень, который свят, эти священные заповеди, впервые провозглашённые в Торе (Рим. 11:16). Не удивительно, что единственным государством, выступающем ныне в качестве откровенного глашатая идеи уничтожения Израиля, является теократическое госу-

дарство – Иран, поскольку, согласно «Розе Мира», управление таким государством осуществляется из глубин инфернального мира [9, 278].

Естественно, что со временем все люди станут членами единого человечества. Означает ли это отказ евреев от своего народа?

Едва ли, несмотря на то, что в настоящее время многие евреи, по собственному убеждению принимают христианство. Так, например, католики остаются итальянцами, французами, немцами, аргентинцами и бразильцами. Протестанты – шведами, немцами, французами и т. п. Процесс возникновения единого человечества уже идёт, но до его завершения пройдёт ещё много поколений.

Но не является ли самонадеянной надежда христиан на то, что их религия станет всемирной. Со стороны широко мыслящего религиозного и, в тоже время образованного человек, знающего о грандиозных масштабах Космоса, очевидно существование Единого Творца. И, что всегда процесс укрупнения человеческих сообществ от рода (животный уровень) к племени и далее до крупных государств шёл совместно с развитием религий от тотемов и анимизма до мировых религий, объединяя на духовном уровне всё большие и большие конгломераты людей.

И кажущаяся вечность и незыблемость мировых религий не более чем иллюзия, ибо что значат несколько тысяч лет существования этих религий по сравнению со 150–200 тысячами лет существования современного человечества и того же срока духовного поиска людей?

И, что естественным продолжением эволюционного процесса мировых религий станет единая мировая религия, в основе которой главными будут заповеди Торы о любви людей к Богу, созданной Им природе, ко всем людям, к созданному Им Мирозданию и ко всем существам вплоть до существ других миров.

Литература

1. Иудаизм и христианство. // Википедия.
2. *Иоанн Златоуст*. Против иудеев. // Полное собр. соч. в 12 томах. том 1, книга вторая, Москва. 1991.
3. Миф о великой схизме. // Википедия.
4. World Philosophical Forum web-site.mht.

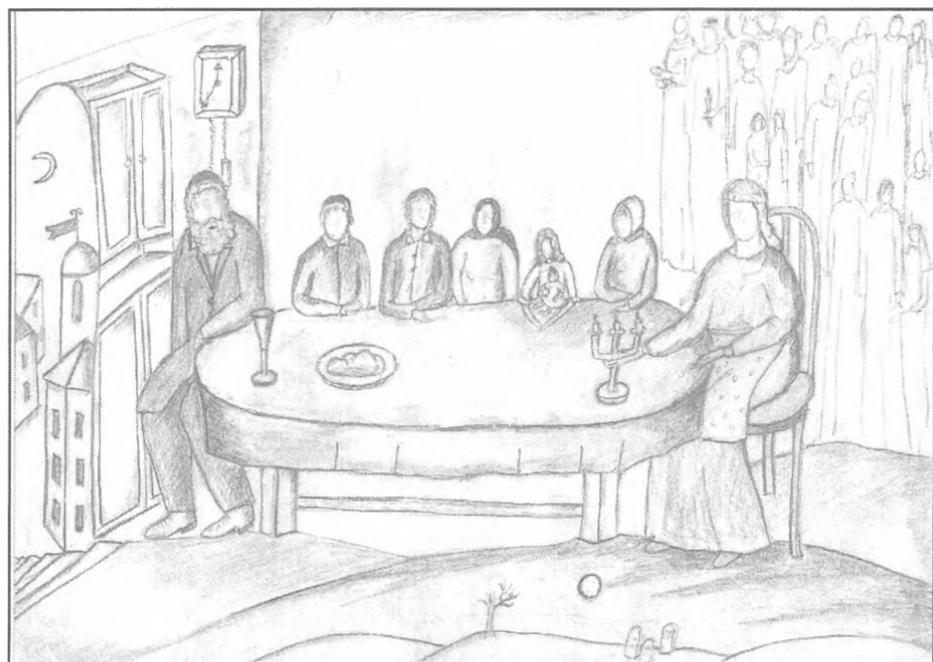
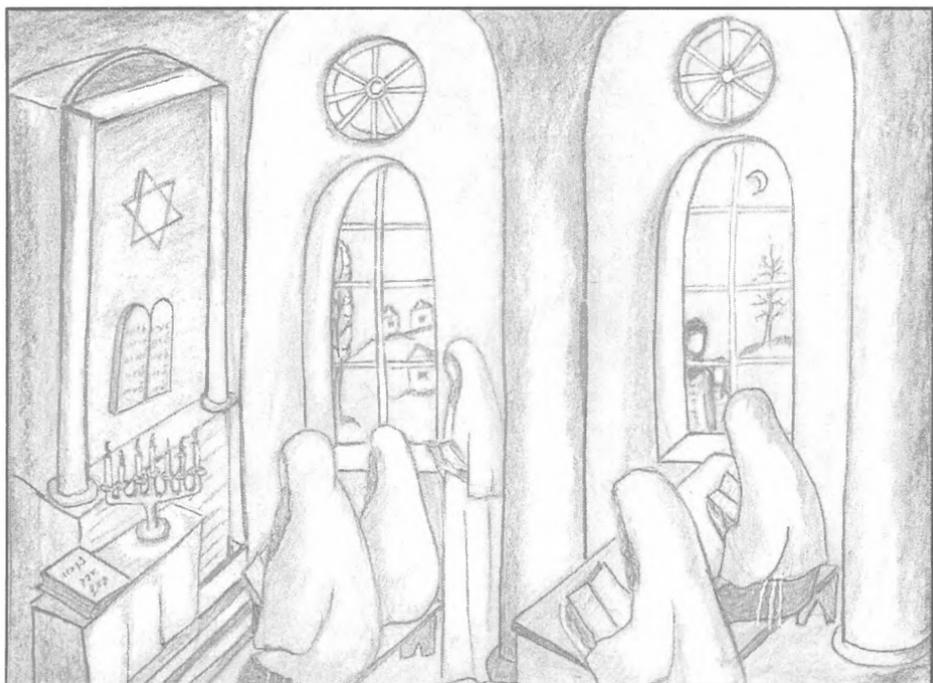
5. *Макдауэлл Дж.* Неоспоримые свидетельства. М., 1993.
6. *Стоянова К.* Правда о Ванге. М., 1997.
7. *Джан Р.Г.* Нестареющий парадокс психофизических явлений. Инженерный подход. // ТИИЭР, 1982. Т. 70. № 3.
8. *Чижевский А.Л.* Физические факторы исторического процесса. М-Л. 1926.
9. *Андреев Д.Л.* Роза Мира. М., 1995.
10. Папа Иоанн Павел II. Покаяние католической церкви. // Википедия.
11. *Преподобный Серафим Саровский.* О цели христианской жизни, беседы с Мотовиловым. 1914.
12. *Бердяев Н.А.* Русская идея. // Вопросы философии. 1990. № 1.
13. *Мать Мария Кузьмина-Караваева Е.Ю.* // Семья. 1989. № 7.
14. *Фомин С.В.* (составитель). Россия перед вторым пришествием. М., 1994.
15. *Рыбаков Ю.А.* Мой век. СПб, 2010.
16. *Соловьёв В.С.* Соч. в 2-х т., т. 2. М.: Мысль, 1988.

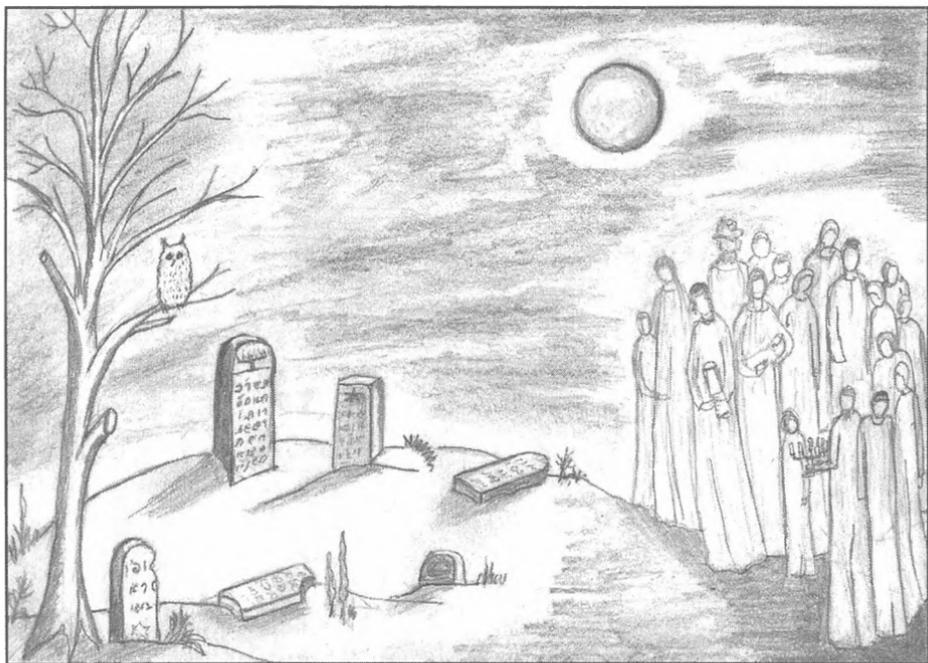

Раиса Гершзон

Рисунки к фильму «1914. Последний еврей»

Ольга Ерохина

Я до сих пор пою на клиресе. И понимаю, насколько всерьёз оказалось то, что вначале казалось просто спонтанным течением жизни. И насколько это «всерьёз» перевешивает всякий иной опыт. Всё так и есть, всё подтверждает интуицию юности. Брат привёз меня в Новую Деревню, где служил отец Александр Мень, зимой 1974–1975 года, и когда в храме я увидела свет, исходящий от лиц трёх старушек (одна из них, как потом я узнала, была мамой отца Александра), я поняла, что тут я хочу остаться.

В начале было
Слово

Первая Пасха

Вспоминаю свою первую Пасху. Я тогда ещё не была крещена, мой брат тоже. Мы отправились в Новую Деревню, куда уже несколько месяцев приезжали к отцу Александру Меню. Уже сам путь – электричка, темнеющий вечер в окне, автобус «до уголка», тёмная прямая деревенской улицы без фонарей, некоторая неизвестность – доберёмся ли до цели (в то время дружинники на машинах перегораживали дорогу к храму, могли прицепиться и не пустить – просто потому, что возраст у нас был для церкви, по их разумению, неподходящий) – был полон радостной и одновременно тревожной тайны.

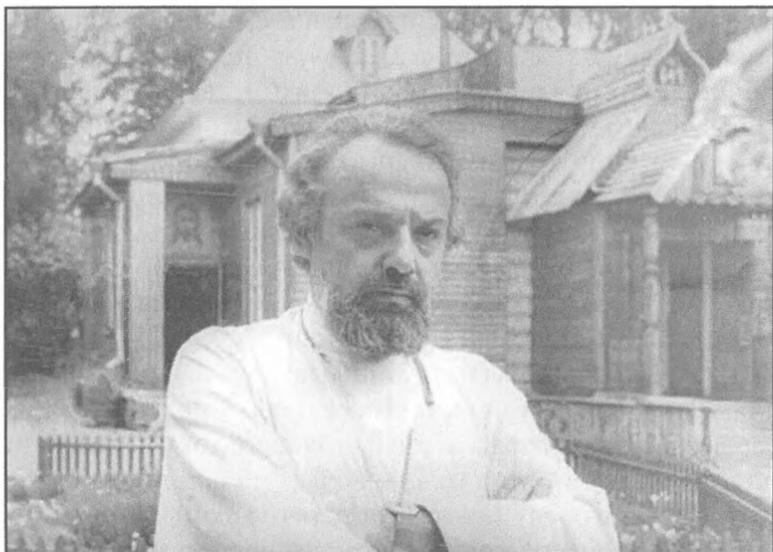
И только в ограде церкви – тогда это был деревянный зелёный забор, не глухой, а разреженный, сквозь который был виден уже наш церковный двор и те, кто внутри, – можно было действительно вздохнуть с радостным облегчением: добрались.

(В какую-то следующих лет пасхальную ночь друг наш, Володя Простов, именно перед забором, в нескольких шагах от калитки, был остановлен милиционерами. Тогда он влез на нижнюю перекладину ограды и, держась руками за доски забора, закричал:

– Отец Александр! Верующих в церковь не пускают!

Тут же его стащили вниз, бросили в «воронок». Отвезли в пушкинскую милицию – на станцию. Потребовали документы. По счастью, паспорт – ветхий, распадающийся, как колода карт, был при нём. В паспортах в то время отмечали место работы – а Простов тогда был электриком в больнице, о чём и было сказано в документе. Милиционеры почитали, заглянули в сумку его – а там кулич, крашенные яички – сразу видно, Божий человек.

Отпустили на все четыре стороны. Наивный Простов спросил: не отвезут ли они его туда, откуда забрали, – к храму, на машине, чем вызвал общее изумление – иди, пока цел... Он пошёл пешком, и пришёл как раз к концу службы, когда все рас-

Отец Александр Мень

ходились, уже рассветало. Помню, как он появился, мы вместе шли к станции, и он рассказал своё приключение.)

А внутри — уже кто-то читает, сменяя друг друга, — «Деяния», голоса молодые и приподнятые, лица — светящиеся, и так много прекрасных, незнакомых и знакомых...

«При наступлении Пятидесятницы все они были единомысленно вместе...»

Горький волнующий ладанный запах. Колышутся хоругви. И — львиный голос, возгласами, из алтаря...

Почему-то я больше помню дорогу — в храм и, в нарастающем рассвете, к станции. Может быть, потому что тогда я совсем не понимала порядок службы. Но главное помню всегда — радость, тихая и разрывающая, общая, разделённая со всеми, — и глубоко внутри, тайная. Взрывающая. Пьянящая.

Шли по дороге, к первой четырёхчасовой электричке, далеко впереди виднелись группы идущих. Я ещё почти никого не знала...

В вагон входили — ещё и ещё, из тех, кто был у пасхальной заутрени (других пассажиров в такой час и не было). Трапезничали — куличи, кто-то открывал кагор... Знакомые, незнакомые. Вдруг в вагон вошёл человек с трубой и заиграл «Когда святые маршируют». Это был Олег Степурко.

И ещё одно яркое воспоминание из тех первых счастливых лет, когда мы открыли для себя Новую Деревню. Мы стояли с моей подругой, Олей Авиловой, почти в дверях нашего храма в пасхальную ночь — за многолюдством. Рядом находился человек с красной повязкой на рукаве — дружинник, охранник, переодетый милиционер — кто его знает, тогда принято было «охранять порядок» на территории храма в пасхальную ночь. Он был единственным, лицо которого не светилось радостью Праздника. Он оглядывался по сторонам неприязненно. Для него — кругом были враги. Церковники.

И когда в первый раз из глубины донеслось нам — «Христос воскрес!», и люди стали христосоваться — подруга моя, Оля Авилова, увидела, как рядом с ней стоявший доктор Валентин — чеховский интеллигент в толстых очках — обернулся к ближайшему к нему человеку (а это и был тот угрюмый дружинник) и с радостным возгласом «Христос воскрес!» поцеловал его трижды.

И что-то случилось с его лицом — оно как бы поплыло, растаяло, — у меня нет слов это описать, — но человек вдруг был сражён беззащитностью доверия, его броневая непроницаемость улетучилась, было в его лице — растерянность, изумление, ещё что-то, для чего нет слов.

Мама моей подруги — Жанна Бенедиктовна — знала о наших поездках в Деревню, знала, что её дочь приняла Крещение, но сама долго ещё не могла на это решиться. Отца её застрелил на её глазах из револьвера, выведя в сад, под яблоню, один из тех, кто ворвались в их дом во время еврейского погрома. Эти люди, ворвавшиеся к ним, несли впереди иконы. Она на всю жизнь, с того дня своего детства, запомнила, как его отец, дед её, валялся в ногах у них, умоляя пощадить сына и убить лучше его. Это не помогло...

Она решилась принять Крещение и попросила меня быть её крёстной. Ей было тогда шестьдесят пять лет. Конечно — отца Александра Меня. Когда она впервые переступила порог его кабинета, он встретил её словами на древнем языке её народа, которого она не знала. Это был какой-то псалом...

На излёте перестройки, помню, ходили по Москве угрожающие слухи о готовящихся погромах. Я позвонила и предложила Оле, «если начнётся», эвакуироваться ко мне — всё же Смоленская, где их дом, была эпицентром антисемитских сборищ.

Предложила помочь — коляска (младшей Верочке тогда было несколько месяцев), вещи.

— Ну что ты, не понимаешь, — ответила она, — если начнётся, я даже до метро не доберусь — с моим носом...

Это было весной, а летом того же года другая моя подруга, Таня Плетнёва, жила с шестилетней дочерью в Востряково у друзей. Востряково — дачный посёлок. Погромов ожидали и там. Днём, когда родители девочки Нади Лев (хозяйева дачи) уходили на работу, Таня оставалась с детьми. Девочки — Маша Волохонская и Надя Лев — играли в песочнице. Они знали, что делать, «если начнётся», — если погромщики войдут в калитку, Наде надо немедленно бежать в дом к Тане, а Маше оставаться в песочнице и вытащить из-под воротника платья свой православный крестик. Ночью у запертой двери Таня прислоняла колун.

...Его убили осенью. Когда 10 сентября в коктейльных сумках вдруг залаяли собаки по всей улочке, и кто-то как бы издали кричал:

— Оля! Ерохина!

И я удивлённо пошла к калитке, и там мне две женщины из Новой Деревни — как они нашли меня — адрес был указан не тот на телеграмме — молча подали бланк, на котором были выбиты невозможные буквы: «9 сентября погиб отец Александр, похороны 11-го» — и эти женщины сказали:

— Мы едем сейчас, едешь с нами на аэродром?

И Юля закричала:

— Всё-таки убили, сволочи! — и заплакала.

А моя Катя побежала в дом, кинулась на кровать рыдая, а узнав про самолёт стала быстро и бесслётно бросать вещи в рюкзак — был столбняк и целенаправленные действия, цепь действий. Найти машину до аэропорта. Попасть на самолёт. Бешеная молитва — пусть будут билеты. После самолёта, в Москве уже — найти такси до Деревни. Когда шофёр глубоко задумался — ехать ли в такую даль, — одна из нас выкрикнула плача:

— Нам на похороны, — понимаете?!

И он согласился.

Церковный двор наш — и там все, все. Здоровались — плача. «И земля качнётся под ногами». Именно так было. И небо — разламывалось. А он был среди нас — ужасным, невозможным центром всего происходящего.

Похороны о. Александра Меня

Мы поехали к дому — туда, где он умер. Кровь всё ещё выступала сквозь присыпанный песок у калитки, а на косяке я разглядела следы кровью — он тянулся к звонку, и пальцы, сползая, оставили как бы неявные очертания еврейских букв на дереве. Его убили топором по голове ударом сзади, когда он шёл по тропе к электричке на воскресную литургию в наш храм. Люди из соседнего дома видели в окно, как он шёл к дому, зажимая затылок рукой — уже убитый. Умер через двадцать минут после удара, истекая кровью. Спасти его, как сказали врачи «скорой», не удалось бы, даже если б они оказались рядом в момент удара — перерублена артерия, возможно, это был не топор, а сапёрная лопатка. Кровь его ушла в землю. Кто-то из детей предложил собрать этой земли, и мы собирали её и обгащённые камушки и листья. Сквозь доски забора смотрел на нас Малыш — большой щенок, единственный, кто видел, как он умирал.

— Теперь у нас не будет гражданской войны и еврейских погромов, — сказал один из нас тогда.

А через несколько лет, в этот день, который явственно стал с годами проступать как праздник, кто-то у могилы его произнёс:

— Теперь у нас две пасхи в году.

«Аще забуду тебе, Иерусалиме...», — пели с неизбывной ностальгией наши новодеревенские клиросные бабушки, и тоска

их, и воздыхание по Израилю созвучна была моей с детства печали о непоправимой данности — непринадлежности моей к роду Израилеву. Впрочем, я не забываю слов одной бельгийской монахини (мы возвращались вместе с шабата), которая сказала мне, что печалиться не о чем, ибо мы все евреи — через кровь Иисуса Христа, которой причащаемся.

«Берешит хайя ха-Давар...»

Я так люблю этот момент утренней пасхальной литургии, и когда в Деревне у нас священник произносит Евангелие от Иоанна на языках — древних и новых. И слышу львиные раскаты торжествующего его, нашего убитого пастыря, голоса. Он жизнью и кровью оплатил все слова, вложенные в нас. Там, у калитки, я раскрыла оранжевое Евангелие, изданное в Тэзе, и приложила, прижала к той земле, и до сих пор храню ту телеграмму с бурым отпечатком.

«В начале было слово»...

Пение в Новой Деревне (70-е годы)

«Свет во откровение языков и славу людей Твоих Израиля», — старушки клиросные допевают тропарь, всю душу вкладывая в мелодию и слова.

Теперь наша очередь, левого, молодёжного хора. Саша провёл рацию через алтарь с одного клироса на другой, чтобы можно было тихонько давать тон. Итак, мы принимаем к решётке самодельного устройства и слышим старушечье, нам посылаемое:

— До-ля-фа!

Это называется антифонное пение: когда поём по очереди, то они, то мы, — в единении как бы диалога хоров. Поглядываем на них, ловя каждый знак, кивок, жест рукой, чтобы ничего не пропустить и не перепутать. Оля-большая нараспев, речитативом, возглашает стих за канонарха, мы вглядываемся в старушечий клирос — так ли?

Оль нас было пятеро, «имя им Ольгион», по слову отца Александра, были ещё две Маши, Алла, Миша, Саша, Володя, Соня... В конце всеобщей оба хора сходятся у аналоя с праздничной иконой, поём вместе, а в середине поёт с нами отец

Александр. Счастливым горький дым ладана, родные лица, тихие цветные огоньки в лампадах.

Расходимся, чтобы завтра ещё до света прийти сюда вновь, на литургию. Мы в «певческий домик», а наши старшие учителя, многие с палочками — кто куда: кому пешком, кому на автобус. Берут благословение у батюшки на обратный путь. (Анюта мне рассказывала: вот как-то увязла в грязи посреди дороги, когда шла от храма. Ни вперёд, ни назад идти не может. Темно. Что делать? Помолилась Николаю-Угоднику. Откуда-то взялся молодой человек:

— Бабушка, давай переведу через дорогу», — перевёл на другую сторону.

— Как тебя звать, сынок? — спросила она. — Николай.)

Накануне праздника мы с подругой вызвались помочь благоулицительнице храма, Анне Евстигнеевне, которая в одиночестве перевешивала платы над иконами, взбираясь на стремянку. Итак, длинная Ира полезла на стремянку, повесила под руководством Анны Евстигнеевны над огромной иконой ткань, сняв ту, что висела прежде, — но старушка пожелала сама во всём удостовериться. И уже наверху вспомнила, что забыла очки.

— Там, поди принеси, на подоконнике.

Я кинулась к указанному подоконнику, но там лежала только пустая оправа без стёкол.

— Там ничего нет, только оправа.

— Вот-вот, неси-неси, они мне и нужны.

Удивлённо приношу и подаю пустую оправу, поднявшись на нижние ступеньки. Анна Евстигнеевна водружает очки на нос.

— Вот теперь вижу.

Поправляет складки...

К нам, молодым приезжим, она была строга. Но однажды вечером подозвала меня и сказала:

— Я ваш народ уважаю. У вас вера крепче.

Когда мы с братом только-только начали петь со старушками (ещё не было молодёжного «хора им. Романа Сладкопевца», как его называл отец), это было как великая привилегия, хотя школа была суровой.

Регентша, свирепая Ольга Михайловна, точным и незаметным быстрым движением пихала тебя в бок, если зазеваешься и запоёшь «не туда». Со временем я перестала огорчаться, но вначале это было нелегко. Конечно, я всё сносила молча, но,

видно, лицо меня выдавало, потому что однажды тихая безымянная старушка шепнула мне на ухо:

— Уклонися от зла и сотвори благо.

Я запомнила это на всю жизнь, и много спустя узнала эту фразу, услышав её в псалме.

Имена их как музыка, и незабвенные лица, походка. Клав было три: Клава большая, Клава маленькая и совсем незаметная при своём немалом росте ещё одна Клава. Маня, Мария, Маруся. Анна, Нюра. У Анны глаза были как свет... Мужчины: дядя Серёжа, он всегда ходил в лес за ёлками к Рождеству и за берёзками на Троицу, устанавливал их симметрично при входе в храм, у крыльца, и внутри, по сторонам царских врат; Тимофей, низенький, ходил как-то с затруднением (может быть, у него был протез?), пел удивительно вибрирующим басом; Евгений, он приезжал к нам в храм из Загорска, где жил, и на Пасху он выносил из алтаря зажжённый для крестного хода фонарь с цветными стёклышками; Кузьма Обрамьч, звонарь, на моей памяти уже не звонивший; Фёдор Васильевич, полслужбы пропадавший в алтаре, он всегда подавал нам оттуда чайничек с «теплотой» в конце службы.

Не все певчие пели звучно, иные — почти совсем неслышно. Но хор звучал необыкновенно трогательно и чисто, тепло, с каким-то особым стариковским дрожанием, строго и деликатно, молитвенно. Когда скорбно до слёз, а когда и с веселием, ликованием.

«Ангел седяй на камени гробнем» — пелось так естественно по-деревенски, что я была убеждена, что это народное, пока спустя годы не услышала в «городском» исполнении эту «партесную» вещь. Я полюбила там, на клиросе, Клаву большую, её пение низким-низким голосом, тенором, её тёмное загорелое на огороде лицо, всё неровное от морщин, как грецкий орех, её глаза за очками, как бы всегда полные слёз или готовые к слезам, и чтобы перенять её пение, я пристраивалась к ней поближе, и понимание её импровизаций шло как бы даже не через слух только, а напрямую, из её бока в мой. Мы стояли почти в обнимку, и она пела — мне с назиданием, взглядывая иногда сквозь очки: понимаешь?

Она пела свободно и точно, голос её мог вдруг упасть вниз, незаметно придавая особо трогательное мгновение звучанию хора, или вынырнуть из синхронного пения и вдруг на полсекунды

предварить общий аккорд — в полном одиночестве. Клава рассказывала мне, как на её памяти наш храм свезли сюда на дровнях, по брёвнышку складывали (его перевезли со станции Пушкино, там в связи с какими-то работами он должен был быть затоплен, вместе с окрестными домами, но по просьбе красноармейцев, вернувшихся с войны и обратившихся к Калинину, в 1922 году его разобрали и перевезли в Новую Деревню). Она помнила, как колокол поднимали, как он ударил в первый раз. «Я ещё девчонкой была...» На клиросе она с девяти лет. «Наш храм никогда не закрывали. Никогда».

Когда настоятель, отец Стефан, «фанатик церковного пения», предложил сделать молодёжный хор, отец Александр эту идею поддержал, и мы стали петь двумя клиросами, мы на левом, старушки на правом.

Конечно, ни бабушки, ни мы ничего за это пение не получали. И вдруг отец Стефан, который бывал на наших спевках и иногда сам их проводил, предлагает нам стать «правым», платным хором, а чтобы старушки, наши учителя, стали «левым», не основным, любительским. Мы, конечно, отказались.

И что же вышло в результате нашей деликатности? Отец Стефан нанял за деньги хор из Загорска, совершенно жуткий, с напыщенным оперным репертуаром, с резкими, как звук ножа по сковородке, визгливыми голосами, уж совсем это пение было не молитвенное, для нас, прихожан, просто искусительное. Потом он поменял этот хор на другой, тоже платный, потом на третий — один другого гаже.

Так что бабушек наша деликатность не спасла, стали они из единственного, а потом правого — левым хором, основную часть пения взяли на себя люди наёмные. Но и мы по-другому поступить не могли: это было бы вопиющей бестактностью по отношению к старушкам, нашим наставницам.

Вот так и оказалось, что нашему молодёжному хору из числа прихожан, приехавших к отцу Александру, не нашлось места. Кто-то из нас по старой памяти пристраивался в старушечий хор, так левый хор стал потихоньку разновозрастным. А правый со временем возглавила, к счастью, духовная дочь отца Александра, Нина Фортунатова, которая до того пела на Арbate.

Общение

Голос отца Александра живёт в нашем доме. Общие исповеди, проповеди, лекции, его моноспектакль «Сила и Слава». Но самое любимое — «домашние беседы», особый жанр, где он среди своих.

Какие-то из этих бесед происходили у нас, другие — у наших друзей. Детские голоса, собачий лай со двора — тоже запечатлелись на плёнке, воссоздавая теперь зрительные картинки тех счастливых лет. Счастливых, потому что мы оказались в пору своей студенческой юности включёнными в круг общения с о. Александром, а это был его особый дар — раздавать счастье. Звяканье чашек, смех, роскошь его присутствия среди нас — во всём привкус небесного пира.

Такие разговоры записывали, когда он приходил «на общения» — так называли у нас молитвенные группы, которые собирались еженедельно по домам. Они не были многочисленны, человек по 12–15. Было бы упрощением считать, что весь приход о. Александра дробился на такие группы. Совсем нет; у каждого было своё общение напрямую с о. Александром, и далеко не все прихожане знали о существовании «общений», это как-то и не скрывалось — среди своих, но и вовсе не вменялось в обязанность участвовать в «общениях».

К тому времени, как я впервые попала на «общение», у меня была уже очень славная компания молодых людей, которые стали петь на клиросе. Мы вместе снимали домик в Новой Деревне, топили там печку, разговаривали, читали стихи, репетировали; отец Александр заходил к нам. Среди этой клиросной молодёжи был мой будущий муж, тогда студент-медик. Он и привёл меня впервые в свою молитвенную группу.

Лидером её был тогда Володя Лихачёв — преподаватель МИФИ, человек яркий, старавшийся как-то себя пригасить, чтобы дать робким молодым людям почувствовать себя увереннее. В этой компании ощущался дух какого-то весёлого единства. Много юмора — и что-то по-настоящему серьёзное, глубокое.

Пока все собирались, пили чай на кухне; потом переходили в комнату, рассаживались вокруг стола, зажигали свечу, и начиналась молитва. Я очень люблю «Светильник», составленный

из Ветхого и Нового Завета (можно найти его в «Приходских Вестях» № 11). Мы передавали машинописную книжечку из рук в руки, читая по кругу текст вслух. Я знаю, что такие книжечки о. Александр давал не только нам, были они и в других «общениях». Тогда, в 70-е годы, это ощущалось особенно остро: молитва как что-то невидимое (даже тайное!), но реально влияющее на «состав воздуха», которым мы жили. Я запомнила слова мамы о. Александра, Елены Семёновны, когда она просила меня принести ей репейного масла для лампы: «В темноте я задыхаюсь».

Мы возжигали по домам светильники. Чин молитвы мог быть и иным. Читали что-то из Священного Писания, потом — свободная молитва. Как передать это особое ощущение единства перед Богом? Вот — мы все здесь, и время остановлено, и ты окунаешься в какое-то состояние сосредоточенного доверия — Ему и тем, кто рядом с тобой. И тогда можно, не напрягаясь и не чувствуя неловкость, говорить и слышать. Быть прозрачным, честным, бесстрашным. Не лукавить и не красоваться. Не бояться быть слабым, выглядеть плохо. Рисковать, доверяя Ему и другим своё сокровенное.

И в то же время никто тебя не принуждает, не тянет за язык. Если нет слов — можно просто помолиться в молчании и сказать «Аминь» (молились по кругу). Ты входил в жизнь другого, других, и твоя жизнь становилась разомкнутой, открытой. Это было и радостно и трудно. Как будто из наших немощей возникло что-то имеющее силу. Конечно, мы особенно молились, вместе со всем приходом, о болящих, о тех, кто в трудностях. Тогда был тяжело болен Лёва Покровский, это был рак желудка, он перенёс сложнейшую операцию, практически ничего не мог есть. У него было пятеро детей. Мы молились за него непрестанно, распределив сутки по часам (это была молитва всего прихода). Лёва сейчас живёт в Америке.

Так же непрестанно молились об отце Александре, когда в 1986 году он «шёл на посадку». В это время он просил людей моложе 50 не появляться в Новой Деревне, потому что за ним особенно тогда следили. Тогда уже мы начали обрастать новым поколением, появились дети, и те из них, кто хотел, участвовали в наших собраниях, как правило, частично — особенно дети любили «чашу». Они прибежали, затихали, слушали, что говорилось (чаша с вином, разбавленным водой, шла по кругу),

Маша Водинская и Оля Ерохина с детьми

и, прежде чем сделать свой глоток, могли сказать свои слова — обычно это была чаша благодарения. Ну и, конечно, дети участвовали в трапезе, которая всё же была особой, пронизанной духом ликования. Совершенно особым был вечер Страстного Четверга...

Все мы ходили в храм, но были дни, когда именно всё «общение» причащалось соборно. Отец Александр придавал этому особое значение.

В праздники собирались вместе. Готовили какое-нибудь действо по св. Писанию, по мере возрастания детей это стало всё более сориентировано на них, делали стенгазеты, придумывали викторины и т. п. У детей сложилась своя тёплая разновозрастная компания. Ходили вместе в паломничество к преп. Сергию (пеший поход) в Радонеж к источнику, устраивали прогулки, готовили праздники. Со временем дети составили свою группу, занимались отдельно от взрослых под руководством Володи Борзенко. Они приезжали на час раньше, а потом, во время взрослого общения, могли, при желании, присоединиться, — или просто играли в другой комнате.

Был период, когда всё наше «общение» делало ремонты, помогая нуждающимся в этом.

Однажды весной мы вызвались помогать о. Александру и его семье на огороде, это стало ежегодной традицией. Мы ощущали это как привилегию нашего «общения», на зависть другим.

8 сентября 1990 года «общение» было у нас в доме. Все вспоминают о каком-то особом вдохновении, которым были охвачены в тот вечер, веселии; после молитвы пошли на улицу, пели псалмы. Кто-то остался ночевать, чтобы вместе утром 9-го ехать на литургию. В Новой Деревне в тот день его не дождались.

После 9-го сентября мы говорили друг другу – как внове читается Евангелие, как никогда прежде остро ощутимо каждое слово, и каждое слово, которое о. Александр нам сказал, – оплачено его кровью. В те дни мы держались вместе. К нашему «общению» тогда присоединилось несколько человек, не знавших о. Александра при жизни.

Общение это продолжает собираться, как прежде. Народ время от времени совершает походы (даже с байдарками), совместные выезды за город. Дети выросли, стали студентами. Общаются между собой.

Я ощущаю всё это как опыт особого родства. Опыт Церкви. Ты не чужой в этом мире – вот главное, что ощущалось тогда, в 70-е, – и это осталось.

* * *

Наши встречи вспыхивают в памяти картинками. В них можно взглядеться, услышать те давние голоса, уловить тающий запах печного дыма...

Это был дом особенный. Ксения рассказывала, как отец Александр (Мень), придя крестить её третьего ребёнка, без особого воодушевления посмотрел на расписанный ею к событию затейливым орнаментом детский столик:

– Занимаешься ерундой. Я тебе давно говорю – пиши иконы!

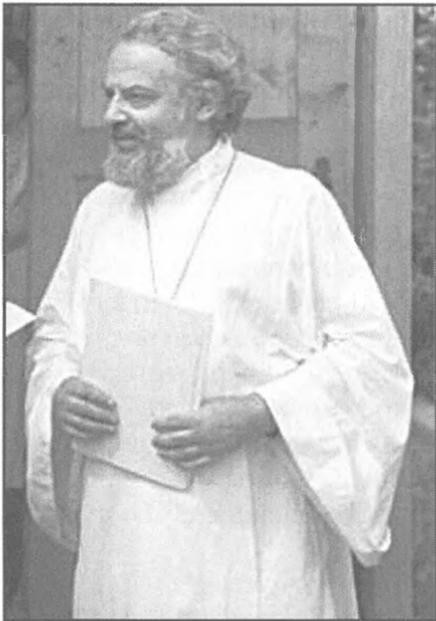
– Батюшка, мне присесть некогда!

– Вот и присядешь...

У окна был стол, где постоянно происходила основная слышная её жизнь – под беготню пятерых уже детей и двух собак. Баночки с пигментами, доски, кисти, баночки с эмульсией... Камушки, которые она перетирает в краски. Дивно

звучали названия их: лазурит, гематит, глауконит... Ксюша учила писать уверенно, чтобы не переделывать написанное. В шутку называла нас — «московская школа николописи», ибо первую икону обычно давала писать — Николу. Когда я не понимала, где проходят границы вохрения на лице (это был уже Спас оплечный), — гнала в Третьяковку. «Иди и смотри».

В доме была фисгармония, и Лёва, отец семейства, иногда по нашей просьбе присаживался за клавиши и пел «Коль славен наш Господь в Сионе» и «Ветку Палестины».

Сюда приходил опальный священник Сергей Желудков, учил нас церковному пению, тоже под фисгармонию. Клубились разговоры. Давали книжки. Самиздат, тамиздат. Смотрели альбомы. По телефону говорили осторожно: не произносились слова «Новая Деревня», «отец Александр», «будет исповедовать» — надо было говорить: «загород» — или просто «деревня», «наш друг» — или «Алик», или «Александр Владимирович»; «будет помогать». Иногда разносилось известие, что людям моложе 50 желательно какое-то время в Новой Деревне не появляться. Это означало, что присмотр за «работой с молодёжью» был особенно пристальный. (Уже в эпоху перестройки один священник, оказавшийся на конференции в Западном Берлине вместе с отцом Александром, пересказал позднее его слова: «Теперь у меня почти все спрашивают — как вы работаете с молодёжью? А вот в прежние годы меня об этом спрашивали — только в одном месте».) Однажды декабрьским морозным вечером прямо после всенощной под Николу отца увезли на допрос.

Впрочем, нас, молодёжи «хора им. Романа Сладкопевца», ограничение не касалось. Певчие — люди уже пропащие, что

с нас возьмёшь... В пасхальную ночь церковь окружали дружинники и милиционеры, хватали за рукав, останавливали — была инструкция не пускать молодёжь в храм. Мы шли вереницей, держась за руки, и, пробиваясь сквозь дружинный строй, говорили: «Мы на клирос... Пропустите певчих... Мы с клироса...» К «клиросным» пристраивался ещё огромный хвост и так, рука в руку, мы прорывались, изумляя, должно быть, дружинников огромностью хора.

Почти все мы были в ту пору неопитами, многие принимали Крещение тайно от родителей. Не трубили о своей вере в институте, в университете. Это было нашей сокрытой от внешних, сокровенной жизнью.

Вот картинка, точнее, «звук и воздух» того времени. Телефонный звонок.

— Ты едешь в субботу загород? Купи мне стаканчик, пожалуйста.

— ???

— Ну синенький такой, маленький, стеклянный.

— А-а-а, поняла, поняла. Хорошо!

— И фитилёк не забудь!

Это Саша Беатов, наш клиросный «Кулибин», изъясняясь эзоповым языком, просил привезти ему лампадку. Он провёл через алтарь рацию с левого (нашего) клироса на правый (старушечий), и мы, приникая к решётке приёмника, слушали подаваемый «справа» тон или указания уставщицы — что петь, на какой глас и т. д. Бабушки восприняли радиотехнику на клиросе вполне благосклонно.

Мы жили в Советском Союзе. Казалось, что это будет всегда. Незыблемой мёртвой плитой нависал над душой режим, мы жили как пленники не первого уже поколения. Приходилось сдавать «Научный атеизм», этот предмет преподавался всюду, — даже в консерватории. На улицах, чуть только выйдешь из дому, в глаза кричало: «Вперёд к победе коммунизма!», «Выполним решения XXIII съезда КПСС!» — белым на красном, или, как ни отводи глаза, непременно наткнёшься где-нибудь взглядом на уныло-серую чреду политбюрошных портретов, тяжёлых лицами, как гробный камень. (Наш друг художник Валера Красильников, совершенно безденежный, получил заказ — он делал иногда ретушь для издательств: подретушировать портреты членов политбюро ЦК КПСС; сел за работу — руки его по локоть покрылись экземой).

Каждую весну в пасхальное утро Ксюша вывешивала со своего балкона на Лесной длинный свиток с крупно ею написанным праздничной вязью, красным по белому, приветствием Иоанна Златоуста, — «Аще кто благочестив...» — что читают в церкви на Пасху. Это было — как знак надежды, хрупкий и весёлый. Любому.

В Новой Деревне снимали вскладчину избушку в 5 минутах ходьбы от храма. Её называли «Певческий домик». Топили камин (переделали печку в камин, и хозяйка, баба Маня, ничуть не возражала), читали стихи, беседовали. Репетировали песнопения накануне службы. Писали, рисовали... Делали ремонт. Одна девушка, художница, принесла с работы (она работала в музее Ленина, зарплату тратила на уроки живописи — готовилась поступать в Полиграфический институт) рулон с портретами членов Политбюро КПСС — бумага хорошая, мелованная, — оклеивали ими низенький потолок (портретами, конечно, внутри).

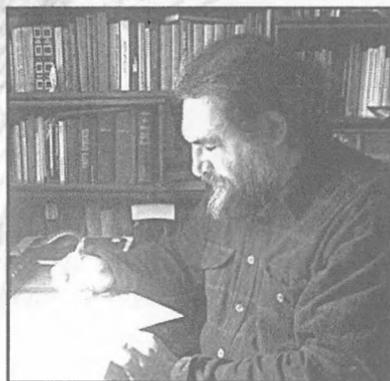
А ещё были путешествия-паломничества.

По благословию отца Александра ездили в Литву, к отцу Станиславу Добровольскису. В деревянном костёле под потолком угадывались в деревянных вензелях ангелы. Отец Станислав служил по-латыни, пел григорианские гимны, время от времени поднимался наверх, чтобы аккомпанировать себе на органе, потом вновь появлялся у алтаря. Показывал старые фотографии — он в арестантском бушлате, в ушанке (20 лет был в советском лагере). Ира вырезала у него в мастерской деревянного ангела. Перед отъездом о. Станислав подарил нам деревянную фигурку — «Христос в темнице». И ещё он дарил «солнышки», которые сам делал — кованые настенные подсвечники, где в средоточии лучей угадывался крест.

Ещё картинка. Пасхальная ночь, все поют «Воскресение Христово видевше...» Передо мной стоит Нина Голубовская, и мне слышно, как она поёт вместо «Разве Тебе иного не знаем» — «разве Тебе немного не знаем?» Думаю, что ослышалась — но нет, и во второй, и в третий раз Нина громко от всей души поет:

— Разве Тебе немного не знаем?

И я люблю себе напоминать этот простодушно воспроизведенный на слух текст. «Разве Тебя немного не знаем?»

Сергей Фёдоров

Родился в 1955 году. Москвич. С детских лет посвятил себя рисованию. По окончании школы работал в трёх театрах, музыкальном и драматических. Учился в театрально-художественном училище, однако не окончил. Придерживался нигилистически-диссидентских взглядов. По делу хельсинкской группы привлекался КГБ.

Встреча с архимандритом Таврионом Батозским в 1978 г. определила религиозную направленность жизни. Окончив музыкальную школу по вокалу работал в храмах чтецом, певцом, алтарником. Опыт церковной жизни отразился в литературных воспоминаниях автора. А встречи, общение с выдающимися церковными подвижниками составили основной материал для творчества.

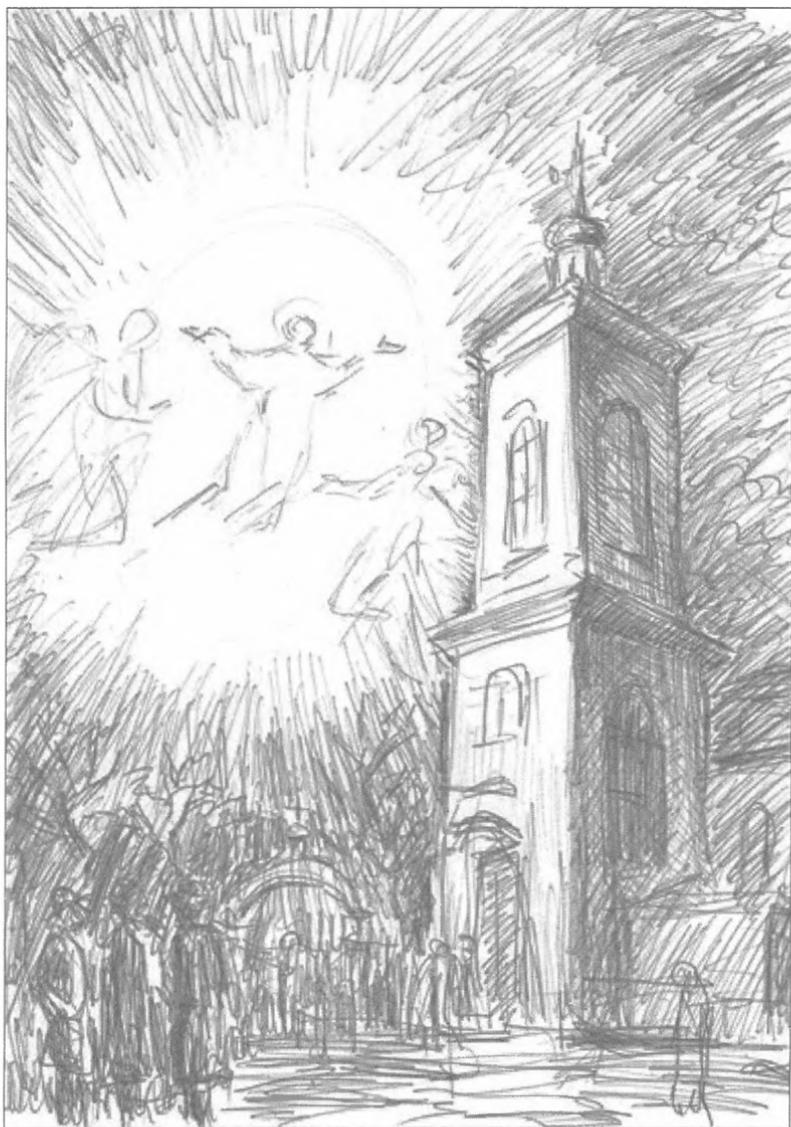
С 1997 г. начал публиковаться в журналах «Мир Божий» и «Приходские вести». Совместно с поэтом Владимиром Гомерштадтом и художником Анатолием Моревым в 2000 году выпустил сборник «Встреча». Затем вышел в свет альбом графики Сергей Фёдорова.

Встреча с Владимиром Ерохиным привела к многолетнему плодотворному сотрудничеству. Наиболее популярной у читателей оказалась книга «Арбатская старушка».

Воспоминания
церковного
сторожа

Проповеди протоиерея Всеволода Шпиллера, службы которого автор посещал в течение шести лет, явились школой, платформой, фундаментом христианского мировоззрения автора.

Церковным сторожем я начал работать в 1995 году в храме «Воскресение Словущее». До этого я часто пел в «левом» хоре храма, поэтому на такую ответственную должность, как церковный сторож, меня приняли без рекомендации. Принимая на работу, со мною провели целый инструктаж. Первая заповедь: ночью никому не открывать двери храма, даже милиции.

Приводился пример, как женщина спряталась в столе для поминальных свечей о упокоении умерших. Стол «канон» представлял из себя металлический короб с распятием и бесчисленным количеством подсвечников. Сторож не видел спрятавшуюся женщину, но чувствовал, что в храме кто-то находится, ночью особенно обостряется чувствительность. Начав обследовать храм, он увидел женские ноги, торчащие из под «канона». Вытащив оттуда женщину, свернувшуюся в три погибели, он связал её и вызвал милицию. Милиция приехала. Допросив женщину, они выяснили, что она должна была открыть дверь храма своему сообщнику, намеревавшемуся ограбить церковь.

В храме находилась чудотворная икона Божией Матери «Взыскание погибших», вся увешанная драгоценностями. Эта икона особенно почиталась артистами Большого театра, и в годы изъятия церковных ценностей они выкупили её у государства. Умирая, артисты завещали свои драгоценности на украшение иконы.

Милиционеры устроили в храме засаду, и когда сообщник пришёл, заставили женщину через дверь сказать грабителю, что всё в порядке. Когда он вошёл в храм, его тут же схватили.

Другой пример касался «благочестивых» грабителей. Человек долго стоял на коленях перед иконой «Спаса нерукотворного», приводя в умиление старушек служительниц. А когда он ушёл, оказалось, что исчезла огромная серебряная лампада, висящая перед этим образом. На неё он и молился в умилении минут сорок.

Меня предупреждали и о самозванных батюшках «самосвятах», собирающих деньги в храме, и об аферистах, сочиняющих о том, что им срочно нужны деньги для переливания крови ребёнку и т. п.

Как-то пришли негры. Протянув стодолларовую банкноту, они объявили, что жертвуют на храм пятьдесят долларов. Пока искали для них сдачу, из своей кельи позвонил настоятель. Узнав в чём дело, он сказал, что знает этих людей. Они таким образом сбывают фальшивые доллары. Мы посоветовали неграм всё-таки поменять доллары в ближайшей сберкассе, метрах в ста от храма. Они ушли и больше не появлялись.

Но были и искренние жертвователи на храм. Когда некий предприниматель Георгий сказал, что ему было во сне явление Георгия Победоносца, и он повелел помочь в ремонте храма, мы подумали, что у человека очень разгорячённое воображение. Так же посчитал и сам Георгий, не придав значения своему сну. Но когда явление Георгия Победоносца повторилось и предпринимателю даже была показана трещина в стене храма, Георгий понял, что дело серьёзно. Обговорив с настоятелем и старостой храма все детали, он сам нанял бригаду ремонтников, закупил материалы, краски, цемент и осуществил покраску храма и колокольни.

Другой благочестивый прихожанин, приезжая на «мерседесе» в храм, одаривал каждого нищего ста рублями. При его появлении раздавался крик: «Пётр приехал!» и все нищие сбегались, окружая его толпой. Пётр тоже молился только на коленях.

Надо заметить, что нищие храма были очень богатыми людьми. Когда за «ящиком» нужно было разменять крупную купюру, обращались к ним. Ранее я приводил пример, как пьяному нищему не продали свечу; обидевшись, он свернул бумажные деньги трубочкой, поджёг, и этот факел поставил на подсвечник в благодарность Богу за поданную ему милость.

Среди нищих была женщина с костылём. Однажды она опаздывала на троллейбус; тогда, зажав костыль подмышкой, она со спринтерской скоростью добежала до троллейбуса и вскочила на подножку дверей, нос к носу столкнувшись со сторожем храма, ехавшим в троллейбусе.

Человек, став церковным нищим, попадал в золотой капкан, из которого почти невозможно было выбраться. С самих ни-

ших тоже снимали дань, они должны были платить бандитам-рэкетирам. В церковном туалете жили бомжи, пугающие своим присутствием прихожан храма. Время от времени между рэкетирами и бомжами возникала поножовщина, так что приходилось вызывать милицию.

На чердаке дома причта жили «идейные» бомжи, это были верующие, но больные люди, озабоченные спасением России от жидо-масонов. Среди них особенно выделялся Виктор – безумный дед, считавший себя председателем какой-то партии, которая вот-вот должна была прийти к власти. Виктор считал, что или ему, или Ельцину, но одному из них не жить. И когда Ельцина убьют, Виктор въедет в Кремль, займёт его место, и тогда начнётся возрождение России. На что Виктору замечали, что если убьют его, то Ельцин въедет на его чердак. Виктор считал, что в Русской Православной Церкви служба совершается неправильно, поскольку церковные книги давно подменили. Люди видели, что он больной, и его подкармливали, и как ни старался староста прогнать его с чердака, у него ничего не получалось. Виктор прожил там около двух лет, а когда была создана партия В. Черномырдина «Наш дом Россия», он решил, что это и есть его партия и пошёл к Черномырдину домой, каким-то образом узнав его адрес. Охранники премьер министра скрутили Виктора и отправили его в психиатрическую больницу в Омск, где он пробыл полгода, а потом на электричках вернулся в Москву спасать Россию. Но к тому времени в храме «Воскресение Словущее» сменилось руководство, и всех бомжей, идейных и не идейных, оттуда изгнали.

Однажды я пригласил своих приятельниц сестёр Марину и Таню в храм на ночную молитву перед иконой Божией Матери. Я поведал им о новом способе молитвы. Как-то в ночное дежурство из-за запаха краски в дежурном помещении я не знал, где в храме главу приклонить, и обнаружил, что самое прекрасное место для ночлега это ступени перед чудотворной иконой Божией Матери «Взыскание погибших». Они были покрыты большим количеством ковров, рядом благоухали цветы в вазах. Принеся плед и подушку, я заснул у подножия иконы. Ночью мне казалось, что я летаю в духовных небесах, а от самой иконы исходит мощная благодать. Утром я проснулся обновлённым. Но на следующее дежурство через три дня поспать под иконой не удалось. Произошло убийство Владислава Листьева,

его должны были отпевать в этом храме. Предполагали даже на ночь оставить в храме, но поскольку в морге его тело уже попытались похитить неизвестные люди, я ответил организаторам похорон, что в храме сторож я один и гарантировать безопасность не могу. Тело Листьева привезли только утром. Ещё через три дня, в очередное дежурство, в канун родительской субботы, поздно вечером, на огромном лимузине к храму подъехал человек, который умолял впустить его помолиться перед иконой Божией Матери, говоря, что он специально приехал один, отпустив охрану и шофёра. В это время вместе с блаженной Анечкой, болящей девушкой, жившей в храме, мы пили чай, сидя у окна храма. Видя, как истерзан этот человек, я решил его впустить. Войдя, он первым делом достал пачку денег, это были доллары, и положил их на прилавок, сказав, что это его жертва на храм. Сумма была огромная. В глазах незнакомца я прочитал мысль, что когда он уйдёт, мы бросимся с Анечкой отсчитывать и себе часть денег. Я попросил его придти на следующий день и передать деньги казначею храма.

— А если их положить в ящик (в кружку)?

— Это может быть искушением для человека, который будет открывать ящик. А если хотите помочь, вот конкретно болящая девушка сирота.

Человек достал сто долларов. Я испугался. В то время это было «целое состояние».

— Вы знаете, она больная, её убьют бомжи за эти деньги.

Человек поменял сто долларов на пятьдесят. Наверное, напрасно я это сказал, хотя потом Анечку избил церковный нищий за конфеты и печенье, тот самый «Рогожин с факелом». Отдав деньги Анечке, человек стал раздеваться и бросать все вещи на пол. Я испугался опять: «Боже мой, кого я выпустил!»

На пол полетели роскошное пальто, шапка, шарф. Человек снял себя пиджак, бросил на пол вместе с деньгами и документами. Сорвал галстук, распахнул ворот рубашки, став очень похожим на Гамлета-Смоктуновского из фильма Козинцева.

— Теперь оставьте меня! — и как Гамлет, следующий за тенью отца, прошёл в полумраке через весь храм и бросился на колени перед образом Божией Матери, освещённой тремя лампадами.

— Свечу!

Анечка принесла ему свечу. Человек молился исступлённой молитвой.

Мы не мешали ему, и пили чай в дежурной комнате. В то время я был в стеснённых обстоятельствах, меня так и подмывало намекнуть человеку, чтобы он и мне пожертвовал сто долларов. После сильных колебаний, решил, что ничего просить не буду. Вскоре на пороге комнаты появился незнакомец, он уже был одет, в лице уже не было такой истерзанности. Мы предложили ему чаю, но он отказался и попросил проводить его, ласково кивнув на прощанье Анечке. В полумраке мы подошли к дверям храма, и пока я снимал тяжёлую железную цепь, отодвигал запоры, человек достал сто долларов и сунул их мне в руку. Я поблагодарил, сказав, что не буду ломаться и возьму. Загорелись красные огни лимузина и исчезли во тьме за поворотом, человек уехал.

Анечка узнала его, он был на отпевании Листьева и занимал самое высокое положение на телевидении. Вместе с Анечкой перед иконой мы вознесли благодарственные молитвы, поскольку я это воспринимал как дар от Божией Матери.

Я опять начал располагаться спать среди цветов у подножия иконы, а Анечка ушла ночевать в «катакомбы» под главным алтарем. В тёмных переходах ещё блуждал Виктор, но, никого не застав, ушёл к себе на чердак. Меня охватило беспокойство: «Что же я наделал! Человек хотел пожертвовать на храм, а я отговорил его». Но он действительно приехал на следующий день, на поминальную службу родительской субботы, узнал Анечку и пожертвовал большую сумму денег, после чего староста и казначей смотрели на меня с недоумением, поскольку оба были из «Комитета», как они сами позже говорили, когда произошла смена власти и им пришлось уйти.

Вторая ночь под иконой казалась уже не столь благодатной, а потом произошло привыкание к святыне, болезнь, свойственная тем, кто работает в храме.

Всё же я расписывал Марине и Тане удивительные переживания сна и молитвы одновременно. Они загорелись желанием прийти. Марина была на седьмом месяце беременности и, ничего не сказав мужу, в двенадцать часов ночи сбежала из дому на ночную молитву, так что домашние были в полном недоумении об её исчезновении. Она пришла со своей подругой и наставницей полустарообрядкой Ириной. Ирина проповедовала, что смерть это единственная реальность нашей жизни, а всё остальное это баловство.

Подошла и Татьяна. В отличие от Ирины, поющей в храмах двух Церквей и целиком посвятившей себя только молитве, Татьяна, наоборот, параллельно с посещением церковных служб потихоньку стала устраивать у себя литературные и музыкальные салоны. У неё это стало очень хорошо получаться.

В храме нас охватило религиозное возбуждение и восхищение духа. К нам присоединилась и Анечка. Однако первым делом был устроен чай с лимоном. Марина и Таня приехали с пледами, даже маленькими подушками, поскольку речь шла о молитве во сне. Когда Марина в час ночи позвонила домашним и сообщила, где она находится, то на другом конце провода последовали не очень одобрительные оценки относительно её молитвенных подвигов. Впятером в полутёмном храме мы начали читать акафист Божией Матери. Поскольку в храме никого не было, то молитва читалась от сердца, и казалось, что нас слышат. В умилении и радости мы пропели величание Божией Матери.

Но после акафиста произошло огорчение. Марина и Таня никак не могли договориться между собой, кому из них спать первой под иконой. Татьяна ни за что не хотела уступать, Марина же была утомлённой от семейных забот, да ещё пребывала в тягости. Ирина старалась примирить сестёр, но распря продолжалась. Договорились, что каждая дама будет спать под иконой по два часа, но всё будет решать жребий. Жребий пал на Марину. Ирина заметила, что это правильно, ведь Марина не одна, их уже двое. Но Татьяна не захотела соглашаться и со жребием. Тогда Ирина сказала, что она отдаёт свои два часа Татьяне, и пусть она спит хоть и второй, но уже до утра. С трудом Татьяна всё же согласилась на этот вариант. Марина стала устраиваться под иконой, а Татьяна продолжала пить чай с Анечкой, которая рассказывала ей свою жизнь. Ирина сидела на скамье около стены и молилась. Я предупредил дам, что если они по подземным коридорам пойдут в дом причта помыть руки и встретят в закоулках безумного деда, похожего на привидение, пусть не пугаются. Дав инструкции и наставления, я отправился спать. Было хорошо и волнительно, я сладко заснул. Меня разбудил резкий звонок в дверь. Было пять часов утра, храм был освещён утренней зарей, под иконой и на лавках, стоящих вдоль стен, сладко спали дамы. Во всём были мир и благодать.

У дверей стоял алтарник Онисим, я в ужасе и волнении открыл двери. Я совсем забыл, что в этот день служились две литургии, ранняя в семь утра, а алтарник всегда приходит за два часа до начала службы. Мы были застигнуты врасплох. Онисим был специалист по скандинавским языкам, свободно владел французским, немецким, читал в подлинниках античных авторов, был знаток и собиратель живописи, особенно русского авангарда. Он не являлся штатным алтарником храма, однако ежедневно за два часа до литургии приходил в храм и выполнял всю работу по подготовке к совершению литургии. Он сослужил священнику, читал синодики, послания Апостолов, участвовал в служении молебнов и панихид, был главным алтарником, душою алтаря. За свою работу он никогда не требовал денег, само служение для него было одновременно и подвигом, и потребностью. Как эстета и филолога его потрясали мистическая глубина и красота службы. Ради этого он готов был вставать в три часа утра (и зимой тоже), и приходиться к пяти утра в храм, вызывая тихое оцепенение сторожей такой регулярностью. У меня даже родился приветственный стих: «Солнце познаша запад свой, и луна. А Онисим стояша у входа». Вот и сейчас он появился за два часа до начала службы. Я кратко обрисовал ситуацию. Пройдя в храм, Онисим увидел сладко спящую девушку на коврах под иконой, укрытой пледом и утопающей в цветах. Рядом вдоль стен мирно почивали другие молитвенницы.

— Вы бы ещё стулья поставили, чтобы спать на руках у Богоматери, вплотную к иконе, — сказал Онисим. — Работать надо, а не спать под иконой.

Я ответил, что сейчас разбуду дам.

— Нет-нет, ни в коем случае не будите, пусть спят, — остановил меня тихим голосом Онисим.

Но дамы уже просыпались. Они были очень довольны и делились своими переживаниями. Потом попросили разрешения у Онисима помочь ему зажечь лампы в храме, и хотя алтарник этому был не очень рад, поскольку все лампы зажигал он сам, и в этом было своё тайнодействие, всё же разрешил.

Дамы были в молитвенном восхищении, и в таком настроении покинули храм. Правда, на выходе повздорили опять, кому из них везти домой пледы и вещи. Жребий пал на Татьяну. Тогда Татьяна запихнула их в «катакомбы» к Анечке, откуда они

и исчезли, поскольку служительницы посчитали, что это жертва на храм, как и другие хранимые там вещи. И хотя мать Марины и Тани, покупавшая эти пледы на свои деньги, и негодовала на пропажу, Марина и Таня считали это мелочью, главное — это молитва, а всё остальное приложится.

Однако Инна Иосифовна обвиняла дочерей, что они молятся за её счёт. Но и сама Инна Иосифовна приезжала молиться к иконе Божией Матери и к иконе Спиридона Тримифунтского по квартирному вопросу, и вопрос разрешился очень хорошо.

Новая молитвенная практика быстро стала известна среди верующих. Возникла целая очередь, в основном из женщин. Татьяна приезжала ночью несколько раз. Сторож Евгений, оставшийся вместо меня (я скоро покинул храм), просил её не приезжать так часто, поскольку она компрометирует его. Сам Евгений тоже спал под иконой, и дочь его. Имея два университетских образования, Евгений мечтал поступить в монастырь, но это никак не удавалось. Семья не отпускала его. Ему очень хотелось, чтобы тогда дочь стала монахиней, но считал, что прежде она должна получить университетское образование, поступить на биофак, где не только дают информацию, а учат постановке мышления. Дочь готовилась усердно. После дежурства в храме Евгений с большой неохотой ездил на приёмные экзамены, поскольку входил в приёмную комиссию университета. Вероника с верою спала под чудотворной иконой Божией Матери и поступила в МГУ.

Всем, кто так молился, с верою спал под чудотворным образом, были явлены чудеса. Марина легко родила какого-то удивительного златоволосого младенца. Во время родов в небе была радуга, а в храме в его честь были открыты Царские врата. Младенца называли Даниилом в честь пророка Даниила.

Полустарообрядка Ирина, после пережитой драмы в семейной жизни, неожиданно для себя занялась иконописью. Она прошла обучение у нескольких хороших мастеров, а затем в лице художницы Евгении Александровны Тавъевой обрела гениального учителя. Обе — толстовка Евгения Александровна и старообрядка Ирина — приходили в экстаз от открывающихся откровений. Евгения Александровна объясняла Ирине, что без знания мирового искусства нельзя понять и древнерусскую живопись. Кругозор Ирины резко расширился, она расцвела как художница, стала очень хорошим иконописцем. Нашла

свой духовный путь. (После нескольких лет занятий убеждённая толстовка Евгения Александровна стала подумывать о крещении, а старообрядка Ирина, жаждущая смерти, у себя дома стала преподавать девушкам пластику и танцы, поскольку до своего старообрядчества занималась балетом).

Татьяна обнаружила в себе способности устраивать музыкально-литературные салоны. Её салоны стали знамениты по всей Москве. Творческие люди с большой охотой посещали их. Музеи и библиотеки предлагали ей свои залы для проведения салонов.

Сам автор в это же время тоже неожиданно для себя занялся литературной деятельностью и даже стал издаваться. Позже автор опять вернулся в храм на работу сторожем. Ночью в алтаре он помолился перед престолом, чтобы ему была послана пишущая машинка для работы литературной, а в ответ (на следующий день) ему был послан компьютер с принтером, чего автор никак не ожидал. На этом компьютере он и написал свои воспоминания о новом способе молитвы: поживании под чудотворной иконой. Но предостерегает, что злоупотреблять этим нельзя, очень большая опасность впасть в языческое отношение к иконе, воспринимать её как волшебный талисман.

В году 1996–1997 в храме сменилась власть, приехал новый настоятель из Нью-Йорка, и всей иррациональной жизни внутри храма пришёл конец. В храме воцарились дисциплина и порядок, и молитвенное поживание народа под иконой тоже прекратилось. Но свидетельство о чудесах, происходящих от этого образа, осталось, к сему аз грешный руку приложил. Аминь.

* * *

Дети Марины четырехлетний Филипп и шестилетняя Шура на даче играют в маму, ждущую третьего ребёнка.

Шура на террасе раскладывает подушки, одеяла, детскую кроватку. Приходит соседская девочка Катя тоже шести лет. Увидев, с какой серьёзностью Шура занята раскладыванием подушек, она спрашивает:

— А где Филя?

— Филя на втором этаже рождает, а я здесь всё готовлю, — ответила Шура.

— А-а, — с пониманием сказала Катя, кивая головой.

Пророк

Среди православных возникло странное поверье, что через детей до четырёх лет можно узнать волю Божию или услышать слово Божие о себе, поскольку младенцы — Ангелы, и они прозрачны для неба и благодати Божией.

Марина очень серьёзно относилась к этим слухам. Рассказывали о четырёхлетней девочке в Загорске, у которой бабушки брали благословение, а она была хохотушкой и всё воспринимала как игру. Марина очень хотела услышать слово Божие о себе, но её старшие дети уже выросли, а младшая ещё не говорила.

Как-то на дачу на своём микроавтобусе заехал друг, отец многодетного семейства Евгений. Из своих семерых детей он привёз четверых, среди них был очаровательный трёхлетний Феденька. Марина не отходила от него. После шумно проведённого детского дня, после чая гости стали грузиться в микроавтобус, и Марина осталась с Феденькой наедине. (автор в это время продолжал пить чай на веранде и был незаметен ею).

На траве, сидя на корточках, Марина прижимала Федю и к себе и просила:

— Скажи, скажи слово Божие.

Ребёнок не понимал, что от него хотят, и молчал. Марина продолжала вопрошать слово Божие о себе. Федя молчал. Но по слову «просите, и дано будет вам» Марина продолжала вопрошать. Ну, ребёнок и возвестил. Очевидно, он повторил то, что говорили ему взрослые дети, потому что на настойчивую просьбу сказать слово Божие, он ответил:

— Говнюшка.

Получив такой ответ, Марина больше не вопрошала маленького пророка. А может быть, он действительно был пророк?

В сырую погоду Марина пыталась около часа растопить самовар на улице. Она хлестала самовар тряпкой, непрерывно читая над ним Псалтырь. Самовар так и не разгорелся, не помогла даже Псалтырь. На следующее утро Марина сменила тактику: возведя очи горé, она непрерывно пела молитву Святому Духу, «Царю Небесный, Утешителю, Душе истинный...» Самовар разгорелся.

Будучи ревностной православной христианкой, Марина очень сожалела, что по канонам у мужа может быть только

одна жена. Если бы у её мужа была вторая жена, она сама могла бы больше ездить по монастырям.

Не очень ориентируясь в мировом искусстве, Марина была уверена, что Джоконда Леонардо да Винчи держит на руках младенца Христа. Муж Марины писал компьютерные программы, а она была убеждена, что компьютер от беса. Хотя за счёт компьютера кормилась вся многодетная православная семья.

О реинкарнации

Церковный сторож Евгений рассказывал о международном конфликте, происшедшем в общежитии МГУ для иностранных студентов. Там проживали студенты из Индии, и поскольку они верили в реинкарнацию, перевоплощение душ, то этаж, на котором они проживали, наполнился тараканами, мышами.

Студенты их не трогали, наоборот, подкармливали. Потом на этом этаже поселили немецких студентов, которые быстро навели порядок, уничтожив всех мышей и насекомых. Увидев такое истребление своих «родственников», индусы пришли в испуг и в гневе устремились на немецких студентов. А те никак не могли понять, почему на них кричат индусы.

«Запад есть Запад, Восток есть Восток, и им никогда не сойтись». Пришлось немцев переселять на другой этаж, развести Восток и Запад.

В 1980 году бабушка моя, впервые увидев книгу о Туринской плащанице и фотографию Христа, сказала:

— Я всегда считала, что Христос был. Но Он был обыкновенным человеком, а не Богом. Просто Он перешёл в нашу русскую веру, и евреи Его за это распяли.

Критика

Пожилой артист театра Маяковского делился своими соображениями:

— Я не верю в рай, не верю в то, что меня там будут встречать апостолы Пётр и Павел. Не верю в Бога, по крайней мере, так, как вы верите. Но у меня в Ленинграде есть свой идол, и я каждый раз к нему прихожу, приношу деньги, и прошу о помощи. И вот в последний год мне одному дважды подняли зарплату.

В восьмидесятые годы на собраниях друзей, богословских чаепитиях на кухне, возник спор о том, что такое монада Лейбница.

Михаил, преподаватель математики в МГУ, заметил:

— Надо же, о чём люди спорят. Не о водке, не о бабе, а о монаде Лейбница! — на пачке сигарет нарисовал каракатицу и сказал, — Вот ваша монада.

Когда же, во время дискуссии о психических явлениях на уровне элементарных частиц, было заявлено, что «кварки это лица общения», моё сознание стало уплывать в неведомые духовные сферы.

Бывший йог, впоследствии ставший священником, рассказывал, как другой йог, входивший в их группу, обладал способностью вытекать из тела и летать в астрале, видя людей и всё, что происходит вокруг. Но в таком свободном полёте был уловлен магами: словно сеть, его захватила некая сила, он оказался в комнате, где они собирались для медитаций и волхования, и уловления таких блуждающих душ. Его собрались убивать, поглощать. Йог забился в ужасе, вспоминая все магические заклинания, действия, которые могли бы его освободить. Поскольку в йоге отовсюду, из всех религий надёргана духовная практика, он стал вспоминать и молитву Иисусову.

— А, «христосик» попался, не выйдет, не выйдет, — говорили маги.

В смертельном ужасе йог возопил ко Христу. Словно невидимая цепь оборвалась. «В последний раз тебя спасаем», — прозвучало внутри йога. Он стал свободен. После этого в астрал уже больше не выходил. Вся группа йогов благодаря старцу Тихону Пелиху из Отрадного перешла в Православие, а руководитель группы, женщина, перешла в иудаизм.

В то время была очень знаменита лаборатория Спиркина, где занимались изучением и практикой чёрной магии. Руководитель йогов предупреждала своих подопечных:

— К Спиркину не ходите, там мрак.

Всё это рассказывалось в связи с тем, что один из участников наших собраний, хозяин квартиры, больной и одинокий человек, от тоски решил заняться йогой, так, чтобы забыться в медитации и уйти от этого мира. Ранее он даже крестился, но духовная жизнь не получилась, тогда он решил попробовать другое.

— Дьявол платит наличными, — повторял он.

Поэтому бывший йог и объяснял ему, что в астральном мире всё очень жёстко, там свои законы, и нельзя просто так болтаться куда хочю.

Позже церковный сторож храма Воскресение Словущее Валерий Иванович, кандидат наук, десятилетия проработавший в космическом институте, рассказывал об опытах выхода в астрал, проводимых в этом институте, наподобие тех, которые проводились в американских космических институтах.

— Практику, методику ухода мы нашли, а вот с возвращением не получается. У нас погибли люди, не смогли вернуться.

Анатолию, хозяину квартиры, бесы являлись в виде членов Комитета Галактической Безопасности, Один из них жутко похожий на человеко-кота, так рассказывал Анатолий священнику, который его крестил. Коты исчезли, но ненадолго. Толя был одержимым человеком, в нём пребывала страшная сила, по-своему он даже был прозорливым. В то же время он был ультра программистом. Мы собирались у него дома, чтобы как-то поддержать его, но каждый раз после этого было ощущение рваной раны в душе, потеря сил. Позже духовник о. Всеволода Шпиллера, затворник о. Павел Троицкий в письме запретил мне посещать эти собрания, хотя о них ему никто не писал. Но, находясь в тверских лесах, он духом созерцал то, что делается в Москве. В дальнейшем четверо из семерых участников богословских чаепитий ушли из Церкви.

Миша Белянин до своего обращения никак не мог понять, для чего существует атеистическая литература.

— Если у меня дома не растёт пальма, то зачем писать книги и доказывать, что она не растёт из паркета? Ясно и так, что не растёт.

Придя к Богу, он понял, что вера это дар, дар от Бога. Сам по себе человек, своими усилиями не может прийти к вере, вот почему требовать веры от неверующего человека нельзя.

Батюшке говорят:

— Космонавты летали в космос и Бога там не видели.

— Космонавты летали в космос, а не в Царство Божие, — ответил батюшка.

Женщина, не очень ориентирующаяся в церковной жизни, обращается к священнику так, как она это видела в фильмах, на католический манер:

— Святой отец!

— Я не святой отец, — отвечает священник, — я грешный отец.

— Да?!

Женщина плачется батюшке:

— Батюшка, я живу в коммунальной квартире, у меня такие соседи...

— Коммунальная квартира! — восклицает батюшка. — Да ведь это такая благодать!

Александр Иванович Рогов, особа, приближенная к Патриарху Пимену, рассказывал, как иностранный журналист задал Патриарху вопрос:

— Вы достигли высшей точки в церковной иерархии, стали Патриархом, есть ли у вас ещё какие-то желания, стремления, ведь выше уже некуда?

— Да, есть, — ответил Патриарх. — Я бы сейчас очень хотел быть привратником в Псково-Печорском монастыре.

По свидетельству Александра Ивановича, Патриарх по поводу запрета отпевать самоубийцу ответил:

— Все мы самоубийцы. Наоборот, самоубийцу надо один раз отпеть, второй, и ещё в третий раз.

Истово верующая старушка, ревностно исполняющая все предписания Церкви, Зоя Васильевна Киселёва кается своему духовнику о. Всеволоду Шпиллеру:

— Батюшка, я непослушна, у меня нет послушания.

— Кого вы не слушаетесь? — спрашивает о. Всеволод, — Леонида Ильича Брежнева?»

Наместник Гавриил спросил меня, зачем я приехал в монастырь.

— Так благословил духовный отец.

— Духовный отец, духовная мать, духовная девка... А что, своей головы на плечах, что ли, нет?

Говорили, что во время проскомидии он вонзил «копье», которым вынимал частицы из просфоры, в ягодицы сослужащему с ним священнику, посчитав, что тот плохо о нём думает.

За глаза его называли не архимандритом, а архибандитом.

По свидетельству Зои Васильевны о. Всеволод Шпиллер осторожно относился к принятию монашества, полагая, что часто принятие монашества это только ступенька к епископству.

Молодой человек, работающий алтарником, жалуется о. Иоанну Крестьянкину, что священники в алтаре совсем не такие, нежели когда они проповедуют на амвоне. В жизни они совсем не исполняют, то, что проповедуют. Ему хочется уйти из храма, где служит, и перейти в другой.

— Всё, чему они вас учат, исполняйте. По делам же их не поступайте, — ответил о. Иоанн евангельскими словами, и добавил. — А из храма не уходи. Уйдёшь, будет ещё хуже.

Вечером, когда служба уже закончилась, в храм пришёл человек лет сорока с очень живыми глазами. Одет он был несколько экстравагантно, в чёрной бархатной куртке, в чёрных джинсах, золотые украшения на руках. В опустевшем храме он обратился ко мне с просьбой сказать ему, как надо подать записку о поминовении умерших. Женщина, продающая свечи за ящиком, уже ушла, священников в храме не было, а человек именно в этот вечер хотел подать записку.

— Вы напишите записку с именами, положите на неё деньги, и я её сейчас отнесу в алтарь, а утром батюшка на литургии её прочитает.

Человек обрадовался. Очень долго пришлось объяснять, как надо правильно писать заголовок: о упокоении рабов Божиих таких-то, таких-то. Человек дважды переписывал записку. Взяв этот листок вместе с деньгами и не прочитав, что там написано, я прошёл в алтарь и положил записку на стол рядом с жертвенником. Человек ушёл очень довольный. Уже на следующее дежурство алтарник спросил меня:

- Серёжа, а что, бандиты приходили?
- Почему вы так решили?
- Ну, это была ваша записка с деньгами?
- Да.

— А там было написано: «Помяни, Господи, подольскую братву» и перечислялись клички: «Кольку Косого, Серёгу Дзюпу, Ваську Самосвала» и т. д. — но бабушка всех помянул.

Церковный сторож Евгений ещё в начале девяностых отмечал такую закономерность:

— Демократы, открывая храмы, копают яму сами себе. Они открывают храмы, а в благодарность с амвонов этих храмов бабушки призывают к борьбе с демократией. А вот Сталина уважали. А демократы не могут поступать по-другому в силу самих принципов демократии.

Духовник Оптиной пустыни о. Илий спросил сослужащего с ним монаха о. Сергия:

— Молишься ли ты за Ельцина?

— Я, да ни в коем случае! — ответил о. Сергий.

— Молись за Ельцина, — сказал о. Илий, — если к власти вернутся коммунисты, всем нам будет очень плохо. — (Это поведал сам о. Сергий.)

Евгений определял структуру коммунистической власти как самую что ни на есть православную пирамиду. Верхушка этой пирамиды сменилась, вместо Бога стал Воланд, а вся структура, вся византийская идеология поклонения власти, психология холопства осталась. И менять ничего было не нужно.

Евгений ненавидел такие сказки, как «По щучьему велению», про Иванушку-дурачка.

— Это же архетипы. Иванушка-дурачок будет лежать на печи, а галушки ему сами в рот будут падать по щучьему велению. Но работать он не будет. И на этом у нас воспитывают детей!

— Времена империй прошли, — отвечал он когда, демократов обвиняли в развале СССР. — Ну что общего могло быть между азиатскими республиками и прибалтийскими? Империя была как одеяло из разных лоскутов. Все республики находились под коммунистическим прессом, этим и были объединены. Пресс слегка приподняли, и сразу сработали центробежные силы. Все побежали от этого прессы. А потом всё равно начнётся стягивание обратно.

Церковный сторож Евгений говорил об этом ещё в начале девяностых, и вот его предсказания начали сбываться.

У раки преподобного Сергия Евгений молился о победе американцев в Иране.

— Без защиты американцев мусульманский мир нас сметёт. И нас, и Европу. Если бы не было американской мощи, мелкие государства нападали бы друг на друга, а так американская дубинка не даёт.

Евгений терпеть не мог православную мифологию, рассказы верующих о том, что Богородица ходит у них по огородам, а святитель Николай квасит капусту.

Начитавшись святых отцов, Евгений стал предаваться смирению. Я говорил ему, что надо отличать холопство от смирения и в качестве примера приводил о. Всеволода Шпиллера, его слова: «Смирение и кротость это хорошо, но не надо быть подоконником».

Евгений как-то не чувствовал разницы. Вразумление пришло от сапога митрополита на Пасху, во время крестного хода. Этот пинок развеял его иллюзии о смирении.

В те годы были разные точки зрения на процессы, происходившие в обществе. Патриарх Алексей II полагал, что республике вправе выйти из СССР, но ничего хорошего из этого не будет. Митрополит же считал, что Союз надо удерживать военной силой, используя властные структуры КПСС.

— Этот отряд (епископов) очень хорошо уживался с советской властью, — замечал Евгений, по образованию он был биолог, и модели поведения животного мира переносил на человеческий социум, точно прогнозируя поведение различных групп и их психологию. — И епископам, и генералам нужен Советский Союз. Генералам — доказывать, что они нужны. Чтобы держать такую страну, нужна армия. А если Союза не будет, то в них не будет необходимости. А это потеря денег, положения, привилегий, дач, машин. А епископам — потому что власть ограждает и защищает их от других конфессий. Вот и происходит смычка.

Поэтому во время перестройки в одной колонне несли красные флаги и хоругви, портрет Сталина и знамя «Спаса Нерукотворного», и портрет Николая II.

— Мы были нищими, но у нас было сознание Великой державы, что мы угрожаем всему миру. А теперь мы те же нищие,

а сознания Великой державы нет. Обидно. Кто виноват? Демократы.

Какое-то время Евгений работал в патриаршей резиденции в Переделкине. Однажды, когда на берегу пруда он мастерил домики для лебедей, к нему подошёл Святейший. Поинтересовавшись конструкцией домиков, Патриарх обратил внимание, что из пруда торчит лестница, оставшаяся там ещё с зимы. Патриарх мог бы дать указание вытащить лестницу и пройти мимо, но он позвал ещё одного работника, и втроем они стали вытаскивать эту лестницу из пруда. Не сразу, но вытащили.

Другой работник рассказывал, как на выходе из Успенского собора в Кремле, стоя около машины Святейшего, он обратился к нему:

— Благословите, батюшка!

— Да ты, что! — воскликнул я, слушая этот рассказ. — Это всё равно что генералиссимусу сказать: «Товарищ лейтенант». И что же патриарх?

— А он долго, ласково-ласково смотрел на меня и благословил.

Канонизация Николая II у Евгения вызвала неоднозначную оценку.

— Он был хорошим человеком, его убийство было страшным преступлением. Но объективно отречение от престола помогло большевикам прийти к власти.

Слыша нападки священников на Петра I, возмущался:

— Вот по радио отец Дмитрий задаёт вопрос: «А что такого хорошего сделал Пётр I?» — Да за одно создание Академии наук ему можно было поставить памятник.

А творения митрополита Иоанна (Снычёва) ему представлялись полной безграмотностью.

— Для меня неприемлемо, когда интеллигенция, пришедшая в Церковь, отвергается ума и впадает в какое-то кликушество, считая это духовной жизнью, — говорил Евгений.

Движение национал-патриотов определил одной фразой:

— У них лозунг: «Ну, кому за Христа морду набить?» — и всё было ясно.

Таким был церковный сторож Евгений. Он непрерывно молился, спал по три часа в сутки и подорвал своё здоровье, поскольку всё это делал по своему благословию.

Однажды девушки хвастались о. Сергию Р.:

— Мы уже год не едим мяса.

— А вас кто-то благословлял? — спросил о. Сергий.

— Нет, мы сами так решили.

— Ну, если сами, то считайте, что это неядение мяса вам в осуждение, — ответил о. Сергий.

В Оптиной пустыни образца 1992 года, после перевода архимандрита Евлогия в Суздаль и прихода новой братии с новым настоятелем, резко изменился духовный настрой. С амвонов каждый день кричали о международном заговоре евреев и масонов, каждый день искали и, что самое интересное, находили масонов, в основном среди паломников и рабочих. Верили, что послезавтра наступит конец света и, разумеется, спасутся только православные, да и то только оптинские, а весь мир веки вечные будет мучиться в аду, и прощения ему никогда не будет. Знаменем такой идеологии были ложно понятые труды Игнатия Брянчанинова.

После Оптиной Пафнутие-Боровский монастырь, где были три-четыре монаха, остальные бомжи или вернувшиеся из заключения и нашедшие здесь кров, этот монастырь показался раем. Настоятелем монастыря о. Гавриил был бывший артист драматического театра Калуги. Монахи на трапезе сидели за одним столом с паломниками, и совсем не было деления на аристократов и крепостных.

Однажды духовное чадо о. Всеволода Шпиллера Зоя Васильевна Киселёва привела его слова, сказанные по поводу алтарника Николо-Кузнецкого храма К., окончившего семинарию и академию и по смирению не принявшего сан. К. ушёл с головой в изучение писаний епископа Игнатия и в исполнении написанного дошёл до такого состояния, что, как говорил о нём о. Всеволод: «Я еле спас его».

Другой алтарник жаловался священнику, духовному чаду о. Всеволода, на обстановку в храме и устройство священников. Тот ответил, что храм это лечебница, духовная психиатрическая больница, и что пациентами этой лечебницы являются не только прихожане, но и сами священники.

Евгений тоже искушался:

— Ведь Христос обращён к личности человека. Личность может быть только свободной. И если священники будут подавлять

эту свободу, свободу мыслить, они оттолкнул интеллигенцию от Церкви. Для интеллектуала свобода самое важное, и он всегда будет защищать её.

Его предсказание сбылось. Когда настоятель монастыря запретил всем монахам и работникам монастыря лечиться медицинскими препаратами и велел принимать только гомеопатию, Евгений, будучи биологом, понял, что такое послушание он понести не сможет и монахом не станет.

В Иоанно-Богословском монастыре архимандрит. Авель говорил ему, что готовиться к принятию монашества это также серьёзно, как подготовка к полёту в космос, и прежде всего нужен опытный духовник.

Зоя Васильевна каялась о. Всеволоду Шпиллеру:

— Батюшка, я всё время люблюсь собой, как Чичиков своим носом перед зеркалом.

— Вот, почаще читайте классику, — ответил о. Всеволод.

О. Всеволод говорил, что всё можно делать во славу Божию. Даже котлету жарить. Псевдосмирненное отрицание культуры православными людьми типа: «Музыка Бетховена? Чур меня. Стихи Пушкина? Чур меня» — о. Всеволод называл «семинарским богословием».

Он очень высоко ценил роман Булгакова «Мастер и Маргарита», полагая, что в годы государственного атеизма он являлся проповедью бытия Божия для мятущейся души советского интеллигента. Одну из своих пассий о. Всеволод начал с цитаты из Булгакова, говоря на языке интеллигенции, пришедшей в храм.

Когда режиссёр Михаил обратился к о. Василию Швецу с Чудского озера с вопросом совместима ли церковная жизнь с театром, он ответил:

— Главное, чтобы все делалось с любовью.

Сам о. Василий был когда-то артистом цирка.

Аллан Чумак советовал свои фотографии прикладывать к больным местам.

На исповеди ветхая старушка с двумя палочками, просит священника, отпустившего ей грехи:

— Батюшка, благословите меня умереть.

О. Всеволод Шпиллер говорил о людях, бравшихся за особые правила, духовные подвиги без покаяния:

– Люди с грязными сапогами лезут на небо, и их приходится оттуда сталкивать.

Автору хорошо это известно из собственной жизни: часто сугубые молитвенные «подвиги» приводили к стремительному падению. Я недоумевал: что же это за закономерность такая? Выяснилось – «грязные сапоги»

Если Александр Блок воспевал Прекрасную Незнакомку, а Данте возвёл Беатриче на божественную высоту, то Евгений считал, что женщина это автономная детородная установка. Он часто приводил цитату из Евангелия «а евших было пять тысяч человек, кроме женщин и детей», полагая, что Евангелие не считает женщин за людей. Евгений загонял свою дочь Веронику в монастырь, тоже цитируя Апостола Павла, что лучше быть незамужней, но ренил, что прежде дочь должна получить университетское образование на биофаке, полагая, что там дают не сумму знаний, а работают над постановкой мышления. Дочь окончила биофак и вышла замуж, вопреки воли отца. Что привело Евгения в негодование, он даже порвал отношения с женой и дочерью. Жена и дочь остались в Церкви, а Евгений стал ниспровергателем Православия (так, творения, Дионисия об Ангелах считал мифологической murой). Особенно сильное впечатление произвела на него книга «Бог как иллюзия».

У Евгения появились две внучки, общение с ними явилось откровением для него.

– Если бы семь лет назад мне сказали, что я соглашусь, что есть мистическая любовь, я бы не поверил. Сейчас всё захлестнул секс, это не любовь, а любовь к этим младенцам не имеет объяснения. Она мистическая. Я никак не ожидал такого, она открывает Бога.

Евгений вернулся в Церковь, хотя, даже став ниспровергателем Православия, он постоянно посещал службы. (Кстати, Вероника стала кандидатом наук.)

Начитавшись святых отцов о смирении и кротости, я, как ни старался притворяться смиренным и кротким, ничего не получалось. В один из выходов о. Всеволода на ступени храма, когда его тут же окружил народ, испрашивая благословения и задавая вопросы, я тоже спросил его:

– Батюшка, скажите, а как искренне считать себя «ничем»?

– Неискренне считать себя «ничем» нельзя, – ответил о. Всеволод.

Мне показалось, что я не получил ответа.

— Я вижу, что я вас не удовлетворил, — продолжал он.

— Нет, не удовлетворили.

— Для того, чтобы считать себя «ничем», не нужно атомной бомбы с шестнадцатью расщепляющимися боеголовками. Это не вопрос масштабов, а любви. Когда человек любит, по-настоящему любит, тогда он забывает себя и не считает себя кем-то, всё обращено на любовь к Богу, к другому, и человеку не до себя, он не думает о себе, главное Любовь, тот, кого я люблю, а я ничто, мне не до себя. (Можно по любви считать себя «ничем», а можно по страху перед атомной бомбой.)

Опять упомянув об атомной бомбе, о. Всеволод сказал:

«Ведь сколько добра можно было сделать открытием атомной энергии. А она была направлена на зло, на разрушение. Вы знаете, когда я был в Америке, мы встречались с Оппельгеймером, и он по ходу разговора сказал мне:

— А знаете, мы с вами одного духа. Одной философии.

— Почему? Я же не создавал атомной бомбы.

— А вы посмотрите, какая книга лежит у меня на письменном столе.

Я посмотрел — это был Достоевский.

— Да-да, — продолжал Оппельгеймер, — я такой же христианин, как и вы.

Я хотел сказать ему:

— Вы такой же христианин, как я — китайский император».

О. Всеволод рассказывал о приёме у владыки (митрополита Филарета?):

«Когда я вошёл к нему, он сказал:

— Отец Всеволод, я не спрашиваю вас, как ваше здоровье.

— Почему, ваше преосвященство? — спросил я, — Я был бы этим тронут.

— Потому что если я вас спрошу: „Как ваше здоровье?“. вы ответите: „Спасибо, вашими молитвами плохо“.

О. Всеволод был очень болен.

— Конечно, это моими молитвами «плохо», — закончил он.

О. Всеволод говорил, что кто перед нами виноват, за тех особенно молиться надо.

Женщина говорит священнику:

– А у меня и грехов-то нет.

– Мы таких людей рисуем на стене храма, а вокруг головы чертим нимб, – ответил священник.

Владимир Ерохин

Владимир Петрович Ерохин – православный издатель и композитор.

Автор воспоминаний о протоиерее Александре Мене и романа-хроники «Вожденное отечество».

В христианских кругах известен под прозвищами «Божественный Ерохин» и «Волшебный фонарь».

Джазовый саксофонист и скрипач-импровизатор.

Певец церковного хора, ученик священника Сергия Желудкова.

Член Союза журналистов СССР, воспитанник Анатолия Рубинова и Евгения Осетрова.

Изгнан из «Литературной России» за веру в Бога.

Уроженец Тамбовской области, сын фронтовика-сталинградца.

Военный переводчик, офицер-контрпропагандист – специалист по моральному разложению войск и населения противника.

Недвойственное
постижение

Участник защиты Белого дома в дни августовского путча 1991 года.

Методолог, семинарист Юрия Левады, Георгия Щедровицкого и Владимира Лефевра.

Лечебный педагог, учитель школы «Ковчег», преподаватель Школы юного журналиста при МГУ, Православного университета Александра Меня и Свято-Филаретовского института. Докладчик в Летней школе для учителей при Мичиганском университете (США).

Автор музыки к многочисленным спектаклям режиссёра Раисы Гершзон и четырёх израильским фильмам.

Христианство как умное делание, Церковь как умное небо неизбежно притягивают к себе интерес грамотного, а тем более учёного человека.

Как издатель я полагаю, что читатель и интеллигентный человек — синонимы. И он, читатель, «как лев рыкающий», ждёт ежегодника «Христианство и наука», чтобы его «поглотити».

Я дерзнул войти в ряды авторов сборника, чтобы поделиться с вами, моими коллегами и друзьями, некоторыми своими наблюдениями.

Высказывая что-либо, мы скорее всего претендуем на истинность или по крайней мере на близость к истине того, что мы утверждаем. Не является исключением и логик, который повесил себе на грудь дощечку с надписью на древнегреческом языке: «Я всё вру». Этот парадокс поставил в тупик многих.

Как говорил Георгий Петрович Щедровицкий, утверждать можно всё что угодно без всяких оснований; отрицать же надо, имея для этого определённые основания. Такая себе логическая асимметрия.

Рискованно соединение в одной интеллектуальной упряжке сомнения и веры. Это напоминает реакцию подопытных собак на круг и эллипс. При виде круга собаки были приучены рычать, а при виде эллипса лаять. И вот у них перед глазами начали крутить — переворачивать со стороны на сторону диск, и поочерёдно животным стал видаться то круг, то эллипс. Что сделали учёные собаки? Они завыли.

Даже максимы и аксиомы в принципе уязвимы. Всё подлежит сомнению. Например, был Гаутама Будда или нет? Или это индийский царевич Иоасаф, чью память Церковь празднует 2 декабря? Мы знаем о нём не больше, чем о Георгии Победоносце. Подвергается сомнению любимый всеми эпизод пощёчины Николая Угодника еретику Арию. Была пощёчина или нет? Поди знай. Или чудо Георгия о змие. Был ли змий? С одной стороны, вроде как не было, а с другой — был, и был

убит копием. По сей день богословской наукой не установлен пол ангелов. Неясно, в какой мере достоверны пророчества о конце времён. Необъясним полёт Ильи Пророка на небесной колеснице. Загадочен пророк Аввакум, которого ангел, взяв за волосы, перенёс из Иерусалима в Вавилон, чтобы он накормил Даниила, сидящего там во рту со львами.

Учёный человек привык к сомнению как инструменту проверки. Методологи говорят даже не о верификации, а о фальсификации, точнее, фальсифицируемости утверждений, то есть их обработке в горячем цеху научного сообщества.

Что является несомненным? В настоящий момент — только факт чтения Вами данного текста. Прошлого уже нет, будущего мы пока не знаем.

А есть ли у нас опыт восприятия вечного и участия в нём?

Религиозные истины не подлежат верификации. Являются ли они фактами?

«Если факты противоречат теории, тем хуже для фактов» — всем известный трюизм. Утешительно то, что «теория» по смыслу слова есть «истечение божества» — «θεωρία». Не будучи божеством, я излагаю сегодня только факты.

Есть у меня приятель — православный священник, ракетный инженер. Как-то раз сидим мы с ним в трапезной после литургии, обедаем. И он задаёт мне вопрос:

— Володя, ты вчера телевизор смотрел?

Я ему:

— У меня телевизора нет.

Он говорит:

— А я смотрел. И вот там двое спорят. Один утверждает, что есть душа, а другой — что нет. А ты как считаешь?

Я отвечаю:

— Душа — это процесс.

Протоиерей изумился и воскликнул:

— Приходи ко мне на Рождественские чтения! Да тебе Нобеля дадут!

Не знаю как насчёт Нобеля, но над своим ответом я задумался. И над тем, что предшествовало ему.

В юности мне привелось посещать семинар по теории игр, который вёл в Центральном экономико-математическом институте Владимир Александрович Лефевр, автор книги «Конфликтующие структуры». Мы изучали с ним рефлексив-

ные игры и стратегию объекта, сопоставимого по сложности с исследователем (имеется в виду человек). Как-то раз Лефевр, видимо, для разнообразия впечатлений пригласил к нам с докладом Александра Моисеевича Пятигорского, специалиста по индийской философии.

Я его немножко знал. Слушал на семинаре Ю.А. Левады его совместный с М.К. Мамардашвили доклад о метатеории сознания. Зайдя однажды в Институт научной информации по общественным наукам, увидел в коридоре Пятигорского, который, сидя на подоконнике и попыхивая трубкой, записывал что-то авторучкой в блокноте... на санскрите.

Пятигорский рассказал нам, что в индийской философии очень популярно понятие «наблюдение». Например, мы наблюдаем рыбок в аквариуме; сыплем им корм, зажигаем свет. А рыбки из аквариума нас не наблюдают. Можно предположить, заметил Александр Моисеевич, что и нас тоже наблюдают. Те, кого мы не наблюдаем. То есть речь идёт об объекте, несопоставимом по сложности с исследователем.

Запомнилась фраза Пятигорского: «Люди настолько глупы, что думают, что они могут подумать о чём угодно».

В те же дни мне случайно повстречался аспирант Левады Эдик (Давид Бенъяминович) Зильберман, мой консультант по культурологии. За ужином в кафетерии «Прага» он среди прочего рассказал мне о философии адвайта веданта (अद्वैत वेदान्त), что в переводе с санскрита означает недвойственное постижение. Создал эту философию Ади Шанкара, который жил в Индии в восьмом веке нашей эры. И пришёл к выводу, что себя нет.

Понять это было невозможно.

Но через много лет в послании апостола Павла к галатам мне встретилась максима: «Не я живу, но живёт во мне Христос». Вспомнился призыв Спасителя: «Отвергнись себя и иди за Мной». И Его слова: «Я и Отец одно», «кто видел Меня, видел и Отца». И: «да будут все едино, как Ты, Отче, во мне и Я в Тебе; так и они да будут в нас едино».

Путь слияния-отождествления даёт апостол Павел: «Подражайте мне, как я Христу». Человек есть образ и подобие Божие. Преподобный — значит очень похожий на Господа.

Отождествление и есть недвойственное постижение. Как говорят индусы, «нет видящего и нет видимого, но есть

видение». Нет субъекта, нет объекта, но есть постижение. Полагание Духом Самого Себя. Самопознание. В этом смысле и говорят индуисты: «Этот атман есть брахман». В их терминологии атман (आत्मन्) — человеческая душа, а брахман (ब्रह्मन्) — Дух, Бог.

Известны интуиции Бога имманентного и трансцендентного. Трансцендентный по определению непостижим. Имманентный — Тот, о Котором сказал псалмопевец Давид: «Часть моя еси, Господи». Надо полагать, самая главная и ценная часть.

Что же происходит при недвойственном постижении с личностью познающего? То, что сказал Иоанн Креститель о Христе: «Ему расти, а мне умяляться».

Если Бог есть Дух, чему уподобим Его?

В древнееврейском языке Дух — Руах. Этим же словом передаётся сила и дуновение ветра. Мы подчёркиваем: Руах ха Кодеш (רוח הקודש — Дух Святой). Кодеш означает святой и особенный.

Является ли сила объектом? Или субъектом? Существует ли справедливость или доброта? Есть ли ум, честь или совесть? Всё это категории незримого, неизмеримого, неосязаемого. Но они же есть!

Здесь я позволю себе такое рассуждение. Как (каким образом) существует музыка? Например, Пятая симфония Бетховена. Несомненно, она есть. Но как и когда? В момент исполнения? А когда оркестр замолкает, исчезает ли Пятая симфония? Нет, конечно, не исчезает. Мне скажут, что она есть в нотах. А если сгорят все ноты — перестанет ли существовать Пятая симфония Бетховена? Скорее всего, не перестанет. Слушатели и музыканты её помнят.

Так еврейский народ предназначен для того, чтобы помнить наизусть Священное Писание. Но если даже и никто не вспомнит — что, нет уже Бетховена и Библии? Или они есть всегда?

Возьмём к примеру Гамлета, которого знают абсолютно все. Но ведь его, того Гамлета, которому мы сопереживаем, никогда не существовало. Его придумал Шекспир, которого, как говорят, тоже не было. Пять маркизов и графинь поочерёдно написали его трагедии и комедии. А Уильям Шекспир, актёр из Стратфорда-на-Эйвоне, был неграмотным, не разжевал даже

азбуки соль. Но Гамлет живее всех живых, как сказал поэт по несколько иному поводу. Или Евгений Онегин...

Духовный мир не обязательно благочестив. Фактом духовного мира (или культуры) является Чапаев кино и анекдотов. Штандартенфюрер Штирлиц. Поручик Ржевский. В Википедии каждому из этих героев посвящена персональная статья с подробной биографией и фотографическим портретом. Хотя это скорее всего персонал чистилища.

Есть категории и лица, которых нет в нашем трёхмерном мире. Но они есть в культуре, в этом смысле подобной Царству Небесному: «Бог сохраняет всё, особенно слова прощенья и любви, как Собственный Свой голос».

Когда говорят о небесах — это хорошая метафора, позволяющая выразить невыразимое. Она возникла в древности, когда не летали самолёты и ракеты. Но у новоначальных верующих людей возникает путаница. Как тут не вспомнить знаменитый диалог атеиста со священником:

— Космонавты летали, а Бога не видели.

— Низко летали...

Небо в духовном смысле — аллегория, как и, например, сердце. «Или наши сердца не горели?», «Горé имéим сердцá...» «Возлюби Господа твоего всем сердцем твоим, всем помышлением твоим...» Но кардиолог, с которым я встречаюсь каждый месяц по поводу своей аритмии, вряд ли обнаружит в моём сердце какие-либо чувства. Не говоря уж о помышлениях, которые вообще неизвестно где ловить.

Мой стародавний друг, физик-теоретик, рассказал мне когда-то историю о том, как Павлов душу поймал. Тот самый Иван Павлов, великий учёный. Он сперва на собаках тренировался — собачьи души ловил. Это ему удавалось. И решил тогда Павлов человеческую душу поймать. А у него как раз в клинике больной лежал, при смерти. Вот Павлов наставил трубки разные, колбы, реторты, змеевик, вытяжной шкаф приготовил и ждёт, когда этот человек помирать станет. Дело к ночи было. Начал больной помирать. Павлов включил реостат, и душа — бульк! — по змеевику — в реторту! А он её пробкой — шпок! — и закрыл. Поднял вот так, смотрит. А душа бьётся за стеклом, как птица, голубым светится и на человека похожа. Загляделся Павлов на душу, поставил реторту на стол и задремал. Вдруг слышит — сквозь сон — голос ему как будто говорит: «Ты

душу-то — отпусти!» Ой! — вздрогнул Павлов, думает: почудилось. Только лоб к ладоням прислонил, а голос опять: «Отпусти душу!» Что за причуда? — думает Павлов. Крестным знамением себя осенил, в кресле откинулся и только было дремать начал, как вдруг слышит: «Выпусти душу, кому говорят! А не то твою заберем!» Испугался Павлов, вытащил пробку, душа — фьюить! — и улетела.

Представление о душе как объекте онтологично, и это в традиции европейского мышления, склонного к рассмотрению вещей, их сути и смысла. От него отличается еврейское мышление, которое больше интересуется взаимодействиями самими по себе, динамикой бытия.

Это схоже с утверждением древних индусов: нет видящего и нет видимого, есть только видение.

Зададимся вопросом: если всерьёз принять утверждение Шанкары, что себя нет, то кто же есть?

«Ему расти, а мне умяляться». «Часть моя еси, Господи». «Я и Отец одно».

От египетской мифологии происходит представление о душе как о некоем компактном существе, с его земной, а затем и потусторонней судьбой. Оно проникло в христианскую среду, скорее всего, по недоразумению.

Если душа — видение, наблюдение, а себя нет, кто же есть? Есть Бог, который Сам о Себе сказал: «Аз есмь Сущий». И голос Логоса — Христа: «Я в Отце и Отец во Мне».

Верующий человек жаждет познать Бога. Но Бог непостижим. Как же нам узнать Его?

Много лет назад мне привелось работать садовником в Благовещенском женском монастыре в Назарете. Естественно, я посещал богослужения в местной церкви и причащался. Однажды монахиня Параскева спросила меня:

— Володя, а тебе не трудно быть у нас на службах?

— А что тут трудного?

— Службы идут на арабском языке, а ты ведь не знаешь арабского.

На что я ответил:

— Сестра Параскева, а ты думаешь я в Москве хоть что-нибудь понимаю? Хор поёт как в подушку, чтецы — полон рот дикции. Да и язык церковнославянский, в котором некоторые слова русскому человеку надо понимать с точностью до наобо-

рот. Но даже если бы служба шла на современном русском языке и чтецом был сам диктор Левитан — что бы я понял тогда? Разве можно понять Бога? Ведь он непостижим. Храм — божественная среда. Надо в ней быть.

Не так давно в малозначащей книге по археологии (перевод с французского) я нашёл удовлетворительное определение Бога: «Бог — источник блага». Если мы хотим познать Бога, мы должны уподобиться Ему в главном, о чём неустанно твердил старый московский доктор Фёдор Петрович Гааз: «Спешите делать добро».

«Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей». Близкую к этому мысль высказал Олдос Хаксли: лучший инструмент богопознания — чистое сердце.

«Бог гордым противится, а смиренным даёт благодать».

Богословие восхождения (катафатическое) подвигает праведника дерзновенно устремляться к Богу, чтобы достичь Его.

Богословие нисхождения (апофатическое) выражает упование грешника на милость Бога и надежду на соединение с Ним («прииди и вселися в ны, и очисти ны от всякия скверны, и спаси, Блаже, души наша»).

В древнееврейском богословии есть хорошее понятие לְפָנָי [шехинá] — присутствие Божье. Священник, выходя из алтаря, являет собой Иисуса Христа, Который вышел на проповедь. Я не раз говорил и говорю своим священникам: вы для меня — присутствие Божье. Ведь мы и обращаемся к священнику официально: «Ваше преподобие».

«Да будет ученик как учитель его», — не раз говорил мне отец Александр Мень.

Вспоминаются и слова Лао Цзы: «Пусть будет ученик готов. Учитель всегда готов».

Нам не дано познать Бога. Мы разумные инструменты в Его руках, а Он композитор. Наше дело не расстраиваться и правильно звучать. Бог нам не посторонний. Наша душа — часть Божественного присутствия в мире. Если она правильно звучит.

Дух в нас и вне нас — один и тот же Дух. Подобно тому как вода в бутылке и в океане — одна и та же вода, H_2O . Бог имманентный и Бог трансцендентный.

О трансцендентном нам судить не дано, как скрипке о скрипаче. А имманентный нам хорошо знаком как совесть,

озарение, вдохновение, любовь. Бог есть в определённом смысле процесс, и душа есть процесс.

Муки совести, как и всякая боль, — сигнал бедствия, знак утраты верного направления движения. Терпеть боль не надо. Вместе с тем неразумно изменить своё сознание, скорректировать механизм восприятия, чтобы не ощущать боль. Способов много и все они порочны. Но... уж если «многие скорби праведным», то что говорить о грешных?

Притча о заблудшей овце, да и притча о блудном сыне создали своего рода культ грешника, а возможно, и греха. Сюда же ещё и благоразумный разбойник. Да и священники иные не устают призывать свою паству к постоянному покаянию. И ставят его, неиссякаемый источник уныния, непременным предварительным условием участия в Евхаристии, причастия. И вот рядовой мирянин старательно копается в несовершенной своей памяти, чтобы выудить из неё, как золотую рыбку, грех — пропуск ко Святой Чаше.

Культивирование падшей человеческой природы нашло благоприятную стезю в психоанализе и трудах адептов Венской школы. Они внушают человеку любовь к своей теневой стороне; как говорил Гоголь, «полюби нас чёрненькими, а беленькими нас всякий полюбит».

Считается, что примирение со своей падшей природой исцеляет невротика, уводя его от перфекционизма («есть тоска невозможных желаний»). В сущности психоаналитики говорят ближнему своему примерно то же, что и мой друг — джазовый трубач:

— Ты подлец — в хорошем смысле слова.

И вот вместо того, чтобы бежать от греха подальше, как Иосиф Прекрасный от жены Потифара, простодушный пациент примиряется с грехом, «как свинья валяясь в калу, и пес возвратится на свою блевотину».

Видно, чтобы этому потоку саморазрушения противостоять, старец, кажется, у Лескова, призывал: «Бог с тобой, чадо, грехи, но только не кайся».

А ведь стоит сказать весьма неблагоприятному человеку: «Да ты святой!», и он принимает это как проект, как руководство к действию. Проверено и не раз.

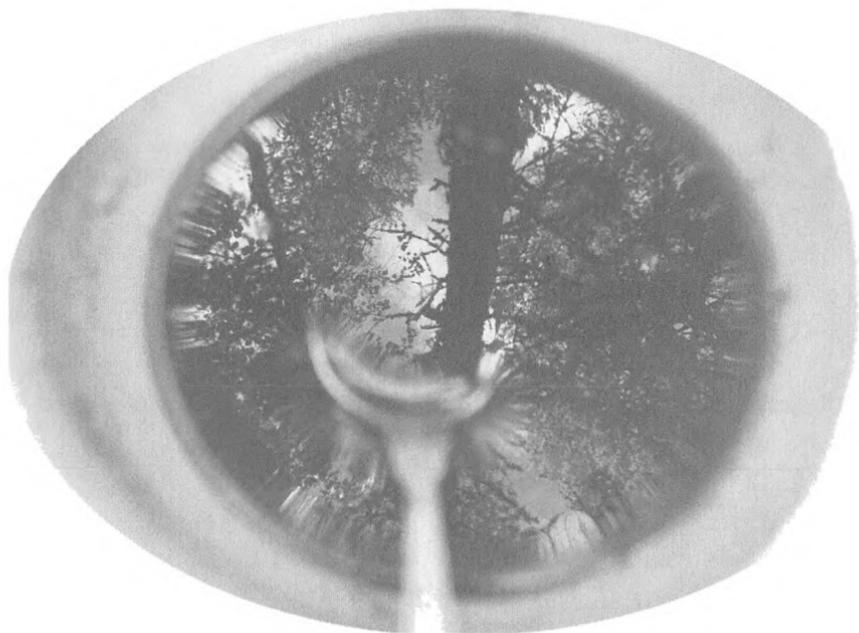
Кто пришёл послушать Нагорную проповедь? Немощные, одержимые различными болезнями и припадками, беснова-

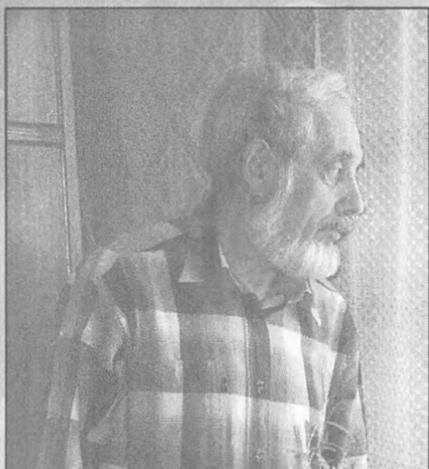
тые, лунатики и расслабленные. И именно им сказал Иисус Христос: «Вы соль земли... Вы свет мира».

Есть внушение и самовнушение.

Душа невидима, бесплотна. В трёхмерном мире её как таковой и вправду нет. Но она есть в Царстве Божьем, которое есть деятельность становления, работа Духа.

Вот почему я сказал сослуживцу, что душа — это процесс.

Сергей Зик

Родился в Москве. Закончил Московский автомеханический институт. Работал инженером на заводе, в других организациях, в том числе в течение 26 лет в Государственном комитете СССР по лесному хозяйству. Писать художественную прозу начал в середине 1950-х, однако публиковал только журналистику во многих периодических изданиях. В 2014 году вышла в свет книга прозы «Вечер в Евразии».

В данном альманахе печатается глава из неизданной книги «Одиссея лекаря Зика», посвящённой деду автора – Самуилу Мееровичу (Мироновичу) Зику (1861–1920), работавшему в прибалтийских губерниях России (Курляндской и Ковенской, исторически – в Латвии и Литве). В качестве военного врача С.М. Зик находился на фронтах русско-японской, затем Первой мировой войны.

После тяжелейшей работы в госпиталях Владивостока и Никольска-Уссурийского мой дед, вернувшись домой в декабре 1905 года по окончании войны с Японией, за считанные дни потерял свою горячо любимую жену Паулину, мать их троих дочерей. На

В глубинах
тайнственной
драмы

Дальний Восток она не сообщала ему о своей болезни. Теперь он отчаянно пытался спасти её, добился срочной операции в рижской клинике, но тщетно...

На фоне безмерной душевной боли и терзаний о судьбе осиротевших дочерей, из которых младшей — моей маме — был всего год и три месяца, жизнь доктора неизбежно и остро сопрягалась с последними вопрошаниями к Богу.

Через столетие я попытался дать реконструкцию его состояния в те дни.

В предлагаемом отрывке представлен, в частности, сжатый очерк двух великих монотеистических религий человечества — иудейской и христианской, в их исторической, теологической и нравственно-этической связи и различиях. Как замечательно сказал Блаженный Августин: «Новый Завет сокрыт в Ветхом. Ветхий открывается в Новом».

В качестве духовной опоры я использовал в тексте развёрнутый ответ-комментарий о. Александра Меня на вопрос «иудейское и христианское», заданный ему на домашней встрече в моей квартире в 1988 году, а также выдержки из его трудов. Эти исторические параллели и, хочется сказать, меридианы были сверхактуальны для миллионов людей в течение долгих веков, определяли суть жизни, её непреходящие ценности. Они останутся такими навсегда в глубинах таинственной драмы Богочеловечества.

Потянулись тоскливые зимние дни, дни без Паулины. 1906-й год. Стараниями Елены Юльевны*, освоившей роль хозяйки, вновь затеплилась жизнь в доме.

Главное внимание — малютке Фреди. Старшие девочки притихли, сразу посерьёзтели, понимая, что в семье несчастье. Мамы не будет, самый близкий человек неожиданно выброшен в непонятное и страшное отсутствие.

А доктор? Он старался больше бывать в своём кабинете, даже когда не приходили больные. Погружался в медицинские издания, в накопившиеся за отсутствие журналы. Его очень утешало, давало силы жить, что под одной крышей удалось собрать семью и преданных ей людей: Елену Юльевну, её мать Марианну и работницу Анну. Связи не распались. Что бы он делал без них?

Только *она* покинула его. Навсегда. Боже, за что? Безысходные думы не оставляли доктора. Конечно, он отвлекался, как бы забывал за делами, но *это* теперь неотлучно и скрыто жило в нём.

Он ни к кому не ходил. Ксендза Невардовского** церковные власти услали в другой приход, в далёкий город. Доктор лишился человека, которому мог раскрыть душу. В общении

* Е.Ю. Амлер (1873–1943), младшая сестра Паулины (1863–1905), поклявшаяся ей на смертном одре посвятить свою жизнь воспитанию трёх её дочерей. Для младшей из них, моей мамы Фреди Самуиловны Зик (1904–1992), Елена Юльевна фактически стала матерью. Своё обещание Е.Ю. с честью выполнила, а впоследствии жила с моей мамой в Москве и помогала ей растить меня. Умерла Е.Ю. на моих глазах в эвакуации в Чкалове.

** Настоятель костёла Вознесения Святой Девы Марии в Салантах, ксёндз Адольф Невардовский, магистр богословия, был человеком высокой культуры. У него с доктором Зиком сложились тёплые, дружеские отношения. Доктор, его жена Паулина и старшие дочери часто бывали в доме ксендза Адольфа, участвовали в музыкальных вечерах.

Доктор Зик

с ним можно было касаться вечных тем и получать какое-то успокоение. С домашними он не позволял себе растревлять раны, щадил их. Близких друзей в местечке уже нет. Оставался труд лекаря и затаённая боль.

Раскрыть душу ксендзу? Ему, еврею? Да, с Адольфом это было возможно. Но есть ведь раввин в Салантах. Казалось бы, ближе. А что-то останавливало. Не столь даже личность раввина. Что-то изначальное, на последней глубине Самуила не давало шагнуть к завесе грозного еврейского Бога. Не вставал между ними

двумя Человеческий Образ, к Кому хотелось бы припасть...

Самуил жил в нещадном реализме оставленности. Душа его вопияла. Паулина... неотпускающий протест в безнадёжном кольце молчания. Нет ответа.

Да, семья, дети. Да, приходили евреи и неевреи, соболезновали. Его ждали в синагоге и качали головами, не видя там доктора. Место общественное, как бы средоточие благочестивого духа. Но ведь «как бы», а скорбь всегда личная, без всяких «бы». И он не хотел делить её с обществом, размыть в разнородном...

Оставленность в справедливости. Что может быть нещаднее?

Однажды у него вырвались страшные слова: «Если Бог мог отнять у меня любимую с детских лет жену, то Он для меня больше не существует».

Невардовский инициировал и начал строительство нового кирпичного здания костёла в стиле неоготики взамен обветшавшего деревянного. Несколько лет он собирал пожертвования на крупную сумму для реализации проекта, созданного шведским архитектором Карлом Эдуардом Страндманом. Костёл и сегодня украшает Салантай, являясь его величественной доминантой. Острые башни и шпили видны отовсюду на дальних подступах к городу.

И я, его внук, частью своей понимаю деда: выдержал бы я такую безмерную боль и отчаяние? А он — да. Другая часть моя содрогается от этих слов, даже понимая: они уже история. И да, и нет. В жизни мне пришлось услышать схожие слова от других в такой же ситуации.

И в нашем странном диалоге через столетие хочется в раздвоении моём задать один вопрос. Колеблясь, я всё-таки озвучу его:

— А когда их с Паулиной жизнь складывалась милостиво, и было ведь такое, Он существовал?

Понимаю, какой жестокий вопрос задал. Деду или самому себе? Имею ли право спрашивать с другого, тем более с любимого, единокровного?

Конечно, нет. Не имею права. Да я и не сужу. Пытаться понять отчаяние другого, разделить его — не поздно и через сто лет. А понимать значит задавать вопросы. Хотя бы пробовать. Но понимать нужно всех — и близких, и далёкого, незнаемого Бога. Да и существующего ли? Бог, тем не менее, действующее лицо Процесса и *тоже* имеет права. Хотя бы урезанные, раз ставим их под сомнение в нашей человеческой аффектации. И тогда, по высшей справедливости, отстранённо далёкий может стать ближе близких.

Я *верю*, что дедушка понимал неоспоримость этого. Если не сердцем, не разумом, то неопределимыми импульсами на краю. Ведь он сказал: «*больше* не существует». Значит?.. Остальное — боль, выносимая или нет.

Но вера, но религиозный опыт стольких поколений?!

Сквозь боль прорастают зачатки связи всех во всём, или жизни настоящей. В ней *есть* Кому милосердно снять всякую несправедливость, и с ней — неизбежный обрыв.

А не страдать, не выбирать, а если хоть иногда не уподобляться Ему в бременах своих, если *никак*, то и будешь никем...

Паулина

Дедушка смог быть и остаться человеком. Каково было им обоим: ему и Ему? Можно только представить. Бог страдает вместе с человеком и более него. Он берёт на Себя ответственность. Мы же не всё знаем и ещё меньше можем вместить.

Проблема всё-таки остаётся: та ли логика сути жизни у Бога? У нас-то она простая, «бинарная». Ноль или единица. Всё или ничего. Одно исключает другое, третьего не дано. Ну как в компьютере, разве что в живом. А у Него? Знаю: будет дано третье, девятое, сороковое и скрыто есть уже теперь. Только бы мы приближались с ношей своей...

Но дедушка, даже ропща, неукоснительно нёс свой крест, пронёс до конца. И достоинство не поколебалось, при всех колебаниях духа. А я снимаю свой вопрос, оставляя его Сотворившему нас всех...

* * *

Страдания каким-то образом отпечатляются на духовной оболочке мира. Давно нет тысяч поколений их носителей, и столько всего произошло после. По-прежнему шатки гати через болота слёз, по ним не перейдёшь — не хватит равновесия. А из болот вытекают сменившие цвет потоки крови к тем дальним берегам. Там сохраняются они до капли в невещественных хранилищах, туда вместятся кровавые океаны. Для чего? И где они — впереди или только в прошлом?

Страдания фиксируются скрыто и обнаружатся в эмульсии плёнки с отложенной проявкой. Они вопиют, требуя разрешения, лучше сказать — искупления. И разрешатся в вечной памяти Бога. Он Сам — Искупитель и Утешитель.

Таким должен быть, таков и есть порядок мировой жизни. Он неизбежно ярусный, во многих уровнях. Задуман ясно и сложно, легко и высоко, его пронизывает фильтруемое время. Пусть оно неповторимо, но после него отстоится и пребудет всякая правда.

А нет — и всё бессмысленно в голой и слабой человеческой истории. Такого нельзя принять. Вот где беспримесная вера, она вкоренена в *каждом* на последней глубине, отбрасывай её или прорастивай. Самуил *знал* это (то есть *верил*), как и я знаю это о нём, хотя сам я не существовал тогда. Но изначальный ток не прерывался, он был до и будет после, он не прервётся никогда.

Уже потом, как укрепляющее, даются людям синагоги и церкви («организации»), заповеди, законы. Множатся благочестивые обычаи. Их принимают с непреложностью или суженно, в рамках, или даже отвергают. Словом, проявляют данную им свободу.

Но дедушка сказал так, как сказал. Не отрицая Его, но: «для меня Его не будет». Здесь полагаются границы суждений и свобод. А пошатнуться может любой. Примем и мы то, что произошло тогда в Салантах.

Так и местечко примирилось с тем, что доктор не посещал синагогу. И с ним его семья.

* * *

Но моя мама говорила: «Он знал все религии и никогда не кощунствовал».

Да, дедушка «знал» и уважал религии. В нём не было и тени пренебрежения к высшему, надматериальному. А плебейская ненависть ко всему высокому уже распустилась в его время пышным цветом. Но уважал — и только?

Нет! Вникая в его образ, прихожу к тому, что — не только, что жило в его душе прикровенное Принятие. Трудно, трагично связалось оно с судьбой сына Меера, с кровью предков в жилах, со временем, в котором жил. Мир диктует свои порядки, их не можешь не принимать. Но смотря что и как. Легковесная восторженность взглядов обычно нежизнеспособна, на деле — безосновна, как и крайняя непримиримость. Становясь более зрелым в неласковом опыте дней, что-то теряешь и обретаешь. Пропорции значимости перемен складывают личность. Поразному переживались доктором жизненные коллизии, обострённый конфликт мирского с Неземным. Был отчаянный протест души, и было его изживание в должном исполнении должного. Но Связь, казалось, порванная, необъяснимо присутствовала.

Служением на своём месте мой дед-врач явил бесспорные знаки чести и достоинства, а не только профессионализма. Литовцы в Салантае говорили мне о докторе Зике с жаром восхищения через семьдесят (!) лет после его смерти. Одни — по рассказам своих родных, а двое сами помнили Самуила Мееровича, он вылечил их в детстве, притом в серьёзных случаях.

Всю жизнь, в нелёгких обстоятельствах, выполнять долг врача, главы семьи, друга, человека...

Долг многолик и пронизан совестью. А что она, как не внутренняя убеждённость личности в том, что есть добро и что зло? Долг высвечивается, он как бы «совестится», но кем — одним собою? Лишь собственной добропорядочностью, не укоренённой в Высшем? Можно ли прожить так, как дед, без света внутри? Мы возвращаемся к Принятию. Через память ли поколений, по своему ли выбору — кто теперь узнает?, но — да! *Этот* свет он принимал и, исполняя долг, отображал в своей душе. И не хотел связывать принятое, пережитое с казёнными формами религий.

Такое Принятие я понимаю сердцем. Принятие личное, честное, без фальши. Я благодарю дедушку в молитвенной памяти. В любви — не только кровной, но той, что непостижимо поддерживает всех нас, живущих. Здесь — милость веры.

* * *

Возвращаюсь к наивной маминой реплике: «Он знал все религии». Не буквально все, конечно, а две — еврейскую и христианскую. Среди пациентов дедушки — католики (литовцы), иудаисты, лютеране (немцы, латыши). Нередко он посещал умирающих вместе с ксендзом или раввином, участвовал в религиозных церемониях.

Две религии таинственно, генетически и исторически, связаны. И одна возникла на основе другой, как новый, высший эон Богочеловеческого Откровения. Но резко разведены они в людской нетерпимости. А сколько Неба в каждой! Иудейство и христианство.

В религии древнего Израиля заключалось величайшее откровение о Едином Живом Боге, Творце и Промыслителе Вселенной, данное израильскому народу. Израиль должен слушать глас Божий и соблюдать Завет с Ним (в самом кратком виде — 10 заповедей).

Слово «завет» или «союз» (евр. «берит») первоначально было юридическим термином. Союзы (договоры) регулировали отношения между племенами и царствами. Но Моисеев Завет включает в себе новый смысл: он говорит о тайне избрания Богом определённой группы людей, предназначенных

для Его провиденциальных целей. Говорит о создании нового народа, образованного из нестройной толпы рабов, в том числе и иноплеменных. Народ этот творится по воле Божьей, а не просто естественным путём. В основу его жизни полагается Завет с истинным Богом. В Его Домостроительстве Израилю предстоит стать духовной общностью, Церковью.

Синайский Завет выражен в формуле, напоминающей брачный договор: «Вы будете Моим народом, а Я буду вашим Богом». Иными словами, цель Завета — *единение Сущего с людьми*. На Синае смысл её полностью ещё не раскрыт. Яхве лишь возвещает: «Вы будете у Меня царством священников и народом святым» (Исх. 19:6). Священник — служитель Бога, святой — это тот, кто посвящён Ему.

Через 13 веков, заключая новый Завет, Господь Иисус открывает путь, ведущий от национальной Церкви к Вселенской. И Вселенская Церковь сохранит для слов о своём призвании термины синайского Завета. «Но вы — род избранный, — говорит апостол Пётр христианам, — царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел, дабы возвещать совершенства Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет. Некогда не народ, а ныне народ Божий» (1 Петр. 2:9–10). Входя в Завет, верные становятся «сороботниками» Бога, участниками Его замыслов и деяний (1 Кор. 3:9).

Важно отметить, что двусторонний Завет между Богом и Израилем не был Заветом *равноправных* сторон. Инициатива исходила от Бога, Союз был изъявлением Его воли как Владыки Своего народа. Здесь не было элементов сделки или юридического паритетного партнёрства, а осуществлялись цели Провидения.

Завет с истинным Богом радикально отличал народ Израиля от других народов, отщепеных чувственные, до жестокости, языческие культы, отвратительные Богу. Стало быть, поклонявшихся лжебогам и не ответивших на призыв Сущего, обращённый ко всем. Израиль ответил. Началась долгая и драматическая священная история.

Но сама Богоизбранность и Завет заключаются в большей ответственности, чем у других. Кому больше дано, с того больше спросится. Это открыли народу Израиля Амос и другие еврейские пророки.

Величие, высота жизни под Божьим водительством, увы, сочетались с отпадениями от Завета царских и духовных

властей, с неутешительной эмпирикой народного существования. Мы знаем это по беспощадной правдивости и суровости оценок авторов священных книг. Что же тогда говорить об окружавших малый Израиль грозных восточных деспотиях?!

Критическое отношение к собственной истории в Библии — нечасто встречающийся феномен среди древних эпосов других царств. Но при всех испытаниях в народе сохранялось ядро, «остаток», верный Богу и Его правде. В этом был залог Спасения.

Книги Ветхого Завета охватывают без малого двухтысячелетний период истории израильтян от Авраама до рождения Христа. В них отражены этапы ветхозаветной веры, как последовательного развития священной истории Откровения — самораскрытия Божества и возвещения Им Своей воли человеку. Библейское Откровение говорит о тайне трансцендентного, запредельного Бога, Который иноприроден твари. На страницах священных книг открывается Бог-личность, превосходящий всё бытие, абсолютно превышающий человека и природу, но в то же время изливающий Свою любовь на творение.

Непостижимым образом познаётся в вере, что человек является образом Бога, по Божьему замыслу — подобным Ему. Они, бесконечно отделённые, должны стать Одним. Да, в пределе, в этом и ином Бытии. Но так открывается человеку Цель и Путь: жить перед Богом, святить имя Его, исполнять Его волю и тем приближать приход Царства Его.

Откровение есть «вторжение» в мир Бога в переломные моменты истории. Таковы в Ветхом Завете откровения Аврааму, Моисею, плеяде еврейских пророков — Илии, Исайте, Иеремии, Даниилу и другим.

В Откровении познаются веления Божьи и само грядущее — в плане воздаяния и спасения сотворённого мира.

А полнота, вершина Откровения даётся человечеству — Израилю и обратившемуся языческому миру — в Новом Завете, в благовестии Иисуса Христа, в вечной жизни его Церкви.

Вернёмся к Божьему избранничеству. Мы знаем, что Бог щедр на Свои дары. Например, у греков просматривается эстетическое призвание. У римлян — призвание к праву, юриспруденции. Израиль одарён духовным, религиозным призванием. Безмерное богатство Божие, данное всем народам, осуществляется во взаимопроникновении.

Говоря о духовности, заметим, что она была выраженной и у индийского народа. Но среди индусов распространились религии развоплощения, со стремлением уйти от бытия. Боговоплощение не могло совершиться у них, как и в античном мире с его языческим многобожием. Дверь, куда бы мог войти Господь, — в Ветхом Завете. Это некий альтернативный путь, т. е. необходимость выбора одной из взаимоисключающих возможностей, вставшая перед еврейским народом. Этот выбор они сделали, другие возможности отношений с Высшим отсекали. Бог Сам прорубил здесь дверь Себе.

Мы видим в Ветхом Завете, что Бог почему-то избирает не послушных, но часто строптивых, имеющих волю. Их послушание было выстрадано, они преодолевали себя, противящихся. А приняв, несли горячую веру и творили дела её перед людьми и взором Господним.

Во времена Авраама нации ещё не было. Вот стадии развития ветхозаветной религии: сначала один человек, поверивший Господу, Авраам — «и Он вменил ему это в праведность», потом семья, потом — клан, затем — небольшой народ (XIV век до н. э.), которому является Моисей и зовёт к исходу из рабства, к свободе. Этот этнос, евреи, был создан Богом для Себя, так сказать, искусственно. Им, заключившим на Синае Завет с Господом, Он обещает Свои обетования. А через евреев и другим народам, которые войдут в союз с Творцом на богочеловеческой основе библейской религии.

Исторический путь любой нации всегда тернист, но тем более у идущих под оком Господа. Евреи были немногочисленны среди враждебного окружения. Они уповали на спасительную милость открывшегося им истинного Бога, учились жить по Заповедям, по правде Его, раскаивались в нарушениях Завета под огненными обличениями пророков.

Израильтян мало, но «строительный материал» брался также из сынов окружавших народов, принимавших иудейство, отбросив языческое многобожие — амморитов, моавитян, сирийцев и др. («прозелиты»). В эллинистический период, в странах греческого языка прозелитизм заявил о себе уже как массовое явление. Его распространению в этих странах способствовала местная иудейская диаспора.

Напомним, что империя Александра Македонского включала Грецию, Египет, Малую Азию, Иран, Сирию, Палестину

и Среднюю Азию. После его смерти она распалась на ряд независимых царств.

Ветхий Завет стал первой в истории книгой, переведённой на иностранный язык — с древнееврейского на общеупотребительный в то время греческий диалект — койнэ. Этот перевод Ветхого Завета (самый ранний и единственный дохристианский) сделан в Александрии и именуется Септуагинтой или «переводом 70-ти» (по числу еврейских мудрецов, начавших грандиозную по объёму и религиозной ответственности работу около 250 г. до Р. Х.).

* * *

Название страны — родины еврейского народа — Эрец-Исраэль, буквально «Земля Израиля». В ней он сформировался как нация из различных племён общего происхождения, в ней преуспевало его суверенное государство, сложился его духовный и религиозный облик. В Земле Израиля еврейский народ создавал ценности национальной и общечеловеческой культуры и завещал миру Книгу Книг — Библию.

Мировоззрение Библии легло в основу не только еврейской, но и двух самых распространённых религий мира — христианства и ислама. Страна Израиля, как независимая геополитическая и культурная единица, не существует вне контекста еврейской истории.

После потери независимости еврейского государства страна на протяжении долгих веков была одной из незначительных провинций различных держав: Рима, Византии, Арабского халифата и Османской (Турецкой) империи.

Связь еврейского народа со Страной Израиля — беспримерный феномен в истории человечества. Она была неразрывной даже тогда, когда евреев там почти не оставалось.

А началом еврейской истории, согласно библейскому повествованию, явилось обетование Богом жителю Месопотамии Аврааму земли, предназначенной народу, который произойдёт от него. Завоевание Ханаана было исполнением обетования, данного Богом еврейским патриархам, и, завладев страной, израильские племена сразу же сменили традиционный полукочевой образ жизни на оседлый. Кочевье оказалось не более чем вынужденным, в ожидании свершения обетования.

С этого времени не прерывается физическое присутствие израильтян в Стране Израиля — несмотря на периодические изгнания из неё значительной части или даже большинства народа. Страна Израиля является не только колыбелью еврейской истории, но и центром — фактическим или идеальным — еврейского религиозно-национального сознания, как той части еврейского народа, которая находится в своей стране, так и тех, кто оказались вне родины (в диаспоре).

Итак, повторим главное: народ, изгнанный из своей земли и веками рассеянный по всему миру, никогда не утрачивал объединяющей связи с исторической родиной.

И в воздаяние его страданиям и верности, после 2000 лет изгнания, потери государственности, после веков жестоких преследований и чудовищного уничтожения европейского еврейства в годы Второй мировой войны, в Эрец-Исраэль возрождено суверенное израильское государство.

14 мая 1948 г. торжественно провозглашена Декларация независимости страны.

Больше шестидесяти лет существует Израиль — молодое по меркам истории, быстро развивающееся, сильное и демократическое государство на Ближнем Востоке. Оно находится на земле предков, обещанной им Богом Сушим без малого 4000 лет тому назад. Обещанное всегда сбывалось, несмотря на нещадные реалии человеческой истории, вопреки им, а теперь сбилось окончательно в истории, превышающей земную, в Священной Истории Бога на Земле.

И мир ждёт многого от потомков и наследников тех великих патриархов, которые достойно ответили на призыв Сущего. А духовная Сверхзадача всегда безмерно труднее любой суммы государственных, политических, экономических, национальных и прочих задач, стоящих перед каждой страной. Здесь — не тот случай...

* * *

Израиль шёл загадочным, во многом трагическим путём тысячелетиями, через падения и исторические катастрофы, но с верой в святость жизни своего народа под Божиим водительством. Путём, в котором воплощается тайна Богочеловеческой истории. Он продолжается и сегодня.

В иных условиях, с иными вызовами, но с новыми притяжениями людей к тем же великим религиям и отталкиваниями от них.

Длится история, в которой действует Бог, но не только — в унисон бьются метрономы человеческих сердец...

* * *

В допленный период* в силу исторических условий (языческого окружения) ветхозаветная религия должна была развиваться в строго национальных рамках. Человек лучше воспринимал духовную Истину в этом семейно-национальном сообществе.

При царе Давиде Ковчег Завета с хранившимися в нём двумя каменными стелами (скрижалями), на которых были записаны Десять заповедей, данных Моисею Богом на горе Синай, находился в особой Скинии (шатре) в Иерусалиме. Сын Давида, царь Соломон, выполняя желание отца, приступил к сооружению Храма. Святилище строилось более семи лет из заранее заготовленных каменных блоков, а внутри его обшивали кедровым деревом, присланным Соломону финикийским царём Хирамом I. Работа закончилась к 955 г. до Р. Х.

Храм не жилище Бога, а место явления Его Славы, Его священного имени. Никто, кроме служителей, не дерзал входить в здание Храма. Народ молился и приносил жертвы перед его входом, во дворе. Схождение Славы в Храм означало продолжение Завета, осуществление близости Творца к человеку. Принося жертвы, ветхозаветная Церковь исповедовала веру в чудесное присутствие Бога, Который по Своему великому

* Условное обозначение для периода, который охватывает время от Авраама, т. е. от начала Ветхозаветной Церкви, до разрушения Навуходоносором II Иерусалима и сожжения Первого Храма в 587/586 до н. э., после чего начинается период вавилонского пленения. В 539 до н. э. персидский царь Кир захватывает Вавилон, а в следующем году он издаёт эдикт, разрешающий иудеям вернуться на родину. Вернувшиеся начали в Иерусалиме постройку Второго Храма. Он был завершён и освящён в 515 до н. э., неоднократно перестраивался и расширялся. Разрушен римлянами в 70 н. э. Эпоха священной истории 515 до н. э. — 70 н. э. называется в библейской науке периодом Второго Храма.

снисхождению пребывает со Своим народом. Но запрет переступить порог Храма означал, что страшная тайна Божества ещё сокрыта от человека, что между ним и Небом воздвигнута преграда. Только тогда, когда Бог явится во плоти, эта преграда будет разрушена. «Наступает время, — скажет Господь Иисус самарянке, — когда и не на горе сей, и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу... Но... будут поклоняться Отцу в духе и истине» (Ин. 4:21, 23).

Как святилище истинного Бога, Храм должен был быть не только национальной святыней ветхозаветной Церкви, он — Дом молитвы для всех народов. Эта мысль выражена в словах Соломона, обращённых к Богу в день освящения Храма: «Если и иноплеменник, который не от Твоего народа Израиля, придёт из земли далёкой ради имени Твоего, — ибо и они услышат о Твоём имени великом и о Твоей руке сильной и о Твоей мышце простёртой, — и придёт он и помолится у храма сего: услышь с неба, с места обитания Твоего, и сделай всё, о чём будет звать к Тебе иноплеменник, чтобы все народы земли знали имя Твоё, чтобы боялись Тебя, как народ Твой Израиль» (3 Царств 8:41–43).

Тем самым Храм становится прообразом грядущей Вселенской Церкви.

Однако в Ветхом Завете было открыто, что между земным Храмом и Богом нет той неразрывной связи, которая существовала в языческих религиях: гибель храмов была катастрофой для самих богов. Бог же, открывшийся в Библии, Сам мог покинуть Своё святилище, если люди оказывались недостойными Его присутствия. Не само убранство Храма и жертвы нужны Богу, а верность пути, начертанному Им (ср. Пс. 49). Творцу принадлежит вся Вселенная, и Он не нуждается ни в чём.

Девир, Святое Святых, был кубической комнатой, отделённой от святилища стеной и завесой. Там царил полная тьма и находился Ковчег, трон незримого Бога. Над ним простирала крылья два огромных изваяния. То были деревянные, обложенные золотом херувимы — небесные стражи с телом льва (или быка?), с человеческим лицом и орлиными крыльями. Мрак в Святом Святых напоминал о священном мраке Синая, о неприступности тайны Сущего. Когда Ковчег был перенесён туда, Соломон изрёк: «Господь сказал, что Он благоволит обитать во мгле» (3 Царств 8:12).

Соломон был уверен, что Слава Бога Израилева будет пребывать в его Храме «вовеки». Здесь он отдавал невольную дань широко распространённым языческим представлениям. Но уже пророк Иеремия скажет, что грехи людские могут превратить святыню в мёртвые камни. А пророк Иезекииль узрит в видении, как Слава Яхве покидает Храм, чтобы идти в странствие с верным «остатком». Это учение о независимости присутствия Божьего от того или иного места проливает свет и на трагическую судьбу многих святынь Церкви Новозаветной.

В книгах Ветхого Завета отражаются три этапа ветхозаветной веры, как развитие истории Откровения. Это древнеизраильская религия до пророков, затем пророки и иудейство.

Иудейство есть условное обозначение религии, традиции и истории того периода Ветхого Завета, который начался после возвращения из вавилонского Плена, точнее – с эпохи Реставрации (Иерусалима и первого, Соломонова Храма при Ездre), и завершился возникновением иудаизма. Эта эпоха включает и междузаветный период.

После Реставрации (V–IV века до н. э.) ветхозаветная Церковь приобретает характер теократической Общины, всецело подчинённой канонам и уставам Закона. На исходе этого периода, во II–I веке до н. э., иудейство ещё сохраняло черты универсальной религии и допускало в Общину иноплеменников – прозелитов.

После того, как христиане Иерусалимской Церкви покинули Иудею, а саддукеи, ессеи и зелоты исчезли в результате катастрофы 70-го года (разрушения римлянами Второго Храма и превращения Иерусалима в руины), единственными вождями иудейства остались законники-фарисеи, под влиянием которых иудейство превратилось в национальную религию – иудаизм.

Но учение о Едином Живом Боге, Творце Вселенной – видимой и невидимой, надежда на бессмертие и мессианское Царство есть квинтэссенция векового духовного наследия, сберегаемого через завет Моисея и учение пророков в общине Второго Храма. На базе иудейства появляется Евангельская проповедь, и отсюда совершается переход к новой мировой Церкви – христианской. Все высокие понятия иудейской веры, нравственные принципы её религиозной этики Христос сохранил в Своей Церкви, как истинное Откровение.

Таким образом, духовная традиция иудейства представляет особую ценность, как та, которая привела к Иисусу Христу.

Иудаизм же появляется примерно на сто лет позже христианства. Он отличается консервативно-охранительным характером, стагнирует, теряет черты универсальной мировой религии для всех народов, что так ярко возвестил Амос в VIII веке до Р. Х., другие израильские пророки. Постепенно иудаизм превращается в замкнутую, жёстко регламентированную национальную религию, другую, но родственную христианству. Однако, в нём много тёмного, «староверческого». Иудаизм смотрел на христианство, как на некое своё незаконнорожденное детище. И проявлял враждебность.

В Средние века иудаизм был единственной в Европе разрешённой религией, помимо христианства. Экзегеза (толкование) священных текстов Ветхого Завета облегчается, когда мы знакомимся с интерпретациями богословов иудаизма (Мартин Бубер и др.).

* * *

Из религии Ветхого Завета, из этого духовного феномена, родились, как известно, три мировые религии: христианство, иудаизм, ислам. Не будем много говорить о жёстком, предубеждённом неприятии истины людьми — от других людей, учителей иных религий и философско-этических учений — на протяжении истории. Увы, это присуще человеку во все времена. На низшем уровне всё чужое, непонятное вызывает отталкивание, а на зверином — агрессию. Человек стремится к унификации всего ему известного, что даёт успокоение, а неизвестное — раздражает. Но глубинного в этом нет. Преодолев эту слабость, мы становимся богаче. Чем больше растёт дух, тем более ему всё раскрывается...

Итак, задача ясна: проращивать дух, каждому в себе, и всем вместе, от частных жизней к всеобщей, в творчестве и истории, в стяжании животворящего Духа Святого, от Отца исходящего, с Отцом и Сыном равно поклоняемого и прославляемого. От задачи взойти к Сверхзадаче. Стать причастными Славе.*

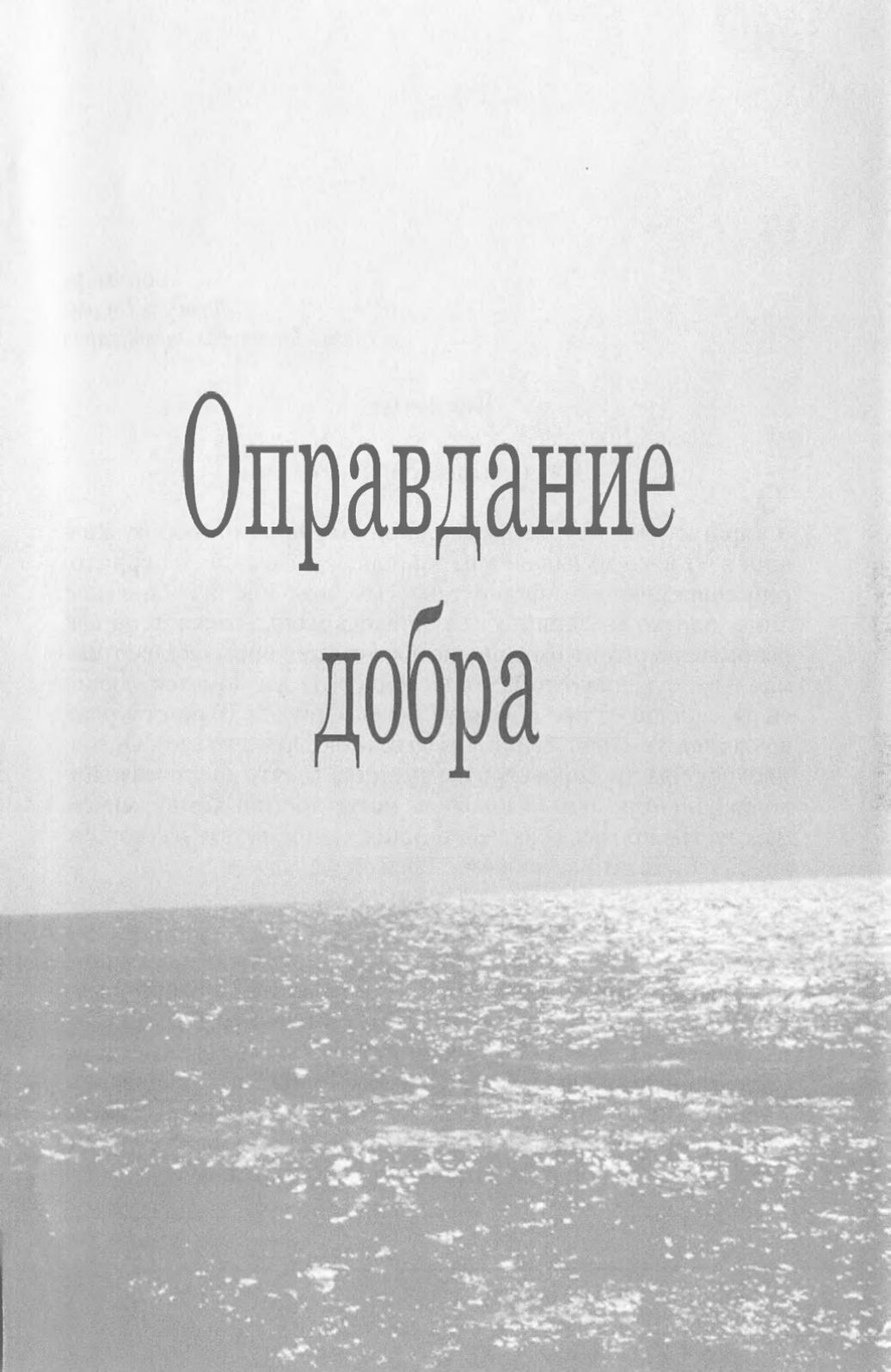
* Использованы материалы из трудов и выступлений известного православного богослова, священника о. Александра Меня (1935–1990).

Мириам Ерохина-Лучанская

* * *

У чёрного цвета на краю
Мы знаем, что ада нет в раю.
Растопи печаль
В белом свете ночи.
Уходить не жаль
В чёрном мраке свечи.

Оправдание
добра

Бог умер.
Фридрих Ницше,
 из книги «*Так говорил Заратустра*»

Введение

Как говорил Заратустра?

Заратустра — историческая личность, жрец и пророк, живший в VI веке до нашей эры и проповедовавший на территории современного Афганистана. Это реальное историческое лицо, однако сведений о нем осталось мало. Известен он как основатель религиозно-философского течения «зороастризма» — вероучения о том, что на земле есть две доминирующие силы, воплощённые образами богов Ормузда (олицетворяющего светлую силу) и Аримана (олицетворяющего зло). Основным постулатом зороастризма является то, что добро и зло никогда и ни при каких условиях не могут достичь компромисса. Заратустра призывал людей, идущих за ним, встать на сторону добра и быть стойкими в своём решении.

Тезис или аксиома?

Утверждение, что «Бог умер» — не является категоричным. А все категоричные утверждения требуют доказательства. Стоит заметить, что, если бы Ницше утверждал, что Бога нет и не было, пришлось бы выдвигать свою теорию о возникновении жизни на земле, или новую трактовку Священного Писания, а фраза в формулировке, что Бог был, а теперь умер, не заставляет доказывать ни Его наличие, ни Его отсутствие.

Важна ли пропажа?

Но для чего делается такое утверждение? Несомненно, в сознании европейца XIX века Бог занимает особое место. Это образ, олицетворяющий безграничную силу. Ведь даже если взять за основу знание о том, что Бог сотворил мир – величие и могущество Его не имеет равных.

Получается, что наличие Бога влияет на человека. Бог создаёт человека «по образу и подобию Своему», поддерживает в людях добродетель и т. д. Получается, что и отсутствие Его не может быть незамеченным. Но для того, чтобы понять, что меняется в жизни человека со «смертью Бога», надо разобраться, какое понятие вкладывает Ницше в слово «Бог».

Бог выступает в роли законодателя моральных норм. И его безграничная власть над людьми заключается в том, что люди не могут не подчиняться ему, не жить по законам, им данным. Люди могут не слушать друг друга, не подчиняться законам, писанным другими людьми, но Бог закладывает в людей законы другого рода – нормы морали, совесть.

Чему мешает совесть, и как с ней быть?

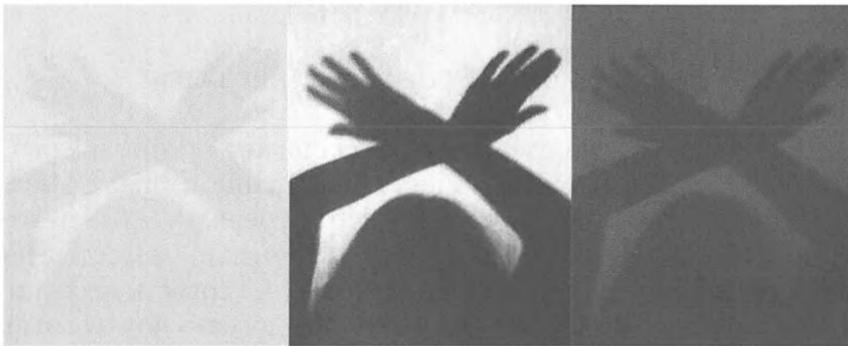
Жизнь можно определить как бесконечный поток потребностей и желаний. Человек склонен к развитию, а вместе с ним растут и развиваются его желания. Но «перерасти себя» человеку не позволяет его внутренняя клетка морали – совесть. Человек близок к удовлетворению желаний, но совесть не знает компромисса – клетку морали нельзя «подогнать под нужный размер».

Именно поэтому человек, считает Ницше, и должен убрать преграды для собственного развития, убрать и уничтожить. Но разве можно уничтожить то, что является «даром Всевышнего», то, что является проявлением Всевышнего в людях? Эти два понятия неразделимы, и поэтому люди должны уничтожить и то и другое во имя человечества.

Диалектика выбора

Может ли Бог умереть?

Ницше разграничивает понятия «Бог» и «человек», поэтому следует «взглянуть со всех сторон» на это понятие. Если речь идёт о Евангельском Боге, то стоит обратить внимание на образ Святой Троицы: Бог Сын, Бог Отец и Святой Дух. Особое значение в рассмотрении этих образов имеет то, что Бог Сын Иисус Христос являлся Богом в облики человека, а значит, как и любой другой человек, действительно был смертен. Если Ницше, утверждая, что «Бог умер», берёт за основу своих рассуждений этот образ, то его суждение верно: Иисус Христос был распят. Но не стоит забывать, что земная жизнь Бога есть не что иное, как торжество жизни вечной, победа над смертью через воскресение. Таким образом, Бог, воплощённый земной материей, смог победить смерть.

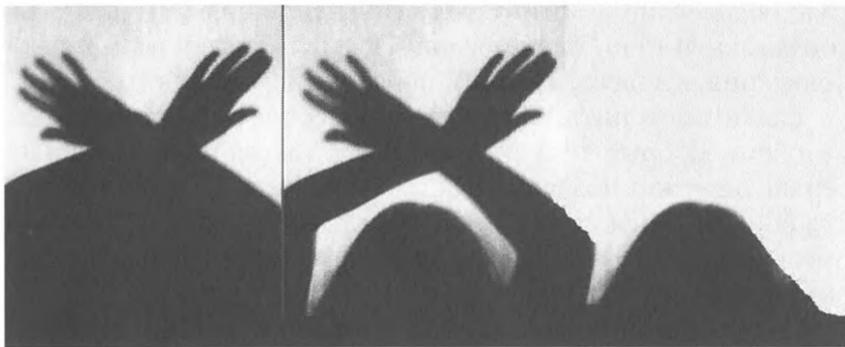

Если же рассматривать определение, данное Евангелием, Бог есть Logos – Слово, Закон. То есть, в первую очередь, Это не сгусток материи, а понятие, сила. В Евангелии понятие Бог синонимично понятию Любви и Добра. Возвращаясь к теории Ницше, можно смело заявить, что, уничтожая Бога как закон добродетели, люди, осознанно или неосознанно, способствуют воцарению Зла. Но может ли Зло быть собой при уничтожении Добра?

Здесь следует обратиться к теории Заратустры: мир – пространство взаимодействия Добра со Злом. Тёмные и светлые силы борются друг с другом, но в то же время обеспечивают

право на жизнь друг другу своим присутствием. Это противоречивое явление хорошо видно «невооружённым глазом». Обратимся к миру физических явлений, метафорично представив чёрный цвет эквивалентом Зла, а светлый, белый – Добра. За основу можно взять чёрно-белую фотографию. В середине оригинал. Белый цвет выделяется за счёт взаимодействия с чёрным, Добро хорошо по сравнению со Злом. На фото слева белый цвет почти поглотил картину, говоря образно, Зла почти нет. Но так ли чётко видно изображение? Выполняет ли цвет свою функцию на данной фотографии? Справа же изображение поглощает чёрный цвет, также теряя свою выразительность.

Тогда как выглядит победа света над тьмой? Здесь видно, что слева – чёрного цвета больше, справа больше белого. Кажется, что на первом фото – побеждает Тьма, на последнем – Свет. Получается, для того чтобы одному цвету «преобладать» над другим, цвет должен не терять свою яркость, а распространяться на большую территорию, должно быть равенство «цветовых сил».

В этой же системе можно рассматривать понятия Добра и Зла. Победа – видимое превосходство над врагом, но «видимым» оно становится только тогда, когда можно сравнить «территорию», занятую светом, и поле тьмы. Ведь белый цвет светлее чёрного, а чёрный темнее белого. Получается, что сами по себе, без сравнения эти явления лишены смысла.

Однако стоит рассмотреть эти понятия с другого «ракурса». Вернемся к Евангелию. «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Logos – слово, закон, суть). Обратим внимание, на то, что Бог – это, прежде всего, наличие, более того, это первоисточник всего сущего. «Бог есть Любовь»:

эта сила являет собой Добро, Милосердие, Сострадание. Теперь надо определить тёмные силы. Что это? Здесь следует обратить внимание на то, что мы не можем дать так называемое «самостоятельное» определение зла.

Характеризуя тёмные силы, мы отталкиваемся от понимания добра, создавая полностью противоположный образ.

Зло — это нелюбовь, недобро, несострадание, немилосердие. Как понятие, зло оказывается несамостоятельным, зависимым от понятия «добро». Эта зависимость подчёркнута и в Евангелии, ведь Дьявол — падший ангел Денница, а значит, и зло берёт своё начало как часть добра, как противоречие, а не самостоятельное явление. Именно поэтому силы зла и добра не могут быть равны.

Почему идёт борьба? Где идут бои?

То, что между злом и добром идёт борьба, знают многие. Именно поэтому мы обычно считаем эти явления равными по силе, ведь если бы что-то было сильнее, борьба бы давно закончилась чьей-нибудь победой. Но этот бой идёт с момента появления человека, а значит, победить не так просто.

Важно прояснить, как же этот процесс связан с появлением человека. Добрые дела не могут совершаться сами, а милосердие не может подавлять абстрактную душу. Получается, что для борьбы Добра и Зла нужно пространство, где бы понятия превращались в явления. Именно таким «полем» и является человеческая душа.

Человек не просто воплощает светлые или тёмные импульсы, даёт им жизнь, но и сам волен выбирать между тем, какую сторону принимает он. Казалось бы, какой может быть выбор: любви, да будь любим. Но человеческая природа состоит из двух «компонентов»: земной материи и божественной перво-материи, то есть, образно говоря, из тяги к земле и тяги к духовному.

Конечно, каждому приходится находить своё положение между этими явлениями, но и то, и другое человеку свойственно заранее. И Добро человек обычно выбирает за его смысл, суть.

Преимущества сторон

Таким образом, Добро — самостоятельное, заведомо «законное» (Logos — закон) явление. Важно пояснить, почему же всё-таки люди не выбирают безоговорочно творить добрые дела.

Математика Добра

Обращаясь к истокам христианства, можно с уверенностью вывести «формулу» Добра: Добро есть любовь, а значит, милосердие, самопожертвование, сострадание. Можно вывести и «закон» Добра: «отдай, и пребудет тебе вдвойне». Теперь следует обратиться не к идеологическому, а к бытовому аспекту проблемы нравственного выбора и задаться вопросом: «что же происходит на практике?» Положим, обычный среднестатистический человек, уставший после работы, несёт домой килограмм картошки, а кто-то случайно наступает ему на ногу. Боль, обида, но никак не всепрощающая улыбка — вот естественная реакция человека.

Девиантность Милосердия

Теперь следует обратиться к христианским «законам» поведения в обществе: «если тебя ударили по одной щеке — подставь другую», «помоги немощному», «отдай своё страждущему».

Подобные нормы поведения ведут к повышению самосознания, но, как рассуждает большинство людей, они ведут и к тому, что поведение человека определяется девиантным, и такой человек, который якобы не может за себя постоять, становится изгоем общества.

Потребности человека в общении, поддержке, привилегированном положении в обществе в этом случае не могут реализоваться. Люди всегда думают, что давший себя обидеть будет обижен дважды, но никогда не стремятся понять, что в основе нанесённой им обиды лежит случайность.

«Подставь дождю щеку в следах былых пощёчин»

(А. Башлачёв)

«Почему же христианство стремится унижить людей?» — спрашивает большинство людей, не признающих надобность милосердия. «Я работаю и могу купить поесть себе сам», «а зачем я ему так много денег отдавать буду?» — подобные вопросы обнаруживают в людях непонимание основы христианского учения о Добре.

Прощение, Любовь и Милосердие — вот три «кита» христианства. Нам часто жалко оставлять свою обиду, прощать людей, но для кого мы прощаем? Неужели для людей, обидевших нас? Нет, мы прощаем для себя, для того, чтобы избавиться от чувства, разъедающего нас.

Мы должны любить ближних? Нет, мы не должны никого любить, но мы должны бороться с тем, что душит нашу любовь, ведь в любви — наше спокойствие.

Милосердие вызывает у большинства верующих наиболее сильное затруднение. «Зачем?» и «как?», а главное, «что будет потом?» — эти вопросы мешают людям открываться и делать Божии дела — помогать друг другу и быть спокойными, потому что не сделали ничего дурного, а сделали благое.

Можно трактовать совершение добрых дел как предохранение от совершения плохих, но ясно одно и для всех, что следуя христианскому учению, люди обретают душевное спокойствие.

Умение прощать, любить и жертвовать помогают человеку обрести внутреннюю свободу. А лишения, которых так боится светский человек, такие лишения как, к примеру, пост, позволяют человеку освободиться от материальных привязанностей, обратить свои силы на совершенствование духа, приближаясь к Богу, приближаясь к тому первоначальному человеку, не совершившему ни единого греха. Приблизиться к тому человеку, которому впервые был предоставлен выбор между Добром и Злом.

Страдающий залог

Вернёмся к людям, не понимающим идею Добра, но слепо одобряющим её. Эти люди часто используют страдательный залог по отношению к своим действиям, показывая тем самым, что делать то или иное дело их побудило что-то извне, а не изнутри. Теперь же просто необходимо затронуть проблему сознательности выбора.

Бог дал человеку право выбора, сделав его тем самым «по образу и подобию Своему». Возможность выбирать и право на этот выбор — вот что отличает человека от животного, вот что позволяет человеку «господствовать надо всеми тварями земными». Этим правом подчёркивается сознательность человека.

Необходимо отметить, что животное, к которому человек относится с любовью, будет любить своего хозяина в ответ. Получается, что интуитивно бессознательные существа тянутся к добру и милосердию. Человек же не всегда выбирает этот путь. Добро преобладает и признаётся в природе, а в человеческой душе остаётся выбор. И если у людей может идти рассуждение о равенстве Зла и Добра, то в природе об этом не может быть и речи. Равенство, то есть равная возможность выбрать как одно, так и другое, существует только в душе человека — только на поле боя Добра и Зла. И именно право выбора даёт человеку возможность обеспечить победу Добру или Злу, отдавая тому или иному свою душу.

Если Добро

Получается, что, выбирая Добро, человек не лишается возможности выбора, наоборот, его поддержка имеет большую цену для выбранной стороны. Но что случается с человеком, выбравшим Зло?

Зло как агрессивное отсутствие

Зло отпугивает своим смысловым началом, мало кому хочется приносить несчастья другим людям. Но зло очень легко постичь, познать. Это явление, как уже писалось ранее, возникшее в этом мире, возникшее, как и этот мир, как и человек,

из первоматерии. Поэтому, в отличие от Добра, человеку легко понять Зло.

Стоит обратиться к истокам Зла, к началам его существования. В Библии сказано, что вначале был Бог, и не было ничего без Бога. Таким образом, Зло – не самостоятельное явление, а нечто, некогда родственное, близкое, но ставшее враждебным Свету. Так падший Ангел, которого принято считать предводителем тёмных сил, тоже некогда служил добру. Но, отделясь от него, обрёл самостоятельность.

Таким образом, Зло – противопоставление не просто Добру, но и всему логичному, законному (Logos). Интересно, что Бог олицетворяет собой не только любовь и добро, но и жизнь как явление. Жизнь сама есть наличие. Тьма же, как отрицание Света, означает смерть, то есть отсутствие жизни, пустоту. Итак, зло – не самостоятельное явление, не первородное состояние, а всего-навсего явление, противопоставленное Добру. Получается, что Зло – Недобро.

Но неужели всё, что не является Добром – Зло? Всем людям известно такое выражение как «преступное равнодушие». Под этими словами подразумевается бездействие в решающий момент, сыгравшее ключевую роль в исходе происшествия. Не случайно христианство хочет оградить людей от праздности и суеты, а, главное – бездействия. Бездействия как символа остановки нравственного развития. Бездействие, отсутствие действия, разъедающая пустота – всё, что мешает приблизиться к Богу, всё это и есть Зло. Агрессивная пустота, мешающая нам, отвлекающая от истинного пути, и есть Зло.

Интересно, что путь ненависти не требует от человека никаких усилий – бездействие и разложение действуют сами, требуется лишь одно решение: позволить пустоте занять твою душу или нет.

Если Зло

Процесс отстранения от Бога происходит постепенно, но закономерно. Как было отмечено ранее, для достижения цели вовсе не нужны человеческие силы, выбор делается лишь однажды. Но что же это значит? Это значит, что, выбирая Зло, человек лишается права выбора.

Лёгкость падения

То, что нами руководит

Религия, как мы уже писали до этого, заботится прежде всего о нравственном здоровье человека. Бог даёт человеку заповеди: «не убий», «уважай отца и мать своих»,... — оберегает человека от нравственного падения. Есть известное выражение «не хлебом единым жив человек», к которому необходимо добавить, что и без «хлеба» — материальных необходимостей, человек тоже жить не может. Так, потребности человека разделяются на духовные и материальные.

Путь Добра обеспечивает людям чистую совесть, то есть душевное спокойствие. Однако люди стремятся к обретению того пути, который удовлетворит не только духовные, но и их материальные запросы.

Не случайно эти потребности были названы «хлебом» — необходимостью. Дело в том, что всё, составляющее необходимость для физической жизни человека, — свет, воздух, вода, хлеб. Однако человек всегда стремится к чему-то большему. И вот он переходит на новый «уровень» жизни. Такой «уровень» в социуме определяется в первую очередь за счёт материального положения: чем богаче — тем выше этот «уровень». Важно заметить, что на каждом таком «уровне» есть своя черта необходимости — тот минимум требуемого, без которого нельзя обойтись. Так, если бедняки рады тому, что у них есть хлеб, богатые уверены, что они начнут бедствовать тогда, когда у них не будет иностранных вин. И каждый в своём положении прав.

Но стоит отметить и то, что потребности эти, как и «уровни жизни», находятся в бесконечном росте. Сами по себе «уровни», отделяющие людей друг от друга, противоречат идее христианства, проповедующего, что все люди «равны перед Богом». Более того, иногда эти самые уровневые необходимости проникают не только в материальную сферу, такую, как, например, богатство, но и в сферу, касающуюся духовной жизни людей, их нравственности, такую, как, к примеру, власть.

Люди нередко считают власть необходимостью. Однако они выражаются неточно: в том случае, если власть является

необходимостью, под властью подразумевается потребность в самореализации через власть, включающая в себя подчинение, унижение других людей. Такая потребность не может быть положительно оценена церковью, именно поэтому люди стали относить к материальным потребностям не только то, в чем физически нуждается человек, но и то, реализации чему не должна воспрепятствовать религия. И, несмотря на то, что потребности или, что бывает чаще, прихоти, относятся к духовной жизни человека, они переходят в обычную, светскую составляющую. Так, объясняя себе подобные аморальные потребности как то, что не имеет отношения к нравственной части жизни, люди стараются усыпить свою совесть. Но когда люди, движимые безмерно растущими потребностями, отодвигают границу между духовным и светским, рано или поздно наступает предел. И человек начинает испытывать новую потребность: уничтожить остатки религиозных норм, мешающих ему жить. Именно этим можно обусловить стремление Ницше объявить Бога умершим.

«Бог есть Любовь»

Можно взглянуть на этот аспект и с другой стороны: может ли умереть Добро и Любовь? Понятия, силы, чувства — всё это явления, неподвластные земному миру. К ним не может быть применим наш «человеческий» подход, наши понятия о жизни и смерти. Добрый человек может погибнуть, но Добро, Бог, Сила — существующие понятия, а не смертная материя. Понятие может исчезнуть тогда, когда о нём забудут. Например, сейчас о существовании слово «льзя» люди знают из стихотворения В.А. Жуковского «Невыразимое». А после, может быть, совсем забудут. Но я хочу возразить: ведь есть же слово «можно». Значит, понятие забывается, стирается из человеческой памяти, а суть его вечна.

Атеисты часто говорят о Добре и Честности, однако отрицают существование Бога. Это и есть тот самый случай подмены понятий, при котором суть явления не изменяется.

Но что будет, если представить, что нет не только Бога, но и всего, символом чего он является: Доброты, Честности, Правды, Милосердия, Света, Радости?

Человечество без человечности

Люди любят друг друга, создают семьи, рожают детей, многовековая история людей и есть лучшее подтверждение существованию любви. Повседневная жизнь человека наполнена добром в самых разных его проявлениях: улыбки, слова поддержки, прощённые долги, помощь в трудоустройстве — всё это Добро. Милосердие свойственно человеку разумному, оно является «результатом» размышлений над жизнью. В этом и заключается Божий замысел: Добро как неотъемлемая часть человека. Что будет, если отнять у человека эту особенность? Человека попросту не будет. Дело не в том, что «злые люди» живут мало. Дело в том, что жизнь человека и есть результат любви его родителей.

Однако есть и другое объяснение жизни, в основу которого ложится «Теория Дарвина». Эту концепцию принято называть «научной» не случайно: в сознании человека научный метод мышления, требующий опытов, видимых доказательств, всегда противостоит религиозным откровениям, воспринимаемым людьми «на веру». Концепция Чарльза Дарвина гласит: «выживает сильнейший», нападая на слабого, занимая его место. Такие картины мы видим достаточно часто, наблюдая за миром животных, например, вороны всегда небезуспешно отесняют воробьёв от хлебных крошек. Да и в мире людей происходит нечто подобное. Так, во время советской власти люди лишались жилья и попадали в тюрьмы из-за доносов соседей. Вытеснение? Вытеснение, но можно ли сказать, что тот, кто сумел «перешагнуть» через человека, — лучше других, более приспособлен к жизни? Думаю, нет. Следует рассмотреть и такой аспект: зачем этот человек написал донос. Чаще всего в экстремальных ситуациях человеком руководит желание выжить, и теория Дарвина здесь уместна, ведь выживет тот, кто приложит к этому максимальные усилия. Но в повседневной жизни люди осуждают предательства, корысть, жестокость.

Животные же, наоборот, уважают сильного, следуют за вожаком, подчиняются ему. Получается, что у человека и у животного различаются системы ценностей. И теперь следует перейти к вопросу, чем же человек отличается от животного и почему теория Дарвина неприменима по отношению к людям.

Дело в том, что именно «клетка совести» составляет стержень человека, именно эти нормы и позволяют человеку соответствовать «образу и подобию» Добра. Именно эти проявления позволяют человеку быть «разумным», и именно поэтому человек поставлен «над всякой тварью земной», чтобы своей добротой, Божией добротой внутри себя оберегать всё вокруг. Что будет, если «убрать», уничтожить в себе эти нормы? В кого превратится человек? Нет сомнения, что «человек разумный» превратится в «умеющее думать животное».

Человек, Сверхчеловек и Бог

Взаимоотношения человека и Бога строятся таким образом: Бог всегда сильнее, могущественнее. Все люди относятся к понятию силы по-разному, но в основном воспринимают кого-то «выше» себя как Защитника или как Надзирателя. Для наглядности люди привыкли изображать Бога на иконах, делать его человекоподобным. Этот образ и стремление человека к самостоятельности привели к такому явлению, как богоборчество, которое стало возможно только потому, что люди видели в Боге человека, правящего ими. Но Бога нельзя победить, это не человек, это не материя, это сила, которая, более того, не выступала против борющегося с ней человека, ведь Добро не может нападать и уничтожать. Затем люди, чья борьба с Добром не увенчалась успехом, пришли к атеизму — неверию в Бога. Но исчезает ли то, во что мы не верим? Конечно, нет. Мы можем не верить в то, что в холодильнике есть капуста, можем не верить, что кольцо на пальце девушки обручальное, но от этого истина не изменится. Дело в том, что случается с людьми после того, как они отдают себе отчёт в том, что Бога нет.

Человеческая природа стремится к систематизации мира, к выделению некоего закона, Logos'a. Можно условно разделить течение атеизма как неверия на три направления. Люди, относящиеся к первому направлению, признают над собой силу чего-то высшего, однако им претит образ Бога. Чаще всего к этому течению примыкают люди, у которых не получается соблюдать Закон Божий — грешники, как говорят верующие. Этим людям гордыня мешает признать свою неправоту, но разум всё же говорит, что есть что-то сильнее, что-то Высшее. Так, отрекаясь от Света, но признавая всемогущую нечеловече-

скую Власть, эти люди становятся приспешниками Тьмы, Сатаны. Однако же, не признавая господство Бога, они не отрицают Его существования.

Есть среди неверящих и те люди, которые не признают Бога как личность, говорят, что «никогда не видели Бога» и так далее, но верят в существование Добра и Зла и искренне надеются на торжество Правды. Эти люди выбирают наиболее близкие для выражения своего мировоззрения слова: не «Бог», а «Правда». Однако же понятие Добра не искажается, потому эти «атеисты» не уклоняются от Божьих заповедей.

Но в рамках рассмотрения теории Ницше важно обратить внимание на третье мировоззрение атеизма, в котором легко найти отклики первых двух направлений. Люди, поддерживающие это атеистическое течение, утверждают, что Бога не существует и Он точно не правит земным миром. Обычно эти люди аргументируют своё суждение тем, что в нашем мире есть Зло, а значит, нет абсолютной власти Добра, ведь если бы власть была, то Зла бы не было вовсе. Эти люди забывают о праве выбора, которым Господь наделил человека, ведь только сам человек решает, добрые он будет совершать поступки или нести в мир хаос, зло. Однако же стремление этих атеистов к упорядочению мира приводит к вопросу: если не Бог, то кто же может править людьми, кто может знать людей и одновременно обладать силой и превосходством? Исходя из суждения этих людей, если даже сам Творец не знает человеческих требований, то понимать, что надо и когда, может только сам человек. Но кто из людей обладает безграничной властью? Чем он лучше других? Получается, что это должен быть не просто человек, а человек удивительный, обладающий необычными качествами и врождённой неоспоримой и неограниченной властью. Это должен быть не человек, а Человек — тот, который будет лучше, выше остальных людей, Сверхчеловек.

Но если Бог — вечен и бесконечен, и человеку понятно, что Он был всегда, то как же получить Сверхчеловека? Конечно же, его должны создать люди. Конструирование Сверхчеловека предполагает принятие двух тезисов, противоречащих нравственным нормам, и их следует обозначить: во-первых, если люди отрицают главенство Бога, то они отрицают и неоспоримую правду Добра, во-вторых, ставя во главу людей (Сверх) человека, они нарушают важнейший тезис о равенстве

всех людей. Таким образом, последователи данного мировоззрения вынуждены отойти от норм морали и совести для осуществления своей цели — выведения новой породы людей.

Интересно, что мы часто говорим о выведении новой породы собак, кошек или лошадей, но о людях такого разговора вести не принято. И вновь мы возвращаемся к тому, чем же люди отличаются от животных. Здесь же приходится покинуть «клетку моральных норм», получив тем самым возможность вывести новую породу людей-животных. Есть два пути формирования чего-то нового: реформирование оболочки или содержания. Значит, чтобы создать Сверхчеловека, нужно либо развивать в личности особые нравственные качества, либо заниматься научным выведением человека физически более выносливого, стрессоустойчивого, рослого, поражающего визуальным эффектом силы, власти. Опять обратимся к понятию «порода». Люди знают, что если развивать у собаки смелость, то это вовсе не значит, что её потомство будет таким же смелым, однако окрас собаки чаще всего сохраняется. В случае с «породой» человека, следуя логике, надо поступать так же. В этом человеке должна отсутствовать «клетка совести», и тогда можно будет сделать из человека Сверхчеловека такого, который представляет воплощение власти. Но без совести, как уже говорилось раньше, человек становится «умеющим думать животным», а значит, теперь к нему применима теория эволюции Дарвина. Ведь теперь среди людей появятся Люди, которые будут лучше сложены, чем люди, и так как человек склонен к размышлениям, это будут Люди, умеющие по-новому использовать свои умственные способности. Как Они будут себя вести? Чтобы ответить на этот вопрос, следует обратиться к понятиям о воспитании характера Сверхчеловека: это должен быть человек, который сможет мыслить масштабно, значит, уметь жертвовать жизнями одних людей во спасение других. Этот человек должен осознавать своё первенство, принимать повиновение как должное, а все попытки свергнуть его власть он должен жёстко пресекать, чтобы люди не усомнились в его величии, как это произошло с Богом. Итак, рядом с человеком появляется Сверхчеловек, обладающий неограниченной властью и неограниченным потоком желаний и потребностей. Не стоит забывать, что Сверхчеловек не обладает совестью, значит, и понятия морали для него не существуют. Однако же, подобно всем

существам, он стремится к улучшению условий своей жизни. Что нужно Сверхчеловеку? То, на что он был «запрограммирован» — неограниченная и всеобъемлющая власть над людьми.

Взойду на небо, выше звезд Божиих вознесу престол мой, и сяду на горе в сонме богов на краю севера; взойду на высоты облачные; буду подобен Всевышнему (Исаия 14: 12–15).

Стремление к безграничной власти заложено в человеке как стимул к жизни, однако же реализация этого стремления противоречит законам природы: не случайно мыши едят жуков, мышей едят кошки, а кошек, в свою очередь, собаки. Если жуки начнут есть собак — пищевая цепочка нарушится. Так же и человеческая власть, которая обусловлена главенством над животным миром, не может превысить допустимых размеров. К чему же стремится человек, желая поработить других людей?

Подчиняя себе людей, Сверхчеловек преступает чужие интересы во имя своих. И Божьи заповеди уже к нему не относятся, ведь «люби себе подобных» значит «люби таких же сверхлюдей, как и ты», в то время как обычные люди становятся предметом манипулирования, единицей измерения власти Сверхчеловека. Но самое страшное — то, что власть Сверхчеловека признаётся людьми. Именно это и дает право Новому человеку управлять жизнями других.

Образ всемогущего человека, наделённого законным правом вершить судьбы, в сознании человека преобразуется в новое божество. Преимущества Сверхчеловека над Богом представляются обычному человеку в виде известного афоризма «добро должно быть с кулаками». Но Добро ли это?

Явление, заменяющее людям Бога, идентифицируется человеческим сознанием как «оппонент Бога». И действительно, стремление Сверхчеловека к власти — ни что иное как желание утвердить победу, доказать Создателю своё главенство. Именно поэтому, чтобы устранить Оппонента, такие мыслители, как Ницше, стремящиеся всей своей сущностью служить Сверхчеловеку, говорят, что Бог мёртв.

Борьба Сверхчеловека с Богом обнаруживает противоположность этих явлений. Не случайно Добро противостоит Злу

как явлению полярного, противоположного значения. Таким образом, всё, противоборствующее Добру, есть Зло, в том числе и воюющий за всевластие Сверхчеловек.

Но что более всего мешает Сверхчеловеку в Добре? Его суть. Сущность Слова (Logos) Божьего, определяющего природные и разумные, логичные законы бытия. Получается, что Сверхчеловек — явление противоестественное, противное жизни. Считая себя главным врагом Всевышнего, Сверхчеловек как явление обнаруживает свою враждебность человеку, которого «возлюбил Бог».

Но не стоит забывать, что именно человек сказал, что «Бог умер», ведь только человеку дано право выбора между Добром и Злом. Таким образом, только человеку давно одарить Сверхчеловека безграничной властью, равно как и отнять эту самую власть.

Развитие идеи Сверхчеловека

Необходимо обратить внимание на влияние ницшеанства, из которого и берёт истоки такое понятие, как Сверхчеловек, на мировую культуру.

В первую очередь обратимся к «следу», оставленному мировоззрением вседозволенности в литературе. Ярчайшим примером вольного, но точного изложения теории Сверхчеловека является теория Раскольникова — главного героя романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание».

Раскольников утверждает, что люди делятся на обывателей — «тварей дрожащих» и «право имеющих» — незаурядных личностей, обладающих от рождения моральным правом на любые поступки, в том числе на убийство других людей. Однако же сам Раскольников объясняет, что право это Сверхчеловек может использовать только при необходимости, только во благо людям. С абсурдностью собственной теории герой сталкивается тогда, когда понимает, что действия, совершённые во благо людям, не могут требовать людских жертв — жизнь не может строиться на смерти.

Необходимо обратить внимание и на то, что сам Раскольников, исходя из веры в точность своей теории, решил узнать, кто же он — обыватель или Наполеон. Но интересен не сам факт легковерия героя, а тот метод, который избирает герой

для проверки. Важно отметить, что именно гордыня, движимый которой Раскольников убивает старуху, гордыня, а не теория, становится в основу этого убийства, потому что гордыня лежит в основе теории.

Нельзя поспорить, что старуха-процентщица была омерзительна: жадность, скопидомство, старушечья осторожность и недоверие – всё это вызывает отвращение. Следует обратиться к образу Раскольникова: красивый, страдающий, чувствительный, умеющий думать, любящий своих родных молодой человек – не такой, как все окружающие его люди, он не может не вызывать читательской симпатии. Однако читатель может наблюдать, как после совершения преступления мучается Раскольников, как его душа захватывается мраком. Именно этим и выражается позиция Достоевского: убийство недопустимо, «нет ни у кого этого права вершить судьбы, ни у какого человека», – говорит нам этим романом Достоевский. Нельзя убить, даже такую, как Раскольников, даже такую, как старуха-процентщица.

Необходимо отметить роль христианства в духовном восхождении Раскольникова, ведь именно вера в Бога противопоставлена вседозволенности. Это происходит не случайно: при помощи антитезы автор доносит до читателя противоположность идеи Сверхчеловека.

Реализация идеи

Интересен тот факт, что ницшеанские идеи нашли свое отражение не только в культуре, но и в мировой истории. Реализация теории вседозволенности началась в Германии в XX веке. Всё началось с принятия идеологии «кастового» разделения людей на высших и низших. В рамках нацистской идеологии разделение происходило по расовому признаку. Именно среди высшей расы, коей были официально признаны арийцы, должны были появиться, по общим ожиданиям, Сверхлюди. Но все дело не ограничилось одними ожиданиями: люди решили самостоятельно вывести Сверхчеловека, немного ускорив природные процессы, получить «нового человека» путем искусственного вмешательства.

«Разработка» Сверхчеловека шла сразу по нескольким направлениям. В первую очередь происходил «подготовительный этап» процесса, которым обозначали исследование

и формулирование целей, а также приготовление «материала» для исследования — людей.

Характеристики, которым должен был соответствовать выведенный вид человека, полностью совпадали со всеми характеристиками, присвоенными «новому человеку» последователями ницшеанства: психологическая и физическая выносливость, хладнокровность и внутреннее освобождение от «цепей» нравственности.

Опыты проводились как в медицинских лабораториях, исследовавших физические параметры человека, так и в пыточных кабинетах, диагностирующих «крепость духа».

Стоит отметить, что у людей, прошедших «необходимые испытания», вопреки ожиданиям исследователей, не обнаружилось скрытые способности, наоборот, психика оказалась сломлена пытками, а люди, прошедшие такие «медицинские» испытания «на прочность», как вливание яда, чаще всего не доживали до следующего приема пищи.

Этот исторический опыт, который можно характеризовать как борьбу против человеческого в человеке, — самое страшное, что происходило в мировой истории. Но не стоит забывать, что такое вероломное отношение к человеческой природе является точным следованием ницшеанским «инструкциям».

Сила слова

Идеи ницшеанства, изложенные понятно и просто, в то же время обращённые будто бы напрямую к читателю — вот что пустило корни в умы и сердца, вот что возросло, вот что дало свои разрушительные плоды.

И вот мы приходим к тому, что в основе всего лежит Слово, которое «было в начале» и которое некогда «было Богом». То Слово, силой которого обладает сделанный «по образу и подобию Божьему» человек. Люди как обладатели живого Слова сами выступают вершителями своей судьбы, наполняя слова свои не Любовью, но Ненавистью.

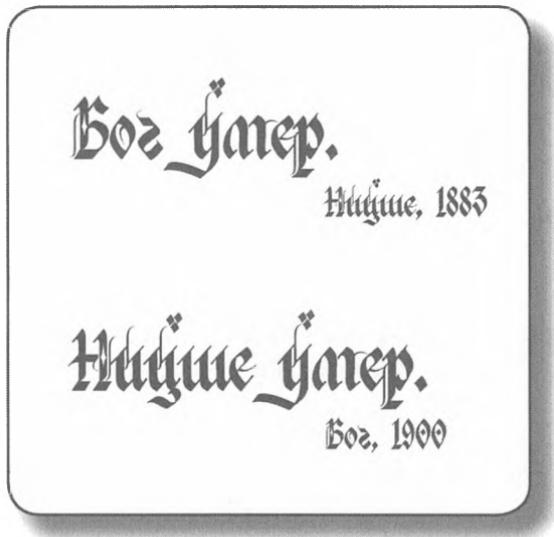
Путь от зарождения до реализации ницшеанских идей, путь нравственного падения человека, путь добровольного умерщвления духа показывает людям, что известные всем слова из Библии «в начале было Слово» имеют и другую «сторону медали»: ведь именно слово стоит в начале Конца.

Заключение

Любовь вечная

Человек отрекается от Бога и объявляет Его умершим для того, чтобы поддержать новое божество — Сверхчеловека, в то время как Бог противостоит Злу в облики Сверхчеловека, помогая человеку как «сыну Божьему» избавиться от гнёта недобрых сил.

Закон Любви поистине велик. Что бы ни происходило, Бог прощает человека за отречение, за предательство, за ненависть. Всепрощение и Милосердие сливаются в одну всепоглощающую Любовь, способную победить Зло, победить нравственную Смерть и воскресить человеческую душу.

Содержание

Георгий Вомпе.
Русская Голгофа.
6

Сергей Бычков.
Царя ли вашего распну?
24

Виктор Аксютин.
Как хоронили последнего императора.
Чьи амбиции тревожат прах расстрелянных?
47

В.Н. Соловьёв.
Письмо Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси
Алексию II.53
Письмо Его Высокопреосвященству Ювеналию
Митрополиту Крутицкому и Коломенскому.....63
Письмо протоиерею Всеволоду Чаплину..... 68

Заявление Архиерейского Синода
Русской Православной Церкви Заграницей
69

Воспоминания Я.М. Юровского о расстреле
Николая II и его семьи
72

Воспоминания Г.И. Сухорукова о расстреле
и захоронении Романовых
80

Из воспоминаний участника расстрела царской семьи
М.А. Медведева (Кудрина)
84

Леонид Воронин.
Ныне отпускаеши...
98

Пётр Коломейцев.
У взорванного моста
128

Станислав Божко.
Зеркала
138

Михаил Штеренберг.
Мистика Холокоста
164

Раиса Гершзон.
Рисунки к фильму «1914. Последний еврей»
195

Ольга Ерохина.
В начале было Слово
198

Сергей Фёдоров.
Воспоминания церковного сторожа
216

Владимир Ерохин.
Недвойственное постижение
242

Сергей Зик.
В глубинах таинственной драмы
254

Мириам Ерохина-Лучанская.
Оправдание добра
272

УДК 24
ББК 86.37
В69

Жестокий век / Специальный выпуск альманаха
«Волшебный фонарь. — М.: Волшебный фонарь,
2014. 296 с., илл.

ISBN 978-5-903505-61-6

ISBN 9785903505616

9 785903 505616 >

- © Г.А.Вомпе, текст, 2014
- © С.С. Бычков, текст, фото, 2014
- © В.В. Аксючиц, текст, 2014
- © Л.Б. Воронин, текст, 2014
- © А.Г. Калмыкова, текст, 2014
- © П.Л. Коломейцев, текст, 2014
- © С.В. Божко, текст, 2014
- © М.И. Штеренберг, текст, 2014
- © Р.Б. Гершзон, рисунки, 2014
- © О.П. Ерохина, текст, 2014
- © С.И. Фёдоров, текст, рисунки, 2014
- © В.П. Ерохин, текст, 2014
- © С.А. Зик, текст, фото, 2014
- © М.В. Ерохина-Лучанская, текст, фото
- © «Волшебный фонарь», макет, 2014

Отпечатано в ППП «Типография „Наука“»
121099, Москва, Шубинский пер., 6.
Формат 60x100/16. Объём 18,5 печ. л.
Заказ № 887

Жестокий
век

Жестокий
век